

400000

Лет назад

Судьба занесла этого героя в очень далекое прошлое, в то время, о котором остались только сказки. Там боги с духами такие же живые как люди. Там другой мир. Мир о котором ни кто не помнит. Но герой наш там не просто так. Его призвали....

Глава 1 Плоды любознательности

Если вы посчитаете, что все, что далее будет написано вымысел автора, то вы глубоко ошибаетесь. Все нижеизложенное — все истинная правда, вычитанная и в дальнейшем описанная, а также являющаяся результатом моей неутомимой любознательности, ну и конечно же огромной удачи. Этот рассказ не обо мне. Как бы не хотелось стать главным героем тех удивительных приключений, но увы, совесть не позволит присвоить себе лавры путешественника в далекое прошлое.

А ведь все началось с того, что подстрекаемый врожденным любопытством, я наткнулся в интернете на Перуновы Веды. Да, именно те самые, золотые пластинки, которым более сорока тысяч лет. Можете верить, или кривиться в скептической улыбке называя меня дилетантом и лжецом, объясняя с пеной у рта, что все эти Славяно-Арийские записи лишь грубая подделка, но именно с их помощью я смог узнать такую вот удивительную историю.

Естественно, что я увлекся изучением сего артефакта. Скопировал изображенные на них буквы-иероглифы на рабочий стол компьютера, а затем, зачем-то, вставил изображения в нейросеть, с запросом обработки и перевода. Почему я так поступил? Не спрашивайте, не знаю, просто так захотелось, видимо интуиция сработала, но результат оказался неожиданным и поразительным. Ваш покорный слуга, минут пятнадцать, если не больше, сидел с открытым ртом, ежеминутно протирая глаза, ибо не верил в произошедшее. На мониторе появился текст на русском языке. Вы только вдумайтесь. На табличках, которым сорок тысяч лет, современный текст, написанный в виде дневника — мемуара, от некоего Федора.

Представляете: на древних пластинках, описывалась удивительная история нашего с вами современника, волею судьбы, заброшенного в доисторический мир. Прочитав текст, я поразился не только его невероятным приключениям, но и тому, на сколько оказывается неправильными являются знания современных ученых о тех, стародавних временах. На сколько мы ничего не знаем о том мире, из нашего с вами прошлого. На сколько оказывается правдивы сказки и легенды, сохранившиеся до наших дней.

Я понял, что мне предоставилась уникальная возможность открыть завесу невежества. И тогда, обуреваемый самыми искренними желаниями, принести в мир истину, я кинулся в институты и университеты специализирующиеся на изучении истории. Махал перед носами профессоров и академиков, распечатанными на бумаге дневниками Федора. Доказывал заблуждения мастодонтов от науки, кривящих лица в скепсисе, в их знаниях истории человечества. Пытался им объяснить, что они неправы, отстаивая, с пеной у рта свою правоту.

Как же я ошибался. Меня подняли на смех и отправили в ближайшую редакцию, специализирующуюся на «желтой прессе», с пожеланиями напечатать свои каракули под подобающим, для подобной литературы, видом бредовой фантастики, а не отвлекать научные умы, своим вымыслом, от серьезных изысканий. Так и ничего не добившись в мире науки, я решил опубликовать дневники, выставив их таким образом, на всеобщее обозрение. Но и здесь потерпел полное фиаско.

Первый же редактор книжного издательства, объяснил мне, что: «История у вас просто замечательная, конечно. Но вот ее подача. Очень сильно, понимаете ли, и это еще очень мягко сказано — хромает. Не литературным языком написана. Ошибок много. Не

заинтересуется массовый читатель таким произведением, а нам такое невыгодно. Так что извините.». Намаялся я в общем с этим дневником. Оставалось мне в итоге, только два варианта развития дальнейших событий. Первый, это плюнуть и забыть, а второй — это переписать всю историю Федора, попытавшись придать ей более-менее читабельный вид. Вот вторым вариантом я и занялся. Что из этого получилось? Не знаю, судить вам, дорогие мои читатели.

Понимаю конечно ваше нетерпение, и желание скорее узнать эту удивительную историю. Но прошу немножко потерпеть мое занудство. Мне кажется важным пояснить, в какой именно мир попал мой герой, и поверьте, это я делаю не из вредности, и не для того, чтобы, затянуть рассказ, а лишь для того, чтобы в последующем не отвлекаться от повествования, давая нудные пояснения.

В те доисторические времена, земля наша ничем не отличалась от современной, разве, что только климат был более сухим и немного холодным, но это и не удивительно, малый ледниковый период как раз свирепствовал на севере нашего голубого шарика. В остальном же, в плане географии, все было так же, как и сейчас, может быть, только с малюсенькими отклонениями, практически не меняющими облик планеты.

Глобальные движения материков, к тому времени, давно закончились, образовав привычные нам континенты, моря и океаны. Великие реки давно пробили свои русла, и если и поменяли, так сказать, свой путь, то столь незначительно, что даже говорить об этом не стоит. Леса стали — лесами, степи — степями, а пустыни — пустынями. Все то же самое, что и сейчас, конечно же с небольшими нюансами, но на столько незначительными, что даже отвлекаться на их описание не имеет смысла. Ведь даже в наше время изменения ландшафта происходят постоянно, что уж тут говорить о сроке, в сорок тысяч лет.

Животный же мир был другим, очень непохожим на привычный нам — современный. Конечно, в описания каждой, существовавшей в те стародавние времена зверюшки, я погружаться не буду, ибо тогда затяну и так немаленькое вступление, скажу только, что сочетание мамонтов, саблезубых тигров, пещерных медведей, и вполне современных лошадей и собак, были неотъемлемыми реалиями того времени.

Еще одной особенностью того исторического периода существования нашей земли, было создание в то время, новых цивилизаций, которые образовывались на обломках уничтоженных триста пятьдесят лет назад, более древних империй Атлантов, и еще какой-то не оставившей даже своего названия. Воюя друг с другом, они применили какое-то жуткое оружие, чем-то похожее по своей сокрушительной мощи на атомное, или водородное, и едва не уничтожили всю планету. Но ко времени попадания в тот мир нашего героя, о них сохранились только отдельные легенды, да еще заброшенные руины некогда огромных городов, да заросших дорог.

Что поделать. Человеческая память коротка, тем более, когда не остается письменных подтверждений. Считающие себя победителями расы, переворачивают прошлое под свои, часто меркантильные нужды, при этом стремительно ассимилируясь с более примитивными племенами, перенимая их опыт выживания, и деградируя до уровня, зачастую каменного века. Старые знания уходят вместе с культурой и обычаями. Два три поколения, и все: технологии утеряны, учения забыты, искусство кануло в небытие, а из того, что осталось, уже нарождается, что-то новое, пусть чем-то и напоминающее уходящее старое, но уже свое, новое и неповторимое.

Вот в такие вот времена и попал наш герой. Простой школьник десятого класса,

шестнадцатилетний парень, ничем особым не отличающийся от своих сверстников, если только более упрямым и авантюрным нравом да высоким ростом.

Фигура парня, в силу возраста еще не сформировавшаяся окончательно, выглядела несуразно и забавно. Как, в общем-то, и у всех подростков во время физиологического созревания, тем более не особо уделяющих внимание на занятия спортом, и более предпочитающим онлайн игры, и соцсети, а зачастую и сигарету с пивом.

От многочасового сидения за компьютером, а также, от держания рук в карманах, сутулая спина, нашего героя, казалась хилым продолжением затылка, и это, не смотря на внушительный размах плеч, доставшихся по наследству от деда — казака. Увы, сочетание богатырских плеч и скукоженной впалой груди, выделяло острые выпирающие лопатки, образовывавшие своеобразный горб на спине. Выющаяся грива черных, длинных, с синеватым отливом, волос на голове, спадала волнами на кряжистую мускулистую шею, словно взятую от донора тяжелоатлета, и прилепленную к несуразному телу червяка. Длинные, худые ноги, еще более визуально увеличивали худобу, и угловатость фигуры нашего героя.

Он не был красавчиком, в общепринятом понимании этого слова, но и конечно же уродливой его внешность назвать было нельзя. Приятное, притягивающее взоры девушек, правда слегка бледное, с синеватым оттенком век, лицо, хотя возможно это просто создавалось такое впечатление, из-за незагорелой кожи и черной, контрастирующей ей шевелюры.

Высокий, слегка покатый, лоб, греческий, немного великоватый, с горбинкой, нос. Тонкая верхняя губа, с темным пушком первых, пробивающихся усов, при улыбке открывающая белоснежные, крупные зубы и пухлая нижняя, при сжимании, образующая с верхней сестрой нитку бараньего упрямства. Широкие скулы — верный признак затаившейся где-то в глубине души, воли и целеустремленности, и довольно внушительный подбородок, называемый в народе: «Упрямый».

Несмотря на своего рода посредственность и инфантильность, во внешности было всё-таки, что-то в нем такое, что создавало впечатление существовавшего стержня внутренней интеллигентности, или наверно, точнее будет сказать, породистости.

Возможно, причиной этому были глаза. Ярко синие, с какой-то неестественной глубиной, и поволокой мудрости. Они смотрели на окружающий мир с поразительной жесткостью и несгибаемой волей, что совершенно нехарактерно для его шестнадцатилетнего возраста, и что заставляло отводить взор, даже арестовавшего его однажды полицейского.

Не сказать, что Федор был хулиган. Совсем нет. Просто характер он имел довольно авантюрный, за что частенько и страдал, от ремня отца, который тот применял с регулярным постоянством, частенько разрисовывая задницу сына, и пытаюсь, таким образом, внушить уважение к общепринятым правилам жизни.

Не блистая особыми успехами в общеобразовательных дисциплинах, в школе, парень, однако, был довольно знаменит своими нестандартными выходками, и довольно колкими на язык шутками. Особую популярность он приобрел, когда угнал у собственного отца автомобиль. Глупейшая выходка, за которую ему было нестерпимо стыдно, и на которую он никогда бы не решился, если бы не спор с одноклассником, в присутствии красавицы Ленки, к которой испытывал чувства первой юношеской любви, и которую неосмотрительно пообещал вывезти за город, на шашлыки на машине.

Запланированный пикник не состоялся по причине дежурившего на выезде из города

поста ДПС. В итоге, Федор, Ленка, и друг по проказам — Ванька с его подружкой веснушчатой хохотушкой Светкой, были безжалостно задержаны, и провели в полицейском участке шесть часов, пока стражи порядка разыскивали родителей, и составляли протоколы.

Наш герой еще к тому же отличился тем, что гнусавым голосом продекламировал небезызвестные стихи: «Сижу за решёткой, в темнице сырой», чем вызывал одобрителный хохот у сидящего в соседней камере-клетке мужика, самой бандитской наружности с выбитым зубом и огромным синяком под глазом, а так же явное раздражение у дежурившего за пультом капитана, нервно хватяющегося за дубинку на поясе.

Итогом этого глупейшего приключения стали синяки на заднем месте, старательно нарисованные взбешенным отцом, и прозвище: «Отморозок», с придыханием и благоговейным шепотом, произносимое за спиной Федора учениками младших классов, провожающих парня восхищенными взорами.

Ну вот наверно и все. Хватит предисловий. Моих пояснений и описаний, перейдем, пожалуй, к самому дневнику, и окунемся в наше доисторическое прошлое, вместе с нашим героем:

Этот день начался обычно, так же, как и все предыдущие. Ничего странного и сверхъестественного, если не считать опоздание на первый урок по физике в школе, из-за банальной причины — крепкого сна и неработающего будильника.

Сегодня вечером он договорился встретится со Светкой в парке, и предстоящее событие, полностью заполняло сознание Федора, затуманивая мечтами разум и делая парня рассеянным. Это было уже не первое их свидание, и они даже целовались три раза, в подъезде дома, когда он провожал девушку до дверей квартиры, но от того не было менее желанным. Промечтав шесть уроков, и отвлекаясь от этого приятного занятия только на перемены, Федор вернулся домой. Пообедал разогретыми в микроволновке щами, сделал быстренько и нехотя уроки, и засел до вечера за подаренный отцом на день рождения ноутбуком, с головой погрузившись в очередную стрелялку.

Время пролетело быстро. «Вот почему так? Когда что-то интересное, то летит птицей, а когда делаешь что то нудное, то ползет черепахой. Несправедливо». — С такими мыслями он проглотил приготовленный матерью ужин, и чмокнув в щеку, буркнув на прощание: «Спасибо». Быстро переоделся, расчесал непослушные вихры волос у зеркала в прихожей, и выскочил на улицу.

До назначенного свидания оставалось еще полчаса, но ноги сами собой летели вперед и потому он добежал до места за десять минут, а потом ждал свою белокурую принцессу еще полтора часа. Так было всегда. Светка опаздывала постоянно, заставляя страдать сгорающее от любви сердце в томительных, еле бредущих по циферблату часов, минутах.

Потом долгое гуляние по аллеям парка, в обнимку, обхватив неуклюже, дрожащей рукой тонкую талию, и втягивая носом еле различимый запах духов, заставляющий трепетать сердце. Жаркие поцелуи нежных, податливых губ, с привкусом клубники, на прощание, у дверей квартиры. Затем, ставшее уже семейным ритуалом, выслушивание нотаций от матери за позднее возвращение домой и наконец сон, в мягкой, благоухающей свежестью чистого белья постели.

Сладкий, полный волшебных иллюзий юношеский сон, с непременно героическими свершениями. Победой над полчищами врагов и последующими за этим чествованиями на торжественных пирах великого героя Федора, совершившего какой-то уже забытый,

потонувший и растворившийся в небытие морфея подвиг. Конечно же неперемненные обьятия и поцелуи принцессы-девушки, в белоснежном подвенечном платье, ее восхищенные глаза и шепчущие слова благодарности, за спасение из лап злодея. Прекрасны эти юношеские, полные романтизма сны. Но вот пробуждение не всегда бывает таким приятным. Можно даже сказать жестоким бывает.

Глава 2 Старички поссорились

Сквозь утреннюю дрему Федор почувствовал неприятный дискомфорт. Стало как-то вдруг неудобно и жестко. Что-то надавило и закололо в боку, на котором он лежал. Прерывать сон совершенно не хотелось, поэтому он игнорировал такую мелкую неприятность. Также довольно резко похолодало. Причем спина замерзла, словно мама открыла форточку для проветривания комнаты, и сквозняк мурашками забегал по коже, а переднюю часть тела, наоборот, обогревало приятным пеплом. Такое ощущение, что юноша оказался на Черноморском пляже, под палящими лучами солнца, которое по странному стечению обстоятельств, светило только в лицо, игнорируя при этом все остальное слегка замерзшее тело.

— Мам, закрой пожалуйста окно. Дует. — Пробормотал он, не открывая глаз. И причмокнув по-детски губами, вновь попытался погрузиться в объятия Морфея, перевернувшись на другой бок, и засунув ладони под щеку.

— Кхе. — Донесся до него приглушенный смешок.

Федор разлепил один глаз, и улыбнувшись увиденному, приняв странную действительность за видения непроснувшегося еще разума, вновь закрыл. Юношеский сон крепок, не просто вырвать из его лап посапывающего ребенка, а наш парень, как не кичился своей великовозрастностью, но был все еще по своей сути дитем.

— Какой сон. — прошептал он, блаженно потягиваясь и садясь на почему-то ставшей твердой постели, все еще не поднимая век, в попытке продлить удовольствия ночного отдыха. — Лес, костер, гномы, еще бы форточку кто закрыл. Мам, ты тут? — Он передернулся ознобом, и наконец открыл глаза.

Шок от увиденной ни как не ожидаемой действительности, разом парализовал и разум, и тело. У каждого человека, при таких нестандартных, обстоятельствах (и это еще очень мягко сказано — нестандартных), своя реакция. Кто-то неистово начнет себя щипать, до кровавых синяков, при этом крестясь двумя руками одновременно, кто-то, перебирая в прыжке ногами, рванет наутек, вопя: «Мамочка!». Но я думаю, что большинство, так же, как и наш герой, зависнет в ступоре. В этом нет ничего пред рассудительного. Никогда не знаешь, что предпримешь, когда испытаешь подобное, да еще столь неожиданно. Ведь ложаешься спать дома в теплую постель, вы наверняка не ожидаете, что проснетесь на голой земле, в предрассветном лесу у костра, в обществе улыбающегося гнома, и злобной Бабы Яги.

Да, именно так. Вокруг нашего, широко раскрывшего в испуге глаза, и прекратившего даже дышать, героя, шелестела, покачиваемая легким ветром, еловая сумрачная чащоба. Темные конусы деревьев, на фоне голубого, подсвеченного бордовым пламенем восхода солнца неба, пугали парня почему-то больше, чем непроглядный мрак, обступающего вокруг леса, и зловещего костра, с двумя бомжеватыми с виду персонажами.

Один из них малюсенького росточка дедок, еле достающий, своей широкополой шляпой, в форме гриба подосиновика, только грязно-зелёного цвета, до колена Федора. Более-менее точно измерить рост этого персонажа, было бы возможно, но это только в том случае, если бы он хотя бы встал, но тот сидел на поваленном стволе дерева, угрюмо ковыряясь сучковатой палкой в пламени костра. Как ни странно, но тот отвечал ему, словно живой, недовольным потрескиванием, и плевками искр, в предрассветное небо.

На лице, наглухо заросшем седыми волосами, соединившими в одно целое, и прическу, и брови, и усы, и бороду, выступали только две вещи: большой, мясистый, красный нос-картошина, со здоровенной коричневой, рыхлой бородавкой, и загнутая книзу, опускающаяся между ног, вместе с длинной переплетенной с лесным мусором, бородой, огромная курительная трубка, пускающая редкие кольца дыма. Нет, было еще, то, что пугало больше всего Федора — немигающие глаза, отражающие свет костра, красными жуткими отблесками потустороннего пламени.

— И всё-таки ты дура. — Густой, хриплый бас, никак не вяжущийся с обликом говорившего, позвучал прямо из седых зарослей бороды. — Я просил тебя, о богатыре Федогране, а ты приволокла сюда этого сморчка. Столько сил и трудов насмарку. — Он тяжело вздохнул, и со злостью бросил палку в костер. — Что мне теперь с этим подобием человека делать прикажешь?

— Что просил, то и получай. — Заскрипела голосом пенопласта по стеклу, сидящая напротив худящая старуха.

Федор перевел с деда на нее немигающие от ужаса глаза, и едва не потерял сознание. Не осуждайте его за это. На березовом пне, положив голову на сложенные ладони, обхватывающие загнутый в виде змеи крюк посоха, сидела сама смерть. И одного взгляда парня, хватило на то, чтобы это осознать.

Высокая бабка, на столько худая, что кажется каждое ее движение сопровождалось стуком костей, не мигая смотрела в костер черными, бездонными глазами, состоящими из одних зрачков с мерцающими там искрами отражающегося пламени. Перепутанная шевелюра рыжих с прядями седины волос, опускалась ушами пуделя на плечи, и дальше, волнами накатывалась на торчащие острые холмики груди, прикрытые серым, с черными кляксами гниющей ткани, и неровными заплатками, платьем. Она громко сопела, с трудом втягивая воздух, длинным прямым носом, крючком загнутом внизу, к нижней тонкой губе, наползающей на верхнюю, создавая тем самым гримасу вечного недовольства.

Подрагивающий свет костра, гулял всполохами и тенями от по ее изрезанному морщинами лицу, создавая видимость, то милой улыбки, то хищного оскала. Она медленно повернула голову и не мигая посмотрела на Федора, и вдруг внезапно рассмеялась, каркаящие и натужно, выплевывая звуки, из широко раскрываемого рта, с двумя одинокими пораженными парадонтозом, желтыми зубами, в разных его углах.

— Что, касатик, так на меня влюбленно смотришь? Никак понравилась тебе? Так не стесняйся, я еще баба хоть куда, на все согласная. Даже замуж пойду. Меня даже звать не надо.

— Уймись, Ягира. Только тут твоего тупого юмора не хватает. Наворотила делов непотребных, теперь ржет как кобыла перед случкой. — Дед злобно сплюнул в костер, и тот ответил ему не менее злобным шипением, заскворчав на раскаленном угле слюной. — Он хотя-бы понимает нас? — внезапно, крючковатый палец с обгрызленным ногтем, на неестественно вытянувшейся руке, больно ткнул парня в грудь. Бабка, все еще смеясь, закивала головой.

— Понимает, понимает, как не понять. Я поковырялась там, в его черепушке. Поправила кое, что. Только вот, что я тебе скажу. Больше я туда не полезу, что хочешь мне посули, но не полезу. Там такое наворочено, что я с трудом назад выбралась:

Дома кругом каменные, ну прям как у англуссов в поселениях, но с теми то понятно все, от бедности это у них. Только вот камень тот, в отличие от племен тех диких, все больше

ровный, да гладкий, словно шлифованный, и вслюде весь, в прозрачной. Как они еще там все зимой не померли от холода? Я сколь не кумекала, не разобралась. И зачем каменные, если деревьев вокруг пруд пруди. Тут для меня старой вообще непонимание полное. Еще там...

— Да заткнись ты ворона! — Рывкнул дед. — Я тебя только спросил: «Понимает он по-нашему, али нет? А ты развела канитель.»

— Ты, Чащун гонор свой непотребный окороти. Не с девочкой чай разговариваешь, и не со слугами своими. Я ведь и обидеться могу. — Ягира повысила голос, который стал внезапно твердым и звенящим как церковный колокол.

— Ладно. Забудем. — Дед примирительно махнул рукой и выпустил струю густого дыма из бороды. — Сама же видишь, что не получилось у нас ничего. — Пробормотал он едва слышно себе в усы.

— Ты на меня-то не кивай. Я все, что ты по уговору просил выполнила, а в остальном не моя забота. — Смягчилась бабка, но в голосе явно послышались нотки ехидства. — Привык понимаешь, старый хрыч, командовать. В лесу своем свирепствуй, а ко мне не лезь. Я тут в ельнике хозяйка. — Забрюзжала она монотонным голосом.

— Где же выполнила-то. Я тебя о чем просил? Я тебя о Федогране просил, о богатыре, а ты мне какого-то сморчка приволокла. — Внезапно взорвался дед и подскочив воткнулся в бабку злющим взглядом. Та не осталась в долгу, и то же подпрыгнула, непонятно каким образом оттолкнувшись от земли, и крутанув в руках посохом, нависла над ним серым приведением, с клубящимися из гниющих прорех в платье черными облачками то ли тумана, то ли марева.

— Не нравится, я себе заберу. — Вновь загремел ее голос. — Мне для куража пригодится, да и задумка у меня одна есть кулинарная, как раз для такой вот немощи подходящая. А за Калинов мост сам за покойниками бегай, а я несогласная. У меня с Перуном договор, я в Навь не лезу, а он меня за это в Яви не трогает. Твой Федогран давно за столом Триглава пирует к отправке в Правь готовится, а этот вот. — Клюка старухи вытянулась в сторону отползающего в сторону Федора. — Потомок его, чистой крови, так, что договор выполнен.

— Шиш тебе, карга старая! Не признаю я завершения договора. — Скрутил «фигу» дед, сунув ее в птичий нос старухи.

Внезапно воздух на поляне стал густым, и запахло озоном. Со стороны Чащуна вошло солнце, заполнив пространство ярким светом и теплом, а со стороны Ягиры стеной встал могильный, ледяной мрак, не отступая, но и не двигаясь вперед. Ровная прямая линия разделения ночи и дня, одной своей стороной опиралась на взревший пламенем костер, а вторая, утонула в бесконечности неба.

Наш герой, отталкиваясь трясущимися от страха руками, попятился к лесу, в надежде спрятаться там от разразившегося внезапно скандала двух непонятных существ, грозящего перерасти в побоище, в слабой надежде забиться там под любой, даже самый маленький и чахлый кустик, и постараться как минимум не умереть от охватившего ужаса. О спасении он уже и не мечтал.

— Стоять! — Рывкнули на него дуэтом два голоса, и две пары глаз намертво пригвоздили его к земле. Одни, сверкающие голубым гневом, принадлежали деду-коротышке, а вторые, полыхающие огнем, костлявой бабке. Посох в руках последней взлетел

в воздух, и обернувшись щелкнувшей, на пастуший манер плетью, обвился вокруг шеи Федора.

— Не сметь! Мое! — Взревел Чащун, и врезал кулаком, по мгновенно ставшей вновь посохом плети, а начавший уже задыхаться Федор, с жадностью втянул в себя густой наполненный почему-то запахом крови, воздух, и растянулся пластом на мокрой от утренней росы траве.

Шляпа-подосиновик на голове деда постепенно начала наливаться зеленым сиянием, а у бабки из глаз потянулись витыми жгутами, два кроваво красных, полыхающих пламенеющей ненавистью, жгута. Ягира быстро начала вытягиваться в верх, словно была сделана из резины, а Чащун раздаваться вширь, словно он, быстро заполняемый воздухом, латексный шарик.

Несмотря на то, что все действия этих жутких существ, произошли молниеносно, герой нашего рассказа прожил за это, промелькнувшее метеоритной каплей время, целую жизнь. Во всяком случае, именно так он написал в своем дневнике, вспоминая эти, пережитые, секунды, и те ощущения страха, и безысходности, накатившие на разум мальчишки, вырванного из тепличных условий того, доброго и ласкового мира в котором он существовал до сих пор, и зашвырнув сюда, в мир ужаса.

Все закончилось внезапно. Бабка вернулась к нормальным размерам, и вскочив на свой посох, который обернулся клубящимся черным облаком, в виде осла, обожгла Федора ненавидящим взглядом, и прокаркала:

— Повезло тебе сегодня касатик аж два раза. Первый, это когда я тебя через темную материю безвременья живого перетащила, а второй, когда этот убогий коротышка. — Она кивнула, не поворачивая головы в сторону сдувшегося до обычных размеров деда. — Решил дать тебе шанс повзрослеть до нормального состояния, достойного твоего возраста. Но, он будет вынужден соблюдать условия, выдвинутые мной, и подтвержденные богами, во время нашей совместной клятвы. Запомни. У тебя есть ровно год. Если ты не станешь за это время хорошим воином, то по окончании срока, станешь моей собственностью. Запомни!

Она рассмеялась, подняв на дыбы своего осла, словно это было не упрямое животное, а горячий жеребец, и прищпорив бока, клубящегося маревом скакуна, босыми грязными пятками, взлетела в воздух, где быстро удалилась, растворившись вдали светлеющего восходом неба.

Чащун с кряхтением опустился на поваленное дерево около костра, и хлопнув ладонью около себя, и устало кивнув головой, пригласил Федора.

— Иди сюда. Садись не бойся. Все страшное уже позади. Хотя... — Он задумчиво окинул поднимающегося с земли парня затуманенным взором, и видимо, что-то решив про себя, продолжил уже более уверенно. — Нет, пожалуй, надо всё-таки дать тебе этот шанс. Пусть и небольшой, но все же. Физически ты, конечно, немощен, даже боюсь спрашивать, где так уродуют мужчин. Но вот твои глаза мне нравятся. Есть в них что-то от ушедшего по Калинову мосту Федограна. И если старая карга не врет, а с нее станется, то кровь предка должна помочь выправить перекосы в твоей душе и теле. Ну что встал чуркой бесхребетной! — Рывкнул он на вздрогнувшего от неожиданности Федора. — Показал же, тебе, чтобы сидел рядом. — Он вновь хлопнул ладонью по стволу дерева, рядом с собой. — Говорить будем.

Чащун задумался, выпустив струю табачного дыма, и так и сидел, не обращая никакого внимания на подошедшего на дрожащих ногах, и опустившегося рядом с ним парня.

— А ты не прячься там, изображая из себя кустик сирени, всеравно не похож. — Произнес он, непонятно к кому обращаясь. — Тебе, тебе говорю, не строй из себя более глупое создание, чем ты есть на самом деле.

Справа, из-под склоненной до земли еловой ветки выполз огромный волк, и на полусогнутых лапах, практически касаясь пузом земли, подполз к старику, и опустил морду тому на колени, зарывшись по самые уши в седой бороде. Дед, положив руку на мощную шею зверя почесал тому холку и улыбнувшись приподнявшимися усами, вновь выпустил дым.

— Испугался, Вул. Ничего, я сам струхнул слегка. Давно мы с Ягирой так не собачились. Вон даже Перуна побеспокоили, уж на сколько он терпеливый бог, а и то не удержался, сам нас мирить пожаловал.

Он вновь задумался и замолчал, пуская дым из перепутанной бороды и почесывая холку, рычащего от удовольствия волку. Сколько он так просидел, может полчаса, может больше, Федор сказать не мог. Время остановилось, как и остановились все мысли в голове. После всего пережитого, он сидел в состоянии полного отупения, рассматривая немигающим взором костер, и приходил в себя.

— Ну что же. — Прервал молчание Чашун, и повернул к парню голову. — Давай знакомится.

Глава 3 Новая реальность

— От куда же ты свалилось на меня, чахлое создание? — Дед смотрел на вздрагивающего Федора немигающим взглядом с низу вверх, но ощущение у парня было такое, что на него наваливается, огромного роста, выше на три головы, могучий мужик, с недобрыми намерениями. Глаза Чещуна сверлили лицо новоявленного попаданца взглядом хладнокровного убийцы-лаборанта, выбирающего себе очередную белую мышку из клетки для провидения опытов, потому как предыдущая издохла, не выдержав свалившего на нее счастья — быть причастной к научным изысканиям доброго дедули.

— Я... — Попытался произнести Федор пересохшим ртом, но у него ничего не вышло, только хриплый вздох вырвался из саднящего, словно ободранного наждачной бумагой горла.

— Эка тебя как. — Хмыкнул в бороду дед, обдав парня клубами дыма. — На-ка вот, глотни. — Он достал откуда-то из-за пазухи небольшой кожаный бурдюк, и практически насильно сунул его в не слушающиеся руки Федора. Тот поднес его к трясущимся губам и сделал глоток.

Что-то приятное, прохладное и сладкое, со вкусом пчелиного меда и вина, смочило страдающее горло, принеся облегчение, снизив прокатывающуюся по телу волнами дрожь, и успокоив трясущиеся руки, до состояния легкого подергивания.

Наш герой уже успел до этого, в своем, канувшим в небытие мире, попробовать спиртное. Но только в тот раз это был тоже сладкий на вкус, но противный до тошноты, запретный в его возрасте, напиток, в виде дешёвого портвейна.

В его ушедшем, беспшабашном детстве, они с другом Ванькой, пили уже вино, скрываясь от всех, на скамеечке в парке. Под закуску поделенного на двоих Чупа-чупса, и полупустой пачки чипсов, (на остальное тогда денег не хватило), они заглывали из горлышка тягучую противную жидкость, давясь и кашляя, но чувствуя при этом себя героями, совершающими подвиг.

Рвало его тогда знатно. Коричневая гадость фонтаном вырывалась из горла, выворачивая внутренности наизнанку. Случись тогда смерть, она в тот момент показалась бы долгожданным избавлением от мук, и совсем бы не испугала. После случившегося он дал зарок, что больше: «ни-ни», и старательно его соблюдал, отбиваясь от назойливых предложений приятелей во дворе дома: «Бухнуть и расслабится». Хотя, скорее всего, это ремешок отца, прошедшийся тогда по заднице, в воспитательных целях, поддерживал такое благое начинание, и не давал нарушать взятый на себя зарок, и клятву отцу. «Боже, как же это все было давно, в другой, счастливой жизни». — Федор тяжело вздохнул и сделал еще глоток.

— Ты особо то не увлекайся — Хохотнул дед — Это питье нрав коварный имеет. Пока наслаждаешься вкусом его, глотая меры не соблюдая, все кажется хорошо, только шум в голове легкий, да расслабление, а вот как только прерваться задумаешь, да делами насущными заняться, вот тут-то и ждут тебя неприятности. Ноженьки резвые к земельке прирастут и идти откажутся, а сам дурак-дураком сделаешься. От нектара этого не один богатырь пострадать успел, да не тебе чета. Так, что меру знай. — Он забрал бурдючок, и сунув его себе за паузу, посмотрел внимательным взглядом. — Ну так что? Расскажешь наконец о себе, али как?

— Что говорить-то? — Не сказать, что Федор окончательно пришел в себя, нет. Но хотя бы возможность разговаривать, к нему вернулась. — Из Москвы я. — Пробормотал он, и почему-то покраснел, хотя и не понимал, что тут может быть постыдного. Может это пристальный, проникающий в самую душу взгляд собеседника так действовал? А может спиртное ударило краской в голову.

— Из Москвыыы... — Протянул тот, словно пробуя на вкус новое для себя слово, и потом, словно обрезав ножом фразу выпалил: — Это где ж такой поселок находится? Не припомню такого.

— Это не поселок. Это город. Миллионник. Столица России. — Федор удивленно, исподлобья, посмотрел на деда, словно укоряя его в невежестве: «Как такое можно не знать».

— Пока только одни загадки от тебя. Что за миллионник такой? Что за Россия? Ох, ничего не понятно. Словно бредишь ты. Ох чувствую, хлебну я лиха, с орясиной такой связавшись. — Покачал тот головой. — Кличут-то тебя хоть как?

— Вы имеете в виду имя? — Федор растерялся от причитаний деда, и не сразу понял, что от него требуется.

— Еще и дурак. Ох-ох-охушки. Конечно же имя. Что тут еще непонять-то? Как тебя мамка звала, когда сиську сосать давала, это-то ты хотя бы знаешь? Иль не помнишь?

Чашун внезапно рассмеялся густым, хриплым басом, и закашлялся, покрывшись облаком табачного дыма, а парень окончательно смутился.

— Знаю я. — Набычился он. — Федором меня зовут.

— Как!!! — Дед моментально стал серьезен, и столкнув с колен голову волка, резко вскочил на ноги, встав перед парнем, и воткнув в него внимательный взгляд. — Повтори!

— Федором. — Повторил тот.

— Федогран. — Завороженно прошептал Чашун, и резко развернувшись к костру, и положив руки себе на плечи, скрестив в районе груди, поднял голову к небу — запел:

— Будь благословен, Перуне — Вождь наш, и ныне, и присно, и от века до века! И веди нас ко Славе Трисветлой! Тако бысть, тако еси, тако буди!

Он замолчал, и слеза из его глаз скатившись по седой бороде, упала в костер, вспыхнув там голубым неестественным пламенем.

— Слава Роду. — Выдохнул дед, и резко развернувшись, ловко запрыгнул на ствол дерева, встав рядом с сидевшим на нем, парнем, практически сравнявшись с ним ростом. — Что же ты, паскудник меня за нос водишь, видом своим непотребным. — Громкий подзатыльник, отвешенный тяжелой ладонью, искрами взорвался в глазах. — Ну-ка. Руку мне свою подай!

Не дожидаясь какой-либо реакции, от опешившего столь резкими сменами настроения, Федора, Чашун схватил его ладонь и полоснув по ней неизвестно как появившимся в руках серебряным ножом, слизнул потекшую кровь, испачкав бороду и зажмурился.

— Ой. — Нервный крик боли нашего героя, не ожидавшего ничего подобного, прокатился по поляне.

— Вот уж повадки бабьи. Ведешь себя как истеричка. — Причмокнул, недовольно скривившись дед окровавленной бородой. — У тебя что, отца не было? Научить уму-разуму. Ничего. Я из тебя дурь-то Макошинскую повыбью, на Перунов путь наставлю, время есть. Станешь ты настоящим мужиком, да и воина из тебя сделаю. — Он рассмеялся, покрывшись табачным дымом. — Тот самый! — Он даже подпрыгнул, что-то там распробовав во вкусе

крови. — Есть времечко. Есть. А ведьма эта еще пожалеет, что связалась. — Он погрозил куда-то в сторону кулаком. — Найдем мы артефакт надобный. Вернем славу великую. Восстановим племя славное!

Федор смотрел, слизывая капающую с ладони кровь, на пританцовывающего, искрящегося радостью деда, пускающего облака дыма, словно готовящийся к отправке паровоз, и ничего не понимал. Что тот восстанавливать собирался? Причем тут его имя, и отец? И вообще. Зачем он здесь?

— Что глазенками хлопаешь? Не понимаешь ничего? — Смеялся дед. — А и не надо тебе этого. Всему свое время. Дорастешь, расскажу. А пока знай только одно. Ты больше не Федор. Имя твое отныне — Федогран. То сам Перун подтвердил. Боги на нашей стороне. — И вдруг развернулся в другую сторону. — А ты чего вылупился?

Федор медленно перевел взгляд в ту сторону, куда посмотрел дед, и застыл, подавившись почти слетевшим с губ вопросом. Волка больше не было. На поляне стоял высокий крепкий парень, одного с ним возраста, и с преданностью смотрел на Чашуна.

Как я уже сказал, роста тот был высокого, худощавый, с длинными ногами и узкими бедрами, прикрытыми серыми, кожаными, короткими, до щиколоток, потертыми штанами, и в безрукавке, опять же кожаной, распахнутой на груди, подчёркивающей широкие плечи, рельефную грудь и сильные руки, с узлами перекатывающихся под кожей узлов, стальных мышц. Не тех, что демонстрируют бодибилдеры-качки, напичканные химией, а тех, что наливаются в ежедневном труде, занятиях и сраженьях. Ниточки белесых шрамов свидетельствовали именно о таком их приобретении.

Лицо у парня добродушное и располагающее, наверно улыбка его тонких губ так действовала, несмотря на кончики выглядывающих двух острых зубов. Это примерно так, как смотришь на котенка, и понимая, что это будущий безжалостный хищник, но вот ничего с собой поделаться не можешь, с накатывающим на душу умилением.

Глаза круглые, большие и голубые, подернутые дымкой серых ресниц, правда черные нечеловеческие зрачки немного великоваты, смотрят с какой-то непосредственностью и щенячьим восторгом, но и это, по большому счету так же, не отталкивает взгляд. Нос нормальный, вполне пропорциональный, немного широковат в районе переносицы, но смотрится вполне прилично, да еще и усики, такие, торчащие в разные стороны редкими нитками, своеобразная карикатура на Маркиза-Карабаса, из книжки-сказки. Единственное что необычно, это волосы. Прямые, длинные, до плеч, и жесткие, как остью волос на шерсти у собаки, светло-серого, неестественного для человека цвета. Во всем остальном, парень, как парень, только босой, но и это может быть нормально, для здешнего мира.

— Хватит рассматривать меня как идола Леля. — Дед рассерженно погрозил кулаком. — Теперь вон он твой новый друг, — Кривой палец больно ткнул в грудь Федора. — Товарищем ему будешь и защитником. Но и про меня помни. Опорой ему и наставником будешь так же на первых порах, а потом посмотрим. Сейчас в лес беги. Мне шкура медведя нужна, но непременно выделанная. Не сверкай зенками-то. Знаю, что трудно. Потому стаю собери, они помогут зверюгу загнать, да мясо и мездру повышейте, и жир как следует повылежьте. Если помощь какая нужна будет, Рыску кликни, она в курсе, поможет, у нее язык дюже шершавый, как раз для таких нужд. Ну что встал? Видишь, заготовка нашего будущего богатыря голая стоит, только чресла непотребной тряпкой прикрыты. Беги скорей! Да, стой, чутка не забыл. Мясца там парного принеси. Только не медвежатину, жестковата она, мне помягче чего, зайца или кабанчика. — Он задумался. — Все же кабанчика лучше.

Солнце медленно выкатывалось в зенит, давно уже осветив и наполнив теплом и радостью лес. Теперь он уже не казался таким мрачным и зловещим. То ли дневное светило так действовало, то ли напиток Чащуна, растекшийся по жилам волнами блаженства, новонареченный Федогран не знал. Да и не важно было это. От всего пережитого им за это утро, на плечи навалилась такая усталость, что он сидел и не падал только потому, что боялся жесткой реакции своего нового знакомого. Тот сидел рядом, задумавшись, и что-то бормоча себе под нос, ковырялся палкой в пламени костра.

Глаза медленно и непроизвольно закрылись, голова опустилась на грудь, и парень погрузился в глубокий сон. Словно провалился в бездонную черную пропасть. Из всего, что ему запомнилось, пока сильные жесткие руки деда-садиста не растормошили, так это только лик бородатого мужика, на фоне проплывающих по черному небу, серых облаков. Тот внимательно его рассматривал, сменяя выражение на лице с презрительного, на удовлетворенное, и в конце улыбнулся белоснежными зубами, и задорно подмигнул. Затем высунул откуда-то из небытия руку по локоть, с вздернутым над кулаком большим пальцем, и внезапно растворился в разорвавшем сон крике неугомонного Чащуна.

— Хватит дрыхнуть, орясина ленивая. Поднимайся. Мясо твое скоро костер сожрет, я и так уже замучался у него отбирать куски. Почти сутки спишь уже. Вставай сказал. От реальности не убежишь, даже не старайся. — В лицо Федора плеснула ледяная вода, и он от неожиданности подпрыгнул и закрутил головой, оглядываясь и приходя в себя.

Все та же поляна. У костра сидит и жует кусок мяса новый знакомый, то ли парень, то ли волк, а рядом, греясь кругом у огня, его серые собратья, шесть огромных матерых хищников, блаженно жмурятся, положив морды на передние лапы.

Слева, на разостланной на траве медвежьей шкуре, мельтешат с десятка полтора ежей. Они «тухают» на друг — друга и фырчат, переговариваясь на своем ежином языке, и что-то делают, перебирая коротенькими передними лапками. Может это и выглядело бы забавно, если бы показывалось по телевизору, но это происходило в реальности, и потому немного пугало своей неестественностью.

Прямо у него под ногами, приподняв голову, лениво проворчала огромная, серо-рыжая рысь, и поводя кисточками ушей, прислушиваясь к только ей доступным звукам, не обнаружив ничего достойного внимания, вновь вытянулась стрункой, закрыв блаженно глаза.

«Это, что, я рядом с ней спал?». — Подумал Федор и передернулся, представив себе эту картину: «Как я тут вообще оказался? Я же на дереве у костра сидел?»

— Я тебя перенес. — Дед как будто услышав немой вопрос, ответил сварливо и довольно грубо. — Хвати ресницами хлопать, иди садись к костру и поешь.

Чашун сунул в руки парня здоровенный кусок горячего, истекающего соком мяса, и пинком отправил к огню. Организм ответил на это голодным урчанием в животе, а зубы впились в непрожаренный, несоленый шмат, отрывая прямо на ходу здоровенные куски, не успевая даже пережёвывать, так как горло сразу заглатывало внутрь, давясь и кашляя текущим жиром. Ничего более вкусного... Нет, так будет сказано неправильно. Ничего более божественного, (так точнее), в своей жизни Федор не ел.

— Не спеши. — Рассмеялся дед. — Тут много такого, и не отберет никто. На вот, запей. Мед не предлагаю, тебя после него не разбудить. — Он вновь зашелся смехом и протянул бурдюк.

Холодная, ключевая вода, боже — это нектар. Только сделав несколько глотков парень

это осознал. Никакие лимонады и пепси, рядом с ней не стояли, они слабая подделка, настоящему питью. Кусок горячего мяса и вода, снова кусок мяса и вода, и так до тех пор, пока внутрь больше ничего не лезет, ну не пальцем же туда запихивать, право слово.

Округлившийся от обжорства живот, жар от костра, и расслабленная полудрема в голове, лежащей на спине сопящего, огромного волка. Как-то это стало внезапно все естественно и буднично. Эти мирные звери вокруг, этот совсем не страшный, а очень даже заботливый по-своему, конечно, дед. Даже Ягира не казалась исчадием ада, просто сварливая и склочная бабка. Глаза сами собой закрылись.

Федор вновь уснул.

Глава 4 Подготовка

— Перуне! Вми призывающим Тя, Славен и Триславен буди! Здравия и множество Рода всем чадам Сварожьим дажди, Родам покровительства милость яви, прави над всеми, вще из-Родно! Тако бысть, тако еси, тако буди!

Закончив петь гимн, дед развернулся к стоящим за его спиной путешественникам.

— Ну вот и все. Слава Роду. Пора вам в путь. Благословил вас, сам. Перун. Обещал присмотреть в дороге. Присядем на дорожку и помолчим. Сколько смог, я вас наставил, теперь уж сами. Не подведи меня Федогран — постарайся. А ты, Вул, приглядывай за ним, не дай сгинуть зазря, видишь, как слаб еще богатырь наш, словно дитя малое, только народившееся, неразумное.

Он опустил на поваленное дерево и похлопал заскорузлыми ладонями по стволу, приглашая присаживаться рядом, выпустил струю табачного дыма, покрывшись облаком.

Отправляющиеся в путь парни опустились рядом. Вул слева, Федогран справа. Костер потрескивал, и плевался искрами. Его голубовато-серый дым, сливаясь с дедовым табачным, не стелился по предрассветной росе туманом, а тянулся ровным, неестественным столбом к расцветающему восходом небу, где преобразовывался, наливаясь, в облачный шар.

— Ну вот, и сам хозяин пожаловал, не удержался, проводить пришел. Вот же непоседливая душа, все ему неймется, все надо самому сделать и проконтролировать.

Чашун улыбнувшись, резво соскочил на землю встал, широко расставив ноги, вытянув шею, как довольный собой гусь, и уставился немигающим взглядом на небо. Рядом с ним, так же резво спрыгнул Вул и вытянулся, по стойке смирно, словно солдат на параде. Но он, в отличие от веселящегося деда был серьезен и торжественен.

Федор последовал их примеру и замер рядом, так же, как и остальные, покинув импровизированную скамейку. Он не понимал, что происходит, но интуитивно чувствовал, что сейчас случится, что-то очень важное. Слишком уж неестественно вели себя окружающие его существа. Даже огромная кошка — Рыска, беззаботно крутившаяся до этого вокруг, вдруг зашипела и припала к земле, с приподнятой шерстью на холке. Волков не было, оборотень еще вчера отпустил их в лес, забавно потеревшись с ними носами. Поэтому, как бы они повели себя в данный момент? Неизвестно. Очень даже может быть, что тоже замерли бы по стойке смирно.

Шар в небе разросся до огромных размеров, и все более и более наполняясь дымом, становился все темнее и темнее, пока полностью не превратился в клубящуюся мраком, черную грозовую тучу. Резко полыхнувшие в нем одновременно две яркие молнии пересекли его изнутри буквой икс, и он принялся быстро преобразовываться.

Сначала вытянулся нос, большой, горбатый и с вздернутыми крыльями властных ноздрей, но все же простой человеческий. Затем брови — мохнатые, густые, сросшиеся в районе переносицы, а следом округлая борода и опускающиеся вниз усы, аккуратно расчесанные, и не скрывающие пухлые, что-то бормочущие губы. Шар быстро приобрел очертания висящей в небе, одинокой головы, без плеч и шеи. Один только огромный лик, обрамленный черным длинными, клубящимися мраком волосами, стянутыми обручем, голубого цвета, с простреливающими в нем зигзагами молний. Внезапно распахнулись, материализовавшиеся последними, глаза, сверкнув искрами, и воздух наполнился запахом озона.

— Фух. — Загремела голова раскатами грома. — Ох и тяжело выбираться из черной материи в реальный мир.

— Вот и сидел бы там. — Усмехнулся Чащун. — Чего вылез то, а то без тебя бы не справились.

— Окорочу я тебе когда-нибудь твой поганый язык, коротышка. Или забыл уже, как я в гневе страшен. Может напомнить? — Загремел небесный гость, но чувствовалось, что в голосе его нет злобы.

— Не пугай меня Перуне. За столько веков, что мы с тобой живем в этой реальности, я видел тебя разным, и воевали мы друг с другом и дружили, и выручал ты меня не раз, да и лечил я тебя как-то, от раны стрелы иномерной, видел немощь твою. Все было. Но сейчас все границы стерты. В одной повозке мы с тобой под откос катимся. Одна надежда на вытянутого сюда из будущего задохлика, не внушающего никакой уверенности, в правильности выбора.

Нам ведь с тобой в мир живых вмешиваться нельзя. С тобой так вообще связаться только через молитву можно. И потому только и остается надежда на этого парня. А вот выдюжит ли он? Не знаю.

— Я в него верю. — Загремел голос. — В нем кровь предка богатыря. Она уже сделала самое главное. Дух героя в нем вырастила, хотя пока и незаметно это, но обязательно выйдет наружу. Но хватит уже о нас. Не для того я сюда пробирался сквозь безвременье, чтобы с тобой поболтать. Я дар принес парню. Он поможет ему на ноги встать и выжить на первых порах.

Полыхнула молния такой силы, что все на миг ослепли, а от прогремевшего раската грома, оглохли. Когда же зрение вернулось, то на поляне, на одном колене, с опущенной головой, стояла девушка. Черные волосы из-под остроконечного шлема спадали водопадами до земли, открывая белоснежную шею. За спиной висел лук и колчан, с переливающимися молниями стрелами.

— Богиня. — Рухнул ниц, распластавшись по земле Вул.

Девушка подняла светящееся благодатью лицо. Какие черты!!! Воистину божественная красота неопишима. (Я, простой смертный, не возьмусь мариать ее облик жалкими буквами и предложениями. Пусть это сделает ваша собственная фантазия). Она встала с колена и благородной плывущей над лугом походкой подошла к костру.

— Здравствуй Девана. Рад видеть тебя на земле и в истинном облики. — Чащун приклонил голову в приветствии.

— И я рада видеть тебя дух жизни, живым и здоровым. — Прозвенел колокольчиками церковного перезвона ее голос. Она присела перед распластавшимся на земле оборотнем, и коснулась его светящейся ладонью. — Встань. Я рада, что волчье племя не забыло еще свою повелительницу. — Но так как замерший Вул не сделал никаких попыток выполнить ее требование, то она прозвенела уже более грозно. — Вставай я сказала. Отныне ты имеешь право не падать ниц в моем присутствии.

— Хватит. — Загремел голос с неба. — У вас еще будет возможность выяснить отношения. Сейчас нет времени. Слушай теперь меня, юноша. — Обратился он уже к еле стоящему на ногах от страха и волнения, побледневшему, но несмотря на это не сводящему восхищенных глаз с девушки, Федограну. — Это моя дочь, Девана. Дева-воительница. Отныне она будет твоим талисманом-хранителем. Достань нож, вытяни его вперед и встань на одно колено.

Парень, вынул трясущимися руками оружие. И беспрекословно выполнил все, что от него требовали, пожирая немигающим, полным обожания взглядом, подплывающую к нему богиню. Та остановилась, возвысившись над ним, и положила одну ладонь ему на лоб, а второй, сжав в щепотку тонкие пальцы, коснулась вытянутого клинка. Закрыла глаза и вдруг запела, да так, что мурашки побежали по спине. Тихим голосом, что-то торжественное, и грустное на незнакомом, видимо очень древнем языке. Волшебные, иномирные слова звучали прямо в душе, минуя недостойные такой музыки уши.

Внезапно молния прострелила Федора, сорвавшись с ладони замолчавшей богини на лбу, и пройдя сквозь сердце, полыхнув на стали оружия искрами электричества, скрылась в руке девушки, касающейся острого наконечника.

— Я все сделала, отец. Как ты хотел. — Ее голос взлетел к небесам и кинулся оттуда басом ответа божественного родителя, а так же сильнейшем ливнем из пылающего рассветом неба без малейших признаков на нем, не только туч, но и облаков, но не затрагивающим собравшихся у костра: богини, духа, человека и оборотня, накрытых от стихии незримым куполом.

— Возвращайся. — Пророкотал ответ. Она полыхнула, в один миг, ярким светом и взлетела, уйдя в небо, шуршащей, мерцающей кометой, оставив после себя, только запах весенней грозы. С ее таким, воистину волшебным исчезновением, закончился и дождь.

— Ты, старый пень, не мог предупредить меня заранее. — Вдруг заорал взбешённый, грозящий в небо кулаком Чашун, пуская клубы табачного дыма, вместе с гневными словами. — Это же надо было божественную силу влить в простой нож для колки свиней. Ты совсем сдурел на старости лет. Не ужели тебе наплевать на свою репутацию. Ты бы хоть обо мне подумал? Как я теперь духам в глаза смотреть буду? Позор на мою седую голову.

В ответ на небе смеялся Перун. Федор смотрел на все это расширенными глазами, в которых плескались все существующие в мире эмоции. Там был и страх от присутствия древнего бога, и удивление поведением сумасбродного деда, и восхищение от облика улетевшей богини, и просто наполняющая душу неконтролируемая радость, все перемешалось, таких ощущений он еще не испытывал никогда в своей жизни.

— Успокойся, Дух Жизни. Не было у меня времени на предупреждения, все произошло спонтанно. И не махай кулаками, всеравно не допрыгнешь. — Перун рассмеялся раскатом грома и исчез, с хлопнув потусторонний шарик внутрь пространства.

— Вот гад. — Пробурчал Дед. — Нагадил и убежал, а еще высший бог. Ладно, что теперь делать-то. Садитесь назад на полено, попробую объяснить, что тут вообще происходит.

Он глубоко затянулся, сверкнув угольками в трубке, окутался клубами дыма, побормотал, что-то ругательное себе в бороду, и заговорил.

— Еще совсем недавно, по божественным меркам, конечно, по людским-то прошло уже четыреста с лишним лет. Боги, духи и люди жили в гармонии. Не той, слащаво-приторной, вечной и бескорыстной, платонической любовью друг к другу, какую пытаются навязать в сознание, все эти бездари философы, представляя то время — как рай на земле. Нет. Это было время правды и чести, но также горя, и страданий. Все правильно было устроено в том мире создателем. Справедливо и честно. Ведь невозможно ощутить в полной мере счастье, не испытав боль, или, на крайний случай, тяжелый труд, все мудро и справедливо, ведь все в жизни ощущается только в контрастах.

Три мира обитания в разных потоках сущего, три разных по своей природе создания,

были связаны в едином. Боги, духи и люди жили одной, единой жизнью, соединенные одной нерушимой нитью судьбы. И основой этого было учение высшего строителя реальности — Бога Рода, данное нам во время сотворения этого безумного, как он сам его назвал, мира под названием — Земля.

Хранилось оно в нерушимом завете, никем не охраняемое (Кто мог покуситься на фолиант самого создателя?), в пещере, на самой вершине горы Аргоран. Тысячелетиями оно поддерживало порядок в мире, наполняя его энергией самой жизни.

Дед глубоко и тяжело вздохнул дымом и задумался, погрузившись в воспоминания. Потом резко очнулся, вскочив на ноги, и забегал, туда-сюда, словно отмеряя шагами расстояние, пыхтя дымом как паровоз, выплевывая в злобе слова, и сверкая наполненные гневом глазами.

— Нашлась тварь. Даже, как потом оказалось две. Кацикин, бывший паромщик на реке смерти — Смородине, и охранник у Калинова моста, по имени Горын. Они служили рядом, один, перевозил, а другой направлял умершие души в объятия Мораны, вот и сдружились там, затеяв недоброе. Недовольны были, видите ли, они, своим положением, все им хотелось больше славы да власти.

Дед злобно сплюнул, и опустил снова на поваленный ствол, выпустив облако дыма из никогда не затухающей трубки.

— Никто не знает, как это у них получилось. Но они забрались на гору Аргоран, и перекрыли выход силы из фолианта. С тех пор гибнет наш мир. Медленно, но, верно. Боги теряют искры веры от прихожан в храмах, и истаивают в небытие. Духи больше не питаются энергией природы, и теряют силы, а люди, постепенно меняют честь на золото. Конечно, этот процесс не быстрый, но его последствия уже ощущаются.

Не знаю, как у вас там обстоят дела в будущем, мал ты еще для таких откровенных знаний, но мне кажется, что богов вы давно уже не видели, а про нас духов только сказки остались. Я прав?

Он посмотрел Федору в глаза, и увидев его подтверждающий догадку кивок, вновь укутался дымом и замотал головой, как китайский болванчик.

— Я так и думал. — Он на долго замолчал, погрузившись в себя, а двое слушателей, сидели, и не смея потревожить, ошарашенные такими жуткими сведениями, так неожиданно свалившимися на них от старого духа. — Но ладно, идти пора, и так задержались уже, со всеми этими божественными явлениями, а то не успеем до ночи из логова Ягиры выбраться. Не хватало тут еще с ней отношения выяснять. Идемте, я вас провожу, хоть и не рассчитывал на такое приключение, но что же теперь поделаешь. Заодно и расскажу по дороге, про то, что от ожидаю от появления в нашем мире нового богатыря.

Он встал, потянулся, хрустнув позвонками, и махнув рукой, пригласив следовать за ним, скрылся в тени деревьев.

Дед оказался шустреньким путешественником. Вроде неторопливо переставляя свои короткие ноги, он умудрялся так быстро перемещаться в пространстве, что Федор еле за ним успевал, натужно вдыхая воздух в горящие огнем легкие, и уже с большим трудом сгибая похрустывающие колени. Спазмы боли все чаще прожигали мышцы, и только чудом он еще не упал.

Поначалу он еще с любопытством рассматривал доисторический лес, где соседствовали елки и тропические лианы, которые переплетали колючие верхушки, увешанные шишками, своими побегам-змеями. Можжевельник, такой вроде привычный в его мире — невысокий,

здесь вытягивался до исполинских размеров, пугая треском, пересушенных стволов, а вот родные березки, наоборот, кучковались, собираясь островками кустарника, найденная же им полянка черники, вообще привела парня в шок. Сорванная, одна единственная ягода с трудом помещалась в ладони.

Все было перевернуто в этой доисторической природе с ног на голову. Здесь совершенно не соблюдались привычные в его прошлом мире пропорции, а сочетания тропической растительности, с растениями северных лесов его родины, просто создавало впечатления нереальности происходящего. Но любовался он эти всем не долго. Скоро навалилась усталость и боль, а все мысли свелись только к одному — как не упасть, и не завывать от бессилия, и потому проснувшееся было любопытство, пришлось засунуть далеко за пазуху своего хриплого дыхания.

Высокая трава, густым ковром покрывающая сырые, болотистые края, хлюпающей под ногами хвоей, тропы, медленно раздвинулись, и от неожиданного появления из зарослей огромной морды, наш герой ойкнул, и упав, быстро принялся перебирать ногами, в попытке отползти подальше.

То, что он увидел, действительно могло привести в трепет, не только его ранимое, изнеженное цивилизацией сердце, оно также, могло заставить замереть дух и у проставленного воина спецназовца, которого так любят расписывать в героических книгах, как и своим внезапным появлением, так и совсем не дружественным оскалом белоснежных клыков.

Тигр. Даже простого представителя этого кошачьего племени следует обходить подальше, а тут, нос к носу столкнуться с саблезубым экспонатом палеонтологического музея. Даже представить трудно, чувства юноши в тот момент, когда огромная голова, с клыками штырями по сторонам подернутой легким рычанием, приподнятой верхней губы, нависла над ним, приносясь черным, влажным носом к потенциальному обеду.

— Ты тут чего делаешь? — Раздался смешок Чашуна, вернувшего посмотреть, что тут происходит, и в чем задержка. Его резиновая рука молниеносно вытянулась, и ухватила за ус, присмиревшую, и сразу вдруг ставшую какой то несчастной, жуткую животину.

— Ты в горах должен охотиться? Какого лешего тебя сюда занесло? Ах там голодно, а тут место пустоет. — Вступил дед в диалог с молчащим, но явно ка-то отвечающим, львом. — А ты в курсе, что это место принадлежит Ягире, и ты можешь скоро продолжить жить ковриком у ее кровати? Нееет. — Он с издевкой протянул последнее слово, и вдруг резко дернув затрещавший обиженно, от такой несправедливости, ус, развернул, в двадцать раз превосходящего его ростом зверюгу, и взревев дымом, пнул того под зад коленом. — Пошел вон отсюда, тупая скотина, не испытывай судьбу, вас и так уже мало осталось!

Потом обернулся к Федору, почесал задумчиво голову, сдвинув на бок гриб-шляпу и передумал.

— А ну стоять. Иди сюда. Остановил он стремительно улепетывающую фигуру хищника, которая, не смея противоречить, понуро побрела назад. — Поможешь нам до опушки добраться. Надо этого богатыря вывезти отсюда, а-то смотри-ка умаялся бедолага.

Глава 5 Сошествие богов

— Перуне! Вми призывающим Тя, Славен и Триславен буди! Здравия и множество Рода всем чадам Сварожьим дажди, Родам покровительства милость яви, прави над всеми, вще из-Родно! Тако бысть, тако еси, тако буди!

Закончив петь гимн, дед развернулся к стоящим за его спиной путешественникам.

— Ну вот и все. Слава Роду. Пора вам в путь. Благословил вас, сам. Перун. Обещал присмотреть в дороге. Присядем на дорожку и помолчим. Сколько смог, я вас наставил, теперь уж сами. Не подведи меня Федогран — постарайся. А ты, Вул, приглядывай за ним, не дай сгинуть зазря, видишь, как слаб еще богатырь наш, словно дитя малое, только народившееся, неразумное.

Он опустил на поваленное дерево и похлопал заскорузлыми ладонями по стволу, приглашая присаживаться рядом, выпустил струю табачного дыма, покрывшись облаком.

Отправляющиеся в путь парни опустили рядом. Вул слева, Федогран справа. Костер потрескивал, и плевался искрами. Его голубовато-серый дым, сливаясь с дедовым табачным, не стелился по предрассветной росе туманом, а тянулся ровным, неестественным столбом к расцветающему восходом небу, где преобразовывался, наливаясь, в облачный шар.

— Ну вот, и сам хозяин пожаловал, не удержался, проводить пришел. Вот же непоседливая душа, все ему неймется, все надо самому сделать и проконтролировать.

Чашун улыбнувшись, резво соскочил на землю встал, широко расставив ноги, вытянув шею, как довольный собой гусь, и уставился немигающим взглядом на небо. Рядом с ним, так же резво спрыгнул Вул и вытянулся, по стойке смирно, словно солдат на параде. Но он, в отличие от веселящегося деда был серьезен и торжественен.

Федор последовал их примеру и замер рядом, так же, как и остальные, покинув импровизированную скамейку. Он не понимал, что происходит, но интуитивно чувствовал, что сейчас случится, что-то очень важное. Слишком уж неестественно вели себя окружающие его существа. Даже огромная кошка — Рыска, беззаботно крутившаяся до этого вокруг, вдруг зашипела и припала к земле, с приподнятой шерстью на холке. Волков не было, оборотень еще вчера отпустил их в лес, забавно потеревшись с ними носами. Поэтому, как бы они повели себя в данный момент? Неизвестно. Очень даже может быть, что тоже замерли бы по стойке смирно.

Шар в небе разросся до огромных размеров, и все более и более наполняясь дымом, становился все темнее и темнее, пока полностью не превратился в клубящуюся мраком, черную грозовую тучу. Резко полыхнувшие в нем одновременно две яркие молнии пересекли его изнутри буквой икс, и он принялся быстро преобразовываться.

Сначала вытянулся нос, большой, горбатый и с вздернутыми крыльями властных ноздрей, но все же простой человеческий. Затем брови — мохнатые, густые, сросшиеся в районе переносицы, а следом округлая борода и опускающиеся вниз усы, аккуратно расчесанные, и не скрывающие пухлые, что-то бормочущие губы. Шар быстро приобрел очертания висящей в небе, одинокой головы, без плеч и шеи. Один только огромный лик, обрамленный черным длинными, клубящимися мраком волосами, стянутыми обручем, голубого цвета, с простреливающими в нем зигзагами молний. Внезапно распахнулись, материализовавшиеся последними, глаза, сверкнув искрами, и воздух наполнился запахом озона.

— Фух. — Загремела голова раскатами грома. — Ох и тяжело выбираться из черной материи в реальный мир.

— Вот и сидел бы там. — Усмехнулся Чащун. — Чего вылез то, а то без тебя бы не справились.

— Окорочу я тебе когда-нибудь твой поганый язык, коротышка. Или забыл уже, как я в гневе страшен. Может напомнить? — Загремел небесный гость, но чувствовалось, что в голосе его нет злобы.

— Не пугай меня Перуне. За столько веков, что мы с тобой живем в этой реальности, я видел тебя разным, и воевали мы друг с другом и дружили, и выручал ты меня не раз, да и лечил я тебя как-то, от раны стрелы иномерной, видел немощь твою. Все было. Но сейчас все границы стерты. В одной повозке мы с тобой под откос катимся. Одна надежда на вытянутого сюда из будущего задохлика, не внушающего никакой уверенности, в правильности выбора.

Нам ведь с тобой в мир живых вмешиваться нельзя. С тобой так вообще связаться только через молитву можно. И потому только и остается надежда на этого парня. А вот выдюжит ли он? Не знаю.

— Я в него верю. — Загремел голос. — В нем кровь предка богатыря. Она уже сделала самое главное. Дух героя в нем вырастила, хотя пока и незаметно это, но обязательно выйдет наружу. Но хватит уже о нас. Не для того я сюда пробирался сквозь безвременье, чтобы с тобой поболтать. Я дар принес парню. Он поможет ему на ноги встать и выжить на первых порах.

Полыхнула молния такой силы, что все на миг ослепли, а от прогремевшего раската грома, оглохли. Когда же зрение вернулось, то на поляне, на одном колене, с опущенной головой, стояла девушка. Черные волосы из-под остроконечного шлема спадали водопадами до земли, открывая белоснежную шею. За спиной висел лук и колчан, с переливающимися молниями стрелами.

— Богиня. — Рухнул ниц, распластавшись по земле Вул.

Девушка подняла светящееся благодатью лицо. Какие черты!!! Воистину божественная красота неопишима. (Я, простой смертный, не возьмусь марать ее облик жалкими буквами и предложениями. Пусть это сделает ваша собственная фантазия). Она встала с колена и благородной плывущей над лугом походкой подошла к костру.

— Здравствуй Девана. Рад видеть тебя на земле и в истинном облики. — Чащун приклонил голову в приветствии.

— И я рада видеть тебя дух жизни, живым и здоровым. — Прозвенел колокольчиками церковного перезвона ее голос. Она присела перед распластавшимся на земле оборотнем, и коснулась его светящейся ладонью. — Встань. Я рада, что волчье племя не забыло еще свою повелительницу. — Но так как замерший Вул не сделал никаких попыток выполнить ее требование, то она прозвенела уже более грозно. — Вставай я сказала. Отныне ты имеешь право не падать ниц в моем присутствии.

— Хватит. — Загремел голос с неба. — У вас еще будет возможность выяснить отношения. Сейчас нет времени. Слушай теперь меня, юноша. — Обратился он уже к еле стоящему на ногах от страха и волнения, побледневшему, но несмотря на это не сводящему восхищенных глаз с девушки, Федограну. — Это моя дочь, Девана. Дева-воительница. Отныне она будет твоим талисманом-хранителем. Достань нож, вытяни его вперед и встань на одно колено.

Парень, вынул трясушимися руками оружие. И беспрекословно выполнил все, что от него требовали, пожирая немигающим, полным обожания взглядом, подплывающую к нему богиню. Та остановилась, возвысившись над ним, и положила одну ладонь ему на лоб, а второй, сжав в щепотку тонкие пальцы, коснулась вытянутого клинка. Закрыла глаза и вдруг запела, да так, что мурашки побежали по спине. Тихим голосом, что-то торжественное, и грустное на незнакомом, видимо очень древнем языке. Волшебные, иномирные слова звучали прямо в душе, минуя недостойные такой музыки уши.

Внезапно молния прострелила Федора, сорвавшись с ладони замолчавшей богини на лбу, и пройдя сквозь сердце, полыхнув на стали оружия искрами электричества, скрылась в руке девушки, касающейся острого наконечника.

— Я все сделала, отец. Как ты хотел. — Ее голос взлетел к небесам и кинулся оттуда басом ответа божественного родителя, а так же сильнейшем ливнем из пылающего рассветом неба без малейших признаков на нем, не только туч, но и облаков, но не затрагивающим собравшихся у костра: богини, духа, человека и оборотня, накрытых от стихии незримым куполом.

— Возвращайся. — Пророкотал ответ. Она полыхнула, в один миг, ярким светом и взлетела, уйдя в небо, шуршащей, мерцающей кометой, оставив после себя, только запах весенней грозы. С ее таким, воистину волшебным исчезновением, закончился и дождь.

— Ты, старый пень, не мог предупредить меня заранее. — Вдруг заорал взбешённый, грозящий в небо кулаком Чашун, пуская клубы табачного дыма, вместе с гневными словами. — Это же надо было божественную силу влить в простой нож для колки свиней. Ты совсем сдурел на старости лет. Не ужели тебе наплевать на свою репутацию. Ты бы хоть обо мне подумал? Как я теперь духам в глаза смотреть буду? Позор на мою седую голову.

В ответ на небе смеялся Перун. Федор смотрел на все это расширенными глазами, в которых плескались все существующие в мире эмоции. Там был и страх от присутствия древнего бога, и удивление поведением сумасбродного деда, и восхищение от облика улетевшей богини, и просто наполняющая душу неконтролируемая радость, все перемешалось, таких ощущений он еще не испытывал никогда в своей жизни.

— Успокойся, Дух Жизни. Не было у меня времени на предупреждения, все произошло спонтанно. И не махай кулаками, всеравно не допрыгнешь. — Перун рассмеялся раскатом грома и исчез, с хлопнув потусторонний шарик внутрь пространства.

— Вот гад. — Пробурчал Дед. — Нагадил и убежал, а еще высший бог. Ладно, что теперь делать-то. Садитесь назад на полено, попробую объяснить, что тут вообще происходит.

Он глубоко затаился, сверкнув угольками в трубке, окутался клубами дыма, побормотал, что-то ругательное себе в бороду, и заговорил.

— Еще совсем недавно, по божественным меркам, конечно, по людским-то прошло уже четыреста с лишним лет. Боги, духи и люди жили в гармонии. Не той, слащаво-приторной, вечной и бескорыстной, платонической любовью друг к другу, какую пытаются навязать в сознание, все эти бездари философы, представляя то время — как рай на земле. Нет. Это было время правды и чести, но также горя, и страданий. Все правильно было устроено в том мире создателем. Справедливо и честно. Ведь невозможно ощутить в полной мере счастье, не испытав боль, или, на крайний случай, тяжелый труд, все мудро и справедливо, ведь все в жизни ощущается только в контрастах.

Три мира обитания в разных потоках сущего, три разных по своей природе создания,

были связаны в едином. Боги, духи и люди жили одной, единой жизнью, соединенные одной нерушимой нитью судьбы. И основой этого было учение высшего строителя реальности — Бога Рода, данное нам во время сотворения этого безумного, как он сам его назвал, мира под названием — Земля.

Хранилось оно в нерушимом завете, никем не охраняемое (Кто мог покуситься на фолиант самого создателя?), в пещере, на самой вершине горы Аргоран. Тысячелетиями оно поддерживало порядок в мире, наполняя его энергией самой жизни.

Дед глубоко и тяжело вздохнул дымом и задумался, погрузившись в воспоминания. Потом резко очнулся, вскочив на ноги, и забегал, туда-сюда, словно отмеряя шагами расстояние, пыхтя дымом как паровоз, выплевывая в злобе слова, и сверкая наполненные гневом глазами.

— Нашлась тварь. Даже, как потом оказалось две. Кацикин, бывший паромщик на реке смерти — Смородине, и охранник у Калинова моста, по имени Горын. Они служили рядом, один, перевозил, а другой направлял умершие души в объятия Мораны, вот и сдружились там, затеяв недоброе. Недовольны были, видите ли, они, своим положением, все им хотелось больше славы да власти.

Дед злобно сплюнул, и опустил снова на поваленный ствол, выпустив облако дыма из никогда не затухающей трубки.

— Никто не знает, как это у них получилось. Но они забрались на гору Аргоран, и перекрыли выход силы из фолианта. С тех пор гибнет наш мир. Медленно, но, верно. Боги теряют искры веры от прихожан в храмах, и истаивают в небытие. Духи больше не питаются энергией природы, и теряют силы, а люди, постепенно меняют честь на золото. Конечно, этот процесс не быстрый, но его последствия уже ощущаются.

Не знаю, как у вас там обстоят дела в будущем, мал ты еще для таких откровенных знаний, но мне кажется, что богов вы давно уже не видели, а про нас духов только сказки остались. Я прав?

Он посмотрел Федору в глаза, и увидев его подтверждающий догадку кивок, вновь укутался дымом и замотал головой, как китайский болванчик.

— Я так и думал. — Он на долго замолчал, погрузившись в себя, а двое слушателей, сидели, и не смея потревожить, ошарашенные такими жуткими сведениями, так неожиданно свалившимися на них от старого духа. — Но ладно, идти пора, и так задержались уже, со всеми этими божественными явлениями, а то не успеем до ночи из логова Ягиры выбраться. Не хватало тут еще с ней отношения выяснять. Идемте, я вас провожу, хоть и не рассчитывал на такое приключение, но что же теперь поделаешь. Заодно и расскажу по дороге, про то, что от ожидаю от появления в нашем мире нового богатыря.

Он встал, потянулся, хрустнув позвонками, и махнув рукой, пригласив следовать за ним, скрылся в тени деревьев.

Дед оказался шустрым путешественником. Вроде неторопливо переставляя свои короткие ноги, он умудрялся так быстро перемещаться в пространстве, что Федор еле за ним успевал, натужно вдыхая воздух в горящие огнем легкие, и уже с большим трудом сгибая похрустывающие колени. Спазмы боли все чаще прожигали мышцы, и только чудом он еще не упал.

Поначалу он еще с любопытством рассматривал доисторический лес, где соседствовали елки и тропические лианы, которые переплетали колючие верхушки, увешанные шишками, своими побегам-змеями. Можжевельник, такой вроде привычный в его мире — невысокий,

здесь вытягивался до исполинских размеров, пугая треском, пересушенных стволов, а вот родные березки, наоборот, кучковались, собираясь островками кустарника, найденная же им полянка черники, вообще привела парня в шок. Сорванная, одна единственная ягода с трудом помещалась в ладони.

Все было перевернуто в этой доисторической природе с ног на голову. Здесь совершенно не соблюдались привычные в его прошлом мире пропорции, а сочетания тропической растительности, с растениями северных лесов его родины, просто создавало впечатления нереальности происходящего. Но любовался он эти всем не долго. Скоро навалилась усталость и боль, а все мысли свелись только к одному — как не упасть, и не завывать от бессилия, и потому проснувшееся было любопытство, пришлось засунуть далеко за пазуху своего хриплого дыхания.

Высокая трава, густым ковром покрывающая сырые, болотистые края, хлюпающей под ногами хвоей, тропы, медленно раздвинулись, и от неожиданного появления из зарослей огромной морды, наш герой ойкнул, и упав, быстро принялся перебирать ногами, в попытке отползти подальше.

То, что он увидел, действительно могло привести в трепет, не только его ранимое, изнеженное цивилизацией сердце, оно также, могло заставить замереть дух и у проставленного воина спецназовца, которого так любят расписывать в героических книгах, как и своим внезапным появлением, так и совсем не дружественным оскалом белоснежных клыков.

Тигр. Даже простого представителя этого кошачьего племени следует обходить подальше, а тут, нос к носу столкнуться с саблезубым экспонатом палеонтологического музея. Даже представить трудно, чувства юноши в тот момент, когда огромная голова, с клыками штырями по сторонам подернутой легким рычанием, приподнятой верхней губы, нависла над ним, приносясь черным, влажным носом к потенциальному обеду.

— Ты тут чего делаешь? — Раздался смешок Чашуна, вернувшего посмотреть, что тут происходит, и в чем задержка. Его резиновая рука молниеносно вытянулась, и ухватила за ус, присмирившую, и сразу вдруг ставшую какой то несчастной, жуткую животину.

— Ты в горах должен охотиться? Какого лешего тебя сюда занесло? Ах там голодно, а тут место пустоет. — Вступил дед в диалог с молчащим, но явно ка-то отвечающим, львом. — А ты в курсе, что это место принадлежит Ягире, и ты можешь скоро продолжить жить ковриком у ее кровати? Неет. — Он с издевкой протянул последнее слово, и вдруг резко дернув затрещавший обиженно, от такой несправедливости, ус, развернул, в двадцать раз превосходящего его ростом зверюгу, и

Глава 6 Дорога

Федогран ехал на саблезубом тигре.

Попробуйте прокатиться на спине не то, что саблезубого, а хотя бы нашего, простого, уссурийского тигра? Даже представить такое тяжело. Ваш покорный слуга даже в цирке такого номера припомнить не может, что уж тут говорить про реальную жизнь, а вот наш герой, который подобную зверюгу видел только в клетке зоопарка, на данный момент сидел на холке ее дальнего предка, свесив ноги и улыбался.

Вроде и веселиться особо нечему. Ноги гудят усталостью, спина ноет, а то, что ее пониже саднит от последствий ушиба недавнего падения. А также нарастающими в этом интимном месте мозолями, от жесткой, колыхающейся при ходьбе, острыми впивающимися в тело, лопаткам зверя. Да и спина, этого проклятущего тигра — это тебе не седло лошади, на котором удобно кататься, даже такому никчемному наезднику, как наш герой, который в своей, недолгой жизни, не разу — не то, что не сидел на лошади, но даже не имел теоретического познания о искусстве верховой езды. А вот теперь ехал, постанывал, сквозь сжатые в упряместве зубы, но все же улыбался, вспоминая как забирался на это экзотическое транспортное средство:

Саблезуб, уныло опустив голову, подошел к Чашуну, и покорно замер. Всем своим видом выражая такую тоску, и безысходность, что создавалось впечатление, что он не свирепый хищник, а маленький ласковый котенок, который сейчас расплачется. Федору даже стало его жалко.

Улыбающийся дед, по-хозяйски, похлопал тигра, вытянувшейся рукой, по спине, потрепал по холке, зачем-то заглянул в рот, зверюге, оттянув нижнюю губу. Стукнул, щелчком пальцев, но торчащему оттуда клыку, и одобрительно крякнув, ловко запрыгнул, оседлав загривок. Обернувшись к все еще сидящему на земле Федограну, характерным жестом, похлопал ладонью, по стоящей дыбом шерсти, стоически терпящего все эти издевательства, зверя, обозначив тем самым место, куда должен был сесть парень, и молча, мотнув головой, пригласил устраиваться рядом.

Затем, хлопнув себя по лбу, как будто вспомнив наконец, давно мучавшую, но забытую в следствии склероза, мысль, обратился к угрюмо наблюдающему, за всем этим действием оборотню:

— Ты перекинься в волка, и беги вперед. Погляди, что там, да как. Местечко подбери для ночлега, мяса парного раздобудь, да хворосту для костра натаскай. Да не ленись. Ночевать там сам будешь, и мясо лопать тоже. Я-то вас покину. Дел у меня много скопилось. Вон уже тигры от рук поотбивались, за три дня недосмотра.

Он отвесил подзатыльник, вжавшемуся в плечи, несчастному тигру.

— Шастают, понимаешь, где не попадая, жрут там всякую гадость, а мне потом лечить их. — Он снова шлепнул ладонью по светло-серой, в черную полоску голове. — Все беги, не задерживайся.

Перекидываться, как сказал дед, а если выражаться более современным языком — трансформироваться, оборотень приступил незамедлительно.

Ничего жуткого и кроваво-зрелищного, чего ожидал увидеть наш герой не произошло. Вул сдулся, как лопнувший воздушный шарик. Хлопком свернулся внутрь себя — в серую подрагивающую, зависающую в пространстве, точку. Затем, спустя буквально пару минут

повисев в таком сжатом состоянии, с таким же хлопком развернулся в матерого волчару, с разорванным правым ухом. Произошло это все как-то буднично, и совсем даже не впечатляюще.

Рыкнув, на прощание, оскалившейся пастью, он унесся огромными скачками вперед по тропе. Наблюдающий за всеми этими манипуляциями дед, зевнул, прикрыв ладонью рот, и обернулся к все еще сидящему на земле Федору.

— Ну а ты, что замер. Дополнительного приглашения требуешь? Залазь давай и поехали. Устал я уже от тебя. Спать хочу.

Дальше, под хохот сыпящего шуточками и обидными комментариями ехидного дедушки, начались мучения будущего богатыря. Так как со спортом он не дружил, от слова совсем, то первая попытка закончилась полным фиаско, и отбитого при падении, заднего места.

Решив повторить трюк колдуна, по запрыгиванию на круп транспортного средства, он, не рассчитав сил, и не допрыгнув и до середины (животина обладала ростом доброго скакуна першеронской породы, отличающейся своим немаленьким размером), пребольно стукнулся о твердый бок зверя, и сбив дыхание, шлепнулся, на землю, открывая рот в попытке вдохнуть, вдруг став непослушным и густым воздух.

Прийти в себя помог, как всегда, заботливый подзатыльник. Сообразив, что запрыгнуть лихим кавалеристским манером у него не получится, Федор решил использовать грубую силу.

Вцепившись во вздрогнувшую, видимо от боли, шкуру, он попытался подтянуться, заперев при этом соскальзывающими ногами. Шерсть лезла в рот, и ноздри, и глаза, прилипла к вспотевшей коже, но он не прекращал попытки доказать, этому противному деду, что он тоже что-то может в этой жизни. Увы, реальность оказалась жестокой, а сил слишком мало, чтобы ее преодолеть. Закончилась очередная попытка, как и первая, на земле, в позе загорающего на пляже, отдыхающего человека, раскинувшего руки и ноги для принятия очередной порции ультрафиолета, и непременно, мотивирующим подзатыльником.

Решивший не сдаваться, наш герой вновь бросился, в третий раз, в бой, прибегнув к тактике второй, менее болезненной, для тела, попытки. Скорее всего, она то же бы закончилась на земле, но на помощь, видимо сжалившись наконец, пришел хохочущий Чащун. Он схватил Федора сзади, за рубаху, и как нашкодившего котенка, без всяких усилий усадил на спину льва.

— Давай, вперед. — Скомандовал он когда немного успокоился, зверю, и развернувшись в лучших традициях джигитовки, лихо перекинув ноги, развернулся лицом к парню, сев саблезубу на голову, как на табуретку, между ушей, и закинув одну ногу на другую.

— Повеселил ты меня, — улыбнулся он, покачиваясь в такт движению, и окутавшись табачным дымом. Давно так не смеялся. Но все же давай поговорим серьезно. Попытаюсь объяснить: что от тебя жду я, и все прочие духи и боги, и для чего тебя вытащили в прошлое. Только прошу не пугайся заранее и не падай. — Он вновь рассмеялся, окутавшись клубами дыма. — Прости, вспомнил как ты ногами махал. Больно уж смешно это у тебя получалось.

Ну так вот. Ты должен убить Горына. Эй ты чего это. — Сильная рука перехватила пытающегося свалиться от услышанной новости Федора. — Я же просил не падать. Никто тебя на казнь посылать не собирается. Успокойся. Время у нас много. Это только Ягира

условия поставила, чтобы, значит, за год ты воином стал, но так она ведь на то и дура-баба, да и это дело нехитрое, мечем махать научится, времени хватит, а вот наше с тобой дело спешки как раз не потерпит. Для начала ты стать истинным богатырем должен. Пройти огонь, воду, да и медными трубами не помешает испытать тебя, дело это не быстрое. Спешки не терпящее.

Вот как ты думаешь, зачем я е тебя к Митроху в Новгород отправил? Молчи, вижу, что не знаешь. Воевода будет из тебя воина делать. Научит на лошади сидеть, оружием владеть, да и вообще, введет тебя в курс местных обычаев и правил.

Предупреждаю заранее. Он не в курсе, кто ты, и от куда, и для чего. Не нужны ему такие знания. Лишние они. Для него ты потерявший память, найденный мною в лесу человек. Которому надо научиться по новой жить в обществе.

Конечно, он будет удивлен твоей физической немощи, таких хилых как ты в этом мире нет, не выживают. Но вопросов лишних задавать не будет. Потому как я ему наврал, что ты сильно болел горячкой, потому так и ослаб. Конечно, это вроде как недостойно, обманывать, но я пошел на это не ради себя, а ради дела, потому простительно. Митроха мне верит, и не потому, что обязан жизнью сына, а потому как я никогда лжецом не слыл.

Так вот, когда доберёшься, грамотку, что я тебе дал, ему отдашь. — Федор произвольно пощупал себе грудь, где под кожаной рубахой был спрятан берестяной сверток. — Вот видишь сколько тебе еще надо учиться. — Вздохнул дед и выпустив струю дыма, продолжил дальше, наставительным тоном, поясняя не заданный, но легко читаемый на лице нашего героя вопрос.

— Ты одним только движением руки выдал, что везешь что-то за пазухой, и то, что потерять это боишься, а истинный богатырь, свои эмоции в узде держит. — Он вновь горько вздохнул. — Ну да ладно. То дело, то, наживное. Главное кровь в тебе правильная.

И еще, очень важно. Нож свой на всеобщее обозрение старайся не выставлять, не нужно это. Сила в нем великая, божественная. Забрать у тебя его не возможно, в чужие руки он не дастся, но вот зависть людскую пробудить может. Не к чему это.

Ну да ладно. Отдохни пока, вижу умаялся ты.

Он вновь лихо развернулся спиной к Федору, и пыхтя паровозом, тихо забубнил какую-то песенку, слов которой не было слышно, покачиваясь в такт плавной поступи гигантской кошки.

Впереди уже виделся солнечный просвет выхода из сумеречного леса. За все время пребывания в далеком суетном, полном на неожиданности, прошлом, у парня наконец появилась возможность спокойно подумать, не отвлекаясь на сыплющиеся в последнее время на его голову приключения и чудеса, шокирующие его юношескую, еще не успевшую загубеть душу.

Поначалу он загрустил, вспомнив дом и родителей, школу, подругу Ленку и шалопая друга Ваньку, с которым столько всего натворили. Как давно, кажется, все это было. Реальность — сон. Но сколько не щипай себя за руки, он не проходит. Сколько не вздыхай, а все остается по-прежнему: монотонно покачивающаяся спина коротышки-колдуна, и сумрачный лес, медленно проплывающий по сторонам похрустывающей под лапами льва, хвои на тропе.

Только сейчас он, наконец, почувствовал удивительный воздух этого мира. Напоенный ароматами горькой хвои, запахами цветов, меда, и еще чего-то терпкого, незнакомого, но настолько приятного, что появлялось желание вдыхать полной грудью этот густой,

переполненный кислородом воздух, который кружил свежестью голову, и выдыхать его, вместе с рвущимся наружу криком.

Как-то постепенно, даже не заметив, как это произошло, Федор отвлекся от тяжелых мыслей, переключившись на рассматривание окружающей его действительности, и прислушивание к монотонной песне деда. Таковы подростки. Они быстро сменяют свои настроения. Издержки возраста. Винить в этом нашего героя бессмысленно.

Выход из жутковатой обители злобной бабки — Ягиры, елового леса, запомнился нашему герою, на всю оставшуюся жизнь.

Восторг, охвативший его в это мгновение, сковал дыхание и даже юное сердце пропустило очередной стук, дав непреднамеренный сбой. Расширившиеся от восторга глаза, пожирали открывшийся пейзаж. Первый раз в своей жизни, парень, выросший в городских кварталах, и выезжающий на природу исключительно под давлением на него, авторитетом отца (ведь данное действие вырывало его из паутины онлайн жизни), увидел истинную красоту мира.

Степь. Резкий контраст с оставшейся за спиной еловой чащи, которая давила своим влажным мраком на плечи, а здесь, словно выросли крылья. Огромное красное солнце медленно опускается к горизонту, наполняя воздух прохладой летнего вечера. Легкий ветер, слегка шевелит, сочную высокую траву, словно волны зеленого бескрайнего океана, в котором пасется в отдалении стадо толи коз, то ли косуль, Федор их не различал, не хватало знаний, а еще чуть дальше и левее — МАМОНТЫ. Их он узнал сразу, их невозможно было не узнать.

Не сказать, что они были такими огромными, как их описывали в учебниках, по размерам они сравнивались с индийским слоном, которого он видел в зоопарке. Но это были Мамонты. С огромными длинными белоснежными бивнями. Рыскающими в траве, в поисках вкусной травки, хоботами, и спускающейся до самой земли коричневой, вьющейся волнами шерстью.

Легендарный зверь с учебника истории, здесь был живым и реальным. Хотя для ехавшего впереди на голове у льва деда, вид реликтового животного, не вызвал вообще никакой реакции. Он был для него обыденностью, такой же как для Федора соседская такса, неприятная злющая псина, вечно пытающаяся укунить за ногу, но такая вся своя и привычная, что внимания на нее не обращаешь.

Справа, окрашенные кровавым, заходящим солнцем и пугающие своей нереальностью, возвышались величественные пики покрытых снегом гор. Черными исполинами возвышались они над ровной поверхностью засыпающей в густеющих сумерках степи, словно являлись очерченной границей для перехода в другой, более суровый мир.

Чувства, которые испытывал наш герой, можно сравнить наверно только с ощущениями человека, распаренного в бане, окунувшегося в ледяную прорубь, и уже там, плавая среди льдинок, постепенно привыкающему, к взорвавшему его чувства, холоду. Это была любовь с первого взгляда.

Их встречал Вул, в образе человека. Он сидел молча, у кучи сложенного в кучу хвороста, приготовленного для костра, рядом с мертвой тушей какого-то небольшого рогатого животного, с разорванной глоткой валяющегося у его ног, и молча ожидал путешественников. При их приближении он встал, и склонил в приветствии голову.

— Я все выполнил. Дух Жизни. — Голос его прозвучал глухо и недовольно.

— Молодец. Ты все хорошо сделал, а за то что не освежевал и не разделал тушу,

отдельная благодарность. Надо нашего мальчика к реальности и грязи в этой жизни приучать. — Произнес дед дымом, прыгивая со льва. — Слезай, приехали уже. — Кивнул он головой в сторону Федора.

Спустится со льва без конфуза у того не получилось. Получилось скатиться кувырком, больно ударившись коленом. Но он стерпел, не ойкнув и даже не поморщившись, стало как-то стыдно показывать свою слабость, за что получил одобрителный кивок колдуна. Тот щелкнув, походя, пальцами, словно зажигалкой, зажег, сорвавшейся искрой с ногтя, костер.

— Разделай тушу лани. — Стрельнул он глазами в сторону Федора.

— Я. — Опешил тот побледнев и сделав шаг назад.

— А кто же еще? Я тебя сюда привез, да и старый уже, обо мне и позаботится не грех, Вул добыл дичь, а ты? Чем ты заслужил ужин? — Хохотнул он, усаживаясь у костра, по турецкий скрестив ноги, и окутываясь дымом. — Докажи, что достоин. Поработай.

— Но я. — Замялся парень. — Я никогда такого не делал.

— Все происходит в этой жизни когда-то в первый раз. Или ты думаешь, что я родился сразу злым коротышкой-Духом?

— А кем? — Вул заинтересованно посмотрел на деда.

— Добрым великаном. — Буркнул тот, как-то ностальгически грустно.

— А почему сейчас такой? — Оборотень недоверчиво скосил глаза.

— Стоптался. Жизнь трудная была. — Пробубнил тот в ответ. — И хватит об этом, не вашего ума дело. — Он замолчал, полностью потеряв интерес к происходящему, уставившись немигающими глазами в костер.

Федор осторожно подошел к туше, потрогал ее ногой и рассеянно посмотрел на колдуна.

— Что делать-то надо.

Тот не ответил, даже не пошевелился, полностью погруженный в свои мысли. Зато поднялся оборотень и подошел.

— Покажу. — Голос с небольшой хрипотцой, чем-то отдаленно напоминающим рычание, прозвучал как-то отстраненно и недружелюбно. — Чем вы там в будущем только питаетесь, если таких элементарных вещей не знаете. — И не дожидаясь ответа, от попытавшегося пуститься в долгие объяснения, про магазины Федора, продолжил. — Ножа твоего я коснуться не имею права, на нем печать богини, а своего у меня нет, и не было никогда. Поэтому буду показывать, а ты делай. Вот тут, он провел пальцем по животу трупа лани, делаешь легкий надрез, потом вокруг копыт и шеи, так же надрезаешь кожу, а затем сдергиваешь одним рывком шкуру. Ничего сложного.

Для него, может это было и не сложно, а вот для нашего героя, это было еще то испытание. Он достал из нож и осторожно ткнул им в мертвую плоть, дрожащей от переизбытка адреналина кистью.

— Смелее. — Рывкнул оборотень.

И рука инстинктивно воткнулась в мертвое животное почти по самую рукоять вгоняя оружие, вспарывая брюхо, и вываливая кровавые синие кишки наружу. Парень согнулся в рвотном позыве, выплюнув желчь из пустого, голодного желудка.

— Вот ведь косорукий. — Выругался Вул, скривившись. — В сторону хоть отойди. Заблюешь тут все, как потом ужинать? Я же сказал тебе аккуратно надо, а ты его словно второй раз убить захотел. Отплюёшься иди назад, теперь нормально шкуру не снять, будем просто мясо вырезать.

Мучался Федор довольно долго, борясь сотворачением и рвотой. Но в конечном итоге смог добыть несколько кусков парящего кровью мяса. Услышав от деда: «Ты его уже жевал, что ли», он устроился рядом с ним, пытаясь успокоить дрожащие руки. И смотрел как тот ловко нанизывает куски на прутья и втыкает напротив полыхающего костра: «Сгорит ведь», как-то отстраненно подумал он безучастно смотря на манипуляции колдуна, и вспоминая что шашлык надо жарить на углях, а не на открытом пламени. Так учил его отец.

Мясо не сгорело, а вполне прилично прожарилось, но есть он его не смог. Протянутый Вулом, горячий кусок не лез в горло, вызывая тошноту, грозящую вновь вырваться фонтаном желчи.

— Ешь, не привередничай, тебе силы нужны. — Рывкнул на него дед. — А потом как-то странно посмотрел, и уже мягким голосом произнес, протягивая бурдючок. — На ко вот отхлебни, полёгшее станет.

И действительно стало легче. Мясо уже не стало казаться таким противным, а после первого проглоченного куска, зубы уже с остервенением рвали сочащуюся кровью, толком не прожаренную плоть доисторического предка шашлыка, набивая урчащий голодом желудок.

А потом, пытаясь уснуть он слушал тихий разговор деда и оборотня.

Глава 7 Город

— Что с тобой, Вул? Я тебя не узнаю. Ты чем-то опечален и раздражен? Говори, я должен это знать, ведь от тебя сейчас многое зависит.

— Я не просто опечален, и раздражен. Я зол. Ты даже не представляешь на сколько. Мы судьбу нашего мира отдаем в лапы этой немощи. — Оборотень кивнул в сторону Федора, думая, что тот спит и не слышит. Но Федор, при этих словах, мгновенно скинул, практически опутавшие сознание, нити Морфея, и весь превратился в слух, казалось даже, прекратив дышать. Каким-то внутренним чувством, он понял, что в подслушанном разговоре, во многом будет решаться его дальнейшая судьба.

— Ты не видишь главного, оборотень. — Угрюмый и задумчивый дед, окутался облаком табачного дыма. — Видеть только оболочку это нормально только для человека — но ты не человек. Ты конечно же и не дух. Но все же зреть то, что находится под оберткой, и вникать в самую суть, это отличительная черта вашего племени. Хотя, если откровенно, то даже я не сразу увидел потенциал мальчишки, и первым желанием было его убить.

— И это мне говорит Дух Жизни. — Усмехнулся собеседник.

— Не говори глупости. Тебе ли не знать, что жизнь построена на смерти. Не убив вон ту лань. — Дед указал в сторону исковерканной туши. — Мы бы остались голодными, а продолжая строить из себя борцов с Мореной, сдохли бы, от упадка сил, прямиком отправившись в ее уродливые объятия. Даже все эти любители жрать траву, рассказывающие про свое отвращение к убийству, бессовестные лгуны, или тупицы, забывшие, что та самая трава тоже живая, и что ей тоже больно умирать.

Так, увы, устроен этот мир, созданный Родом. Суровый, но справедливый. Нельзя, мой друг, по достоинству ценить жизнь, не думая о смерти. Нельзя насладиться пищей, не испытывая голода. И чем сильнее эти контрасты, тем ярче ощущения.

Дед замолчал. И даже костер, казалось, перестал потрескивать, пытаясь осознать, его слова.

— Но мы с тобой отвлеклись. Наверно мне стоит рассказать, то, о чем ты не знаешь. О том, о чем по какой-то странной договоренности высших сил, не принято говорить, ни среди людей, ни среди духов. Почему так? Не спрашивай, я не знаю. Подозрения, конечно, есть, но это лишь догадки, на данный момент совсем лишние, и не имеющие практического смысла.

Ты конечно же помнишь легенду о основателе твоего рода — Ратмире, и богатыре-победителе Федогране. Оборотень кивнул головой в знак согласия.

— Причем здесь эти две легендарные личности? Какое они имеют отношение к дню сегодняшнему? — Произнес он раздраженно.

— Не кипятись. Сейчас все поймешь. То, что они существовали на самом деле, ты в отличие от других, думающих, что все это сказки, знаешь. А вот то, что они были названными братьями, и с юности, шли по жизни плечом к плечу, не раз спасая жизни друг другу, тебе неизвестно. Судьба их свела, когда они были юными. Тебе ничего это не напоминает?

— Ты хочешь сказать, что это знак? И я должен стать другом вот этому.... — Палец оборотня указал, на замершего в притворном сне Федора.

— Все в новое в этой жизни, это потерянное в веках старое. — Улыбнулся загадочно дед.

— Посмотри на нашего спутника. — Оборотень горько вздохнул, и опустив голову продолжил говорить тихим, обреченным голосом. — Разве он похож, на того легендарного богатыря, потомком которого, как ты говоришь, он является. Да и я далеко не Ратмир. Они легенды, а мы кто...? — Он замолчал, рассматривая угли в костре. — Мы просто мусор, который несет ветром судьбы. — С болью в голосе закончил он недосказанную мысль.

— Ой ли. — Внезапно рассмеялся дымом Чащун. — То же самое я слышал и от них.

— Как! Ты был знаком с ними!?! — Вскрикнул Вул и подпрыгнул, встав перед дедом, и сверля его восхищенным взглядом.

— Знаком, знаком. — Подтвердил смешком дед, кивая головой. — Сядь и не скажи передо мной молодым козликом, не сверли глазами, я все равно не буду рассказывать о тех временах. Не надо создавать вам кумиров, у вас свой путь. Другой, не имеющий ничего общего с прошлым, кроме разве, что совпадения в присутствии оборотня и богатыря.

— Но как же так.

— Сядь я сказал. У меня нет времени и желания вдаваться в воспоминания. То время ушло. Ваше время только наступает. То, что будет происходить с этим миром, в ваших руках, и никто не сможет помочь, даже боги, которым создателем запрещено напрямую вмешиваться в ход событий, если только духи помогут, да и то больше советом, чем делом, увы, но таков закон. Перун и так нарушил правила, поставив божественную печать на свинорез Федограна. Он задумался окутавшись клубами дыма. — Вот мешать вам будут, и силы эти будут могущественные. Есть кто-то еще, кроме Горына и Кацкина, кто разрушает этот мир, перестраивая его под себя. Кто это, и зачем это делает? Не знаю. Не понимаю мотивов. Но скажу одно. Он очень хитер и опасен. Будьте осторожны.

Надеюсь, я хоть и немного, но развеял твои тревоги на счет Федограна, хотя и добавил новых, своими откровениями? Но это и хорошо. Будешь осмотрительнее. Еще вот что напоследок. Возьми кошель. — Он вынул из-за пазухи звякнувший кожаный мешочек. — Тут деньги на первое время, немного, всего одиннадцать рубов. Я знаю, что тебе они не нужны, не мотай головой, но для твоего спутника, они необходимы. Ему адаптация нужна, а нищий беспмятный найдёныш, никого не интересует. И еще, самое наверно главное. Я долго думал: говорить или нет, но всё-таки вам надо знать: Божественная печать в оружии, это не панацея от всех бед, она спасет только один раз, и то если посчитает, что жизни хозяина грозит неминуемая смерть. Помни об этом. Вот теперь все. Пора мне. Прощаться и будить богатыря нашего не буду. Дальше сами. Через месяц найду, как ранее и обещал. Постарайтесь выжить, стать, всё-таки друзьями и воинами.

Колдун встал сделал несколько шагов в сторону от костра, обернулся, попытавшись еще, что-то сказать, но лишь махнул рукой и растворился в мраке ночи. Костер, с его уходом, как-то резко стал затухать, и Вул подбросил в него хворост.

— Не притворяйся спящим. — Заговорил он, не поворачивая головы, словно к огню. — Я давно заметил, что ты все слышишь. Да думаю и Чащун знал об этом, просто не подал виду, он я думаю был даже рад, тому, что ты все узнал.

Федор покрылся краской стыда, почувствовав себя малышом, укравшим со стола конфету, и пойманного на этом безобразии мамой, делающей вид что она сердится, а на самом деле смеющейся внутри, над своим, неуклюжим отпрыском. Он подсел к оборотню, скрестив по-турецки ноги, и также, уставившись немигающим взглядом в костер, спросил:

— Ты действительно считаешь меня ничтожеством?

— Какое имеет значение, что я думаю? Главное, что я буду о тебе думать, когда ты

станешь совершать поступки. Нам идти по этой жизни вместе. Так начертано судьбой. Ты молод, и я молод, хотя старше тебя в десять раз, и мы еще глупы. Придется взрослеть и умнеть вместе.

— Сколько тебе лет? — Почему-то оговорка собеседника, о возрасте, заинтересовала нашего героя больше всего.

— Это имеет значение? — Тот перевел взгляд от костра на Федора. Тот пожал плечами, изобразив таким жестом: «Нет. Но все же?». — Сто сорок два. Я еще очень юн.

— Сколько!!? Юн!!? — Парень даже подпрыгнул, непроизвольно вылупив глаза. — Ты шутишь?

— Твой вопрос странен, как и странна твоя реакция на мой ответ. Ты что, не знаешь, что оборотни живут очень долго? От куда ты вообще такой свалился. В твоём мире что, нет духов и жителей кромки?

— Нет. — Все еще хлопая удивленными глазами ответил Федор, и снова сел. — Расскажешь?

— Нет. — Отрезал тот. — Надо спать, завтра трудный день. Нам нужен отдых.

И подбросив охапку хвороста, и отвернувшись, лег, свернувшись калачиком, мгновенно уснул. Федор долго смотрел как тот посапывает, вспоминая дом, и заново переживая первую встречу с этим миром. Переосмысливал последнюю, подслушанную информацию, пока и сам не уснул, также свернувшись калачиком, и прижавшись, спиной к спине, к вздрогнувшему, от прикосновения, новому другу.

Утро встретило нашего героя стуком зубов, и холодной росой. Кастер давно потух, а разжечь его было нечем, спичек не было, так же как и волшебных пальцев колдуна, а других способов Федор не знал. Вулу вообще ничего этого было не надо, создавалось впечатление, что на него утренняя прохлада вообще не действовала, и он с улыбкой наблюдал, как его друг прыгает, и хлопает себя по плечам, и разгоняя кровь, пытается согреться.

Дальше была дорога. Трудная, с иссушающим жаром летнего солнца зноем, и ночным, пробирающим в самую душу, холодом. Длинными переходами на ноющих от усталости ногах, от одного ручья, или озерца, до другого, где хрипящее зноем горло глотало, и наполняло живот, такой вкусной, холодной водой, что воспоминания о какой — то там противной Кока-Коле, вызывало отвращение.

Ночевки под открытым звездным небом, на голой земле. Еще совсем недавно, изнеженное тело получило бы воспаление легких от подобного издевательства, но нет, даже банальный насморк не стал беспокоить нашего героя.

И наконец мясо. Сырое соленое, стекающее по рукам и подбородку, теплой еще кровью.

Первый раз съесть такое безобразие, его заставил Вул. Первое отвращение от разделки приносимой оборотнем добычи у Федора прошло довольно быстро, уже третьего зайца он освеживал, пусть и неловко, но вполне уверенно. Но вот съесть его, еще теплого, без обработки огнем, было выше его сил.

— Для того, чтобы жить, ты должен есть. — Рычал на него Вул. — Если ты не будешь этого делать, то упадешь от истощения. Ешь, или мне придется тебя кормить насильно. Побори в себе отвращение. Питаться испорченной огнем пищей, это неправильно. Это всего лишь привычка, которую ты должен пересилить, и исправить.

Но как он не грозил и убеждал, Федор не мог заставить себя засунуть в рот сырой кусок мяса. В итоге оборотень выполнил свое обещание и насильно накормил парня, скрутив его, и усевшись на грудь. Зажав, сложенные вдоль тела руки коленями, он пихал в рот нашего героя

куски с капающей с них кровью и сжимал челюсти, заставляя того глотать. Конечно, после этого отвращение не прошло, но мясо уже воспринималось не так отвратительно, и не вызывало особо сильных, рвотных позывов, да и осознание того унижения, которому он подвергнется при отказе добровольно принимать пищу, заставило смириться со столь необычным для него рационом.

Уже на третий день пути, он воспринимал такое сыроедение, как само себе разумеющиеся. Не сказать, что с удовольствием, но вполне себе, с нагулянным в дороге аппетитом, обедал солонатовой, сырой, добытой оборотнем, и самолично разделанной дичью.

До горда они добирались шесть дней. За это короткое время Федор окреп. Ноги уже не гудели, при дальних переходах, дыхание не сбивалось, а плечи расправились. Тело приобрело бронзовый загар, а лицо поменяло детское выражение всеобъемлющей любви и любознательности, на суровое восприятие действительности. Наверно, если бы он посмотрел на себя сейчас в зеркало, то не узнал бы собственное отражение, на столько он изменился за это короткое время.

Шесть дней они не только шли, они еще и тренировались. Неугомонный Вул, заставлял, каждую свободную минуту драться. Он требовал атаковать себя, в полном контакте, с полным выкладыванием всех оставшихся сил, но это только со стороны немощного, как он говорил, соперника, при этом сам вступал в схватку, расслабленно, словно играя. Оборотень был необычайно быстр и ловок, так что как не старался Федор, но ни разу не мог попасть по нему, и по расплывшимся в ехидной улыбке губам, хотя желал этого, всей душой.

Зато его противник, больно, но без оставления синяков, легко, обозначал удары указательным пальцем, иногда даже честно, заранее предупреждая, куда попадет. Закончив, как всегда, сваливающей нашего героя на землю, подсечкой, Вул пускался без всякого отдыха дальше в путь, не обращая никакого внимания на постанывающего, сквозь сжатые, в упрямом оскале, зубы, с трудом передвигающего заплетающиеся ноги, но не смеющего отставать, Федора. Благо, что все их драки проходили недалеко от источников воды, где по негласному договору, они немного отдыхали, напиваясь впрок.

Но все когда-то заканчивается. Подошло к концу и путешествие друзей. И закончилось оно у ворот города. Первого поселения, увиденного в этом мире. Нельзя сказать, что это сильно впечатлило нашего героя. Тяжело ввести в шок современного человека, выросшего в мегаполисе, среди стеклянных небоскребов, низкими, деревянными избами и теремами. Но удивить конечно же — удивит. Восхищаемся же все мы, приезжая, к примеру в Кижы, рассматривая там чудеса древнего деревянного зодчества.

Частокол, из ровных, одинаковых, как заточенные карандаши, бревен, полуовалом уходил в стороны от массивных, гостеприимно распахнутых ворот, из темно коричневого дерева, видимо дуба, к которым вел горбатый мост, из подогнанных плотно досок. Без особых изысков, но сделанный весьма добротно, он перекинулся через глубокий ров, заполненный водой, подернутой желто-коричневой ряской с квакающими лягушками, и запахом болота.

С правой стороны загорода, блестела в лучах солнца широкая река, с квадратными парусами снующих там лодок, активно используемых рыбаками и торговым людом, занятых своими делами. С левой темнел лес, с уходящей, в ту сторону, и теряющейся в чаще смешанных в разнообразии деревьев, узкой грунтовой дорогой, с характерными колеями от колес. Видимо она довольно часто использовалась, потому что не зарастала, и ее края были

аккуратно скошены. Позади, голубыми громадинами вздымались горы. Красиво, конечно. Но местные восхитительные виды уже приелись, и не так сильно радовали глаз.

Людей, кроме одинокого стражника, угрюмо проводившего их скучающим, равнодушным взглядом не было. Как объяснил Вул, сейчас все отдыхают после обеда, и потому так пустынно, но к вечеру, тут будет суетно, а он этого не любит.

За воротами их встретила, лаем переругивающихся собак, пустынная улица, выстланная дубовой доской, и бревенчатыми избами, по обе стороны, с небольшими глазницами небольших окон, застекленных мозаиками слюды, и трубами печей, из желтого кирпича. Никакого отопления по-черному, а тем более землянок и пещер, тут Федор, учивший в средней школе, что в этом времени все должны бегать с каменными топорами, не увидел. Все было аккуратно, просто и качественно.

— Поберегись! — Вскрикнули за спиной.

Отпрыгнувших в сторону друзей, обдало запахом лошадиного пота, от стремительно пролетевшего мимо них всадника, с развивающимся красным плащом, в потоках воздуха. И снова тишина, и гавканье собак.

Так они и вышли на главную площадь, ни с кем не встретившись, с теремом воеводы посередине, и бревенчатыми, но более изящными, покрашенными в разные цвета, и с резными ставнями, бревенчатыми избами по кругу.

Терем воеводы, конечно, превосходил все до это виденное, и размерами, и украшениями, но все равно не впечатлял. Может потому, что наш герой устал, а может действительно, выглядел тот как-то серенько, сливаясь с остальными строениями, и потому не радовал глаз.

— Пойдем в харчевню, перекусим. Посидишь там, пока я схожу до воеводы, представлюсь, да спрошу его, что нам дальше делать. — Сказал оборотень и потянул Федора, за рукав, к окрашенному в желтый цвет дому, на крыльце которого стоял толстый мужик, в черном фартуке, прикрывающим огромное, торчащее арбузом пузо, и со щеками помидорами на лице, под здоровенным носом-картошиной.

— Заходите, гости дорогие, мы всегда рады новым лицам в нашем славном городе. Сегодня у меня уха исключительная получилась. Рыбка свежая, только что из реки, рыбачки постарались. Проходите скорее, пока горячая, как раз под ядреный мед хороша будет.

— Без хмельного нам — Буркнул недовольно Вул. — Дела у нас еще.

— Как скажете, как скажете. — Сразу погрустнел хозяин харчевни. — Заходите, присаживайтесь, я вам сейчас принесу.

В помещении было мрачно, из за маленьких окон, еле пропускающих свет, но уютно и чисто. В дальнем углу гуляли четверо солдат, галдя и чокаясь глиняными кружками.

Путешественники съели уху, заказали Федору кружку морса, и Вул ушел к воеводе оставив парня одного, с наказом, никуда не отлучаться.

Потягивая прохладный, слегка кислый и сладкий, напиток, Федор, щурился от удовольствия и боролся с наваливающимся на него сном, когда рядом прозвучал приятный женский голос, и рядом с ним села девушка.

— Какой приятный мужчина. — Она нагнула голову к его лицу, практически коснувшись своими губами щеки. — Таких красавчиков я тут еще не видела. Давай выпьем с тобой меда.

В руках Федора оказалась глиняная кружка, и он сделал глоток. Последнее, что он помнил, были зеленые, странного разреза глаза.

Глава 8 Что было в свитке?

Сквозь дрему Федор слышал голоса. Они звучали глухо, словно эхом из пустой бочки, отдаваясь тупой болью в висках. Кто и что говорил, он не понимал мозг отказывался воспринимать информацию, хотя он и старательно прислушивался. Но самое страшное, в его нынешнем положении, было то, что собственное тело не слушалось. Голова лежала на чем-то твердом, туловище сидело, тоже непонятно-где, упираясь во что-то грудью, что надавало упасть, с безвольно свисающими руками. Глаза не хотели открываться, а губы шевелится.

Он все чувствовал. Как его тормозили за плечи, как хлестали по щекам и поливали водой, но ничего не мог ответить. Он был парализован, хотел спать, и делал титанические усилия, чтобы не отключиться, но у него это слабо получалось. Его подхватили чьи-то сильные руки, и взвалив на плечо понесли. Он не мог, да и не хотел сопротивляться, ему все было безразлично, куда и зачем. «Лишь бы не уснуть», — Одна единственная мысль сверлила разум. Но в итоге, эту неравную борьбу наш герой проиграл, и отключился.

Первое, что увидел он, когда вновь открыл глаза, бал дощатый, темный потолок, подсвеченный тусклыми отблесками огня, и тишина. Он осторожно повернул голову, и увидел стол с зажжённой свечой, и дремлющего человека, сидящего на лавке, склонившего, вроде рыжую голову (в свете мерцающего огня было не разобрать), на согнутый локоть. Освещался только стол и небольшое пространство вокруг, остальное все тонуло во мраке, и потому было не непонятно, где он находится.

Во рту стояла сухая горечь, и живот сводило болью от голода. Федор попробовал аккуратно пошевелить пальцами. Они послушно согнулись. Ноги? Вроде то же все хорошо. Послышался шум шагов и скрипнула дверь. Спящий за столом человек встрепенулся и протерев глаза вскочил на ноги. Юноша сделал вид, что все еще без сознания, и закрыл глаза.

— Как он? — Прозвучал глухой бас.

— Еще не очнулся. — Голос явно принадлежал молодому парню. — Дядька Елей, чего я тут сижу, очнется сам дорогу на улицу найдет. Чай не в порубе сидит. Дверь, вон она, не запертая.

— Цыц, раскудахтался тут мне. Тебе воевода что сказал? Вот то-то. Слушаться должен начальство. На то ты и новик. Служивый человек. Понимать надо.

А за парнем этим какая-то тайна стоит. Чувствую я такое. Не с проста так Митроха суетится. Да и друг этого парнишки весь бледный второй день. Не ест не пьет, все молитвы какие-то читает. Фоска тут к нему подход нашла. Ну ты ее знаешь. Как мышь, в любую щель, так и она в любую душу залезет, все выпытает.

Так вот говорит, что брат это его, и что парень этот, что лежит тут на лавке, очень важный человек. И чтоб, значит мы на его немощ телесную не смотрели, то болел он сильно, и память от того потерял. Ну это так, как у моего кума брат. Очень случай похож. Он после драки с соседом, когда ему поленом чуток голову не проломили, тоже долго жену с детьми вспомнить не мог, и похудел сильно, но потом ничего, отошел. Тьфу на тебя. Не помер он. Память вернулась.

У Федора, и это было совсем не кстати, страшно зачесался подбородок. Что было этому причиной непонятно. Толи мошка какая-то пристроилась, то ли еще что, неясно, да и не важно. Он всеми силами пытался противостоять естественному порыву, устранить эту

неприятность, с помощью рук, но видимо непроизвольно поморщился, и этим привлек к себе внимание.

— О! Глянь! Никак шевелиться начинает. — Загрохотал над ухом бас, и в ноздри ударил запах чеснока. — Давай бегом к Митрохе. Сообщи новость.

Загрохотали быстрые удаляющиеся шаги. Скрываться больше не было смысла и Федогран открыл глаза. Над ним склонялась голова пожилого мужчины, с черной, с нитками проседи, бородой, крючковатым коротким носом, напоминающим клюв филина и хитрыми, прищуренными глазами, непонятного, в следствии полумрака, цвета.

— Очнулся, милоч. Встать можешь? — хитрые глаза еще больше сощурились, превратившись в щелки. И пока наш герой поднимался, новый знакомый, не переставая причитал. — Навел ты тут паники. Давненько в нашем городе не случалось такого непотребства. Это-ж надо? Отравили. Кому же так дороженьку перешел? Невиданное доселе дело. Разбираться тут и разбираться. Ну давай милоч, вставай. Вставай. Хватит уже люд честной пугать.

Он помог сесть Федограну на лавку, на которой тот лежал, и опустился рядом, заинтересованно сверля взглядом, как рентгеном, просвечивая душу.

Сам он выглядел каким-то квадратным, казалось, что плечи шире, и так его небольшого роста. В блестящей кольчуге, очень мелкого плетения, опоясанный здоровенным мечем, в кожаных ножнах, с рукоятью в виде шипящей змеи, где эфесом служило скрученное в кольца, для прыжка, тело, гада.

— Дяденька, а попить есть что ни будь? — Осмелился спросить Федор.

— Вона как тебя с похмелья-то. — Он рассмеялся басовитым карканьем. — Как не быть, конечно, есть. Только потерпеть тебе надо, чуток. Знахарь осмотрит, добро даст, тогда и напьешься. Идти-то сам сможешь? — И вдруг став серьезным, сменив тон с шутливого на злобный, рявкнул так, что Федор вздрогнул. — Кто тебя опоил, помнишь? — И снова поменял настроение, на заботливо соучастливое. — Важно, милоч это. Очень важно.

— Ннет. — Едва только и смог выдавить из себя наш герой.

Дальнейший допрос не состоялся, потому что, гремя сапогами в помещение, ворвался еще один воин, прямая противоположность сидящему рядом. Огромных размеров молодой мужчина, лет тридцати, с русой шевелюрой, постриженных под «горшок» волос, с подернутым легкими морщинами лбом, карими умными глазами, прямым носом и аккуратной бородкой, окружающей, вместе с постриженными усами, пухлые губы. Одетый в кожаную, серую безрукавку, подчеркивающую фактурность налитого мышцами тела, и в такого же цвета штаны-галифе, заправленные в черные сапоги. Оружия не было никакого.

— Как он? — Легкий, приятный баритон задал вопрос квадратному, но взгляд был направлен на Федограна, внимательно изучая растерянное лицо парня.

— Очухался вроде. Пить просит. — Скамья качнулась, жалобно скрипнув, освобождаясь от тяжелого тела, которое вытянулось по стойке смирно, рядом.

— Хорошо, веди его к Щербатому, пусть посмотрит, а потом ко мне. Все вместе приходите. И пусть волхв идет и не выкобенивается. Оборотно пока ни слова. Пусть думает, что его брат — названный в беспамятстве, пребывает. Важно это. — И развернувшись, быстро вышел в светящейся проем открытой двери.

— Ну пойдём, милоч. Посмотрим тебя. Не волнуйся ты так. Знахарь у нас хороший. Сразу все видит. Всю правду скажет. Ничего от него не скроешь. — Елей, как догадался Федор, зовут его нового знакомого, смотрел так, словно предупреждал: «Колись, пока не

поздно, всеравно все узнаю, и не обижайся потом»

Стояло солнечное утро. Еще не успевший прогреться, утренний ветер приятно гладил кожу. Стоявший напротив низенький седой дедок, со включенными волосами и такой же, торчащей в разные стороны бородой, что-то бубнил, невидимыми под растительностью ртом, и изображал театральные пассы иллюзиониста, перед лицом Федора, худыми скрюченными в артрозе руками, торчащими из под засаленного, темно-зеленого кейпа (накидка на плечи без рукавов), спускающегося до земли, и скрывающего ноги

— Нормально все с ним. Очухался, как я и говорил. Панику только зря подняли. Напоите, а то сейчас снова в обморок грохнется. То на него зелье снотворное так подействовало, да морок наложенный. Сильный кстати морок, кто и сподобился так постараться, не знаю. Нет в округе таких ведунов.

— Ты это, Щербатый. Надо к Митрохе идти. Зовет он. — Елей неуверенно посмотрел в глаза деда. — Ты как? Пойдешь?

— Куда-ж деваться. — вздохнул тот. — Коль воевода зовет итись надобно, да и не отвяжется он. Пошли ужо.

Федору сунули в руки кружку с ледяной водой, и все ждали, когда он напьется, а потом, повели в терем воеводы.

«А дедок — то этот непрост. Вон как перед ним Елей стелился. Видно, что боится. Интересно, а кто он, этот Елей. Вот не верится мне, что простой стражник. Как-то он не простецки себя ведет, хоть и прикидывается таким добрым отцом-командиром. Надо с ним поосторожнее быть.» — Думал Федор, рассматривая квадратную спину, идущего впереди него воина: «Да и вообще поаккуратнее надо быть. Дурачка включить, и знать ничего не знаю и ведать не ведаю».

У входа в терем воеводы, сидели на высоких ступенях крыльца два воина в кожаных доспехах, но без шлемов. При приближении эскорта, сопровождающего нашего героя, они встали, подняв наконечниками в верх длинные копыя, и молча распахнули двустворчатые массивные двери, тем самым приглашая проходить внутрь.

За овальным столом сидел тот самый молодой мужчина, который последним приходил к Федору, и угрюмо рассматривал входящих в помещение посетителей. Как догадался юноша, это и был воевода Митроха.

— Пришли мы, Митрох. — Доложил квадратный.

«Вон оно как, оказывается они его Митрохой только за глаза зовут, а так-то он воевода — Митрох. Надо запомнить и не опростоволосится.» — Подумал парень, стоя под сканирующим его, суровым взглядом.

— Присаживайтесь, поговорим.

Устроившись на высоком стуле, за овальным столом напротив воеводы, Федор окинул взглядом помещение. Просторное. Светлое. Окна распахнуты настежь, сквозняков тут никто не боится, шлифованные бревенчатые некрашенные, и потемневшие от времени, стены с затушенными факелами, высокие дощатые потолки. В углу, прислоненное копые, седло, с брошенными на него доспехами и мечем. Ничего лишнего. Жилище воина-холостяка, мало заботящегося о комфорте.

— Кто же ты такой? Найденыш — Федогран. Названный брат оборотня. — Произнес задумчиво воевода, отвлекая парня от рассматривания помещения и постукивая пальцами по крышке стола. — И кто же тобой так интересуется, что не постеснялся ворожить в моем городе? Не нравится мне это. Давай-ка, рассказывай всю правду. Но только не ври.

Но как тут не врать? Дед Чашун запретил рассказывать правду. Что делать, пришлось излагать легенду о болезни и амнезии.

— Да уж. — Усмехнулся воевода. — Из всего, что я слышал, только про Духа Жизни истина, остальное ложь. Выгнал бы я тебя из города, но смущает одно обстоятельство. Вул то же самое брешет, а вот для оборотня обман равносителен смерти. Только очень серьезные причины могли его заставить поступить так. Не нравится мне это. Но и Чашуну я отказать не могу. — Он задумался. — Где свиток, что ты мне нес?

Федор опустил голову и покраснел.

— Нет его. Или потерял, или украли.

— Рассказывай, что помнишь. После того как Вул ушел, что с тобой приключилось?

— Девушка ко мне подседа, я даже рассмотреть не успел. Все быстро случилось. Кружка с тем пойлом сама в руках оказалась. Только глаза зеленые помню, больше ничего.

— А свидетели говорят, что к тебе незнакомый дед подсел, таких еще ходоками зовут, и вы с ним обнялись как старые знакомые. Что на это ответишь? — Встрял в разговор Елей.

— Говорю же девушка была. — Набычился Федогран. — Не было никакого деда.

— Морок это. — Глухо прозвучал голос знахаря. — Очень сильный морок. А зеленые глаза, верный признак кромочника. Ты зрачков не разглядел случаем? Хоть немного было бы понятнее, с чем дело имеем.

— Нет. — Мотнул головой парень. — Не помню я. А кто такой, этот кромочник?

— Вот наглец. — Рассмеялся Щербатый. — Его тут пытаются, а он вопросы задает. Но хотя, что я от воспитанника Чашуна, другого мог ожидать. Сам наглый и ученики такие же.

— Кромочники — это те, кого за Калинов мост не пустили. — Пояснил Елей. — Маются теперь. В Яви жизнь завершили, а в Правь не пускают.

В помещение, резко ворвался, переругивающийся с охранниками, Вул. Резко остановившись на входе, дальше степенно подошел к столу, склонив голову в приветствии, и как бы мимоходом, отвесив подзатыльник Фёдору, спросил разрешение присесть у воеводы. Тот, поначалу обескураженный подобным появлением, мотнул головой, в знак согласия, и вдруг залился веселым смехом, тыкая в оборотня пальцем:

— Вот это я понимаю старший брат!

Федогран взорвался. Сам от себя такого не ожидал. Злость вскипела внутри, разбудив, наконец, дремавшую там гордость. Он вдруг отчетливо осознал, что он так и останется ничтожеством в глазах оборотня, и остальных, пока сам себя не изменит. Пока не перестанет всего на свете бояться. Пусть лучше его сейчас убьют, чем от стерпит молча этот подзатыльник. Он вдруг почувствовал в сердце, забурлившую яростью, кровь предка. И кинулся в драку. Прямо со стула прыгнул на садящегося, и не ожидающего от него такого поступка оборотня. И достиг успеха, свалив того на пол, и рухнув на него сверху, вцепившись пальцами в горло.

Оборотень совершенно не сопротивлялся, он смотрел ему в глаза с удивлением и какой-то затаенной надеждой, даже можно сказать с восхищением. Пальцы парня, как он не старался, не смогли продавить налитое стальными мышцами горло. Слишком был физически слаб воспитанник цивилизованного мира, перед мощью дикой, первозданной природы. Когда, его красного, включенного, тяжело дышащего, и рычащего, оторвали от Вула, тот улыбался. Это казалось странным и противоестественным, ведь только что, его могли убить, а он радуется. Что-то тут не так.

— А ведь он бо-ярый. — Произнес, восхищенно, оттащивший от оборотня, и

державший, продолжавшего сотрясаться и рычать яростью, парня, Елей. — Он ведь ровня тебе, Митрох. Поцелуй меня Морена, если это не так.

— Ты думаешь? — Произнес, внимательно следящий за всем этим безобразием, и давно уже переставший смеяться воевода. — Очень похоже. Кровь предков, конечно, на вкус и цвет не определишь. Но она хорошо проявляет себя в поступках. Надеюсь, что это не просто юношеский, бездумный порыв, и этот парень и правда Бо-ярин. — Он угрюмо посмотрел на Федора и вдруг со злостью грохнул кулаком по столу. — Все. Между собой потом побратски разберетесь. Мы тут не для потехи собрались. Садитесь.

Все еще вздрагивающий от пылающего в душе чувства, юноша сел рядом с оборотнем, окатив его ненавидящим взглядом, но споткнулся на восхищенную улыбку, и одобрительный кивок. Ничего не понимая, он отвернулся и опустил глаза в стол. Тишина. Все собравшиеся замолчали, погруженные в свои мысли. Слышно было как на улице пересмеиваются стражники, и лают собаки.

— И всё-таки, что было в том свитке? — Заговорил Митрох. — То что Чашун в нем просил за парня, я понял. Но не может быть, что это все, о чем там было написано. Не мог, старый хитрец, просто так отправить, послание, чтобы пристроить мальчишку к делу. Для этого достаточно было бы слов оборотня. Что-то там было еще.

— А меня больше волнует, кто ее украл. — Вступил в разговор Щербатый. — Слишком уж сильный для такого простого дела, как обдурить парня, был тот кромочник. Или наверно все же, как мне теперь кажется дух.

— Что говорить. — Вздохнул воевода. — Посмотрим, что дальше будет. А пока. — Он встал, словно судья, для оглашения приговора. — Федор и Вул, на конюшне поработают. И при деле, и ко мне поближе, под приглядом будут. — Потом как-то странно посмотрев на нашего героя, добавил. — Не верю я тебе парень. Темнишь ты. Если замечу еще раз твое вранье, выгоню из города, и не посмотрю на просьбу Чашуна. И еще. Ты Вул, конечно, воин славный, несмотря на юный возраст, но разлучать тебя с братом не буду, потому вместе с ним побудешь, да поможешь ему на первых порах. И аккуратнее там с лошадьми, я знаю, что они тебя недолюбливают. Вот теперь все. — Он с силой опустил ладонь на стол. — Расходимся.

Когда они уже выходили из дверей терема на крыльцо, Федор услышал тихий голос воеводы.

— Последи за ним. Не нравится мне все это. Чувствую беду.

Кому это говорил Митрох, Федор не видел, но явно не одному из тех, кто присутствовал за столом. Те все были на виду.

Впереди шел Вул. Наш герой решил, что нужно выяснить с этим непонятным типом отношения, и сделав несколько быстрых шагов схватил за плечо.

Глава 9 Бер

Он сидел на лавке у ворот конюшни, около пустующей привязи для лошадей. Откинувшись и на теплую, прогретую солнцем, бревенчатую стену, щурил глаза и вспоминал недавние события:

Федор взял оборотня за плечо и развернул к себе.

— Поговорим. — Злобно стрельнул глазами.

Вул кивнул и улыбнулся.

— Идем на конюшню, по дороге и обсудим. Тем более нам всеравно туда.

— Почему? — Федор задал неопределенный ответ, подразумевая под этим, все то, что между ними произошло. Но потом, подумав, добавил уже более определенно. — Почему ты не сопротивлялся? Я же мог тебя убить.

Оборотень отрицательно покачал головой:

— Нет.

— Ты думаешь, что я на столько слаб?

— Глупости не говори, тут это абсолютно не причем.

— Тогда почему?

— Ты бы не смог убить брата. Я это понял тогда, когда твои руки схватили за горло, и я увидел твои глаза, они горели ненавистью, но не потеряли рассудка. И еще. — Он задумался, подбирая слова. — Я увидел в тебе то, чего раньше не видел, и что рассмотрел внутри тебя Дед Чашун, то, что скрывалось в глубине души, и не могло найти выхода. Необузданную ярость, волю, и решимость победить. Даже Елей рассмотрел в тебе это, назвав бо-ярим, а это многого стоит, к мнению этого интригана, правую руку воеводы, держащего город под незримым контролем, стоит прислушиваться. — Он улыбнулся и хлопнул Федограна по плечу, подмигнув.

— Но ты же прекрасно знаешь, что я не брат тебе.

— Ты ошибаешься. Быть братом по крови, это конечно важно, но не так, как быть братом по духу. Мы с тобой очень похожи, хотя это пока не видно. Конечно, многое в тебе еще не раскрылось, над многим надо работать. Но я увидел в твоих глазах, то, что может рассмотреть только существо, обитающее на кромке двух реальностей, Яви и Прави, но имеющего земную плоть, я увидел верность. Ты можешь быть слабым телом, это не важно, это поправимо. Самое главное, ты никогда не предашь. Я такой же, поэтому мы братья.

— Это конечно приятно слышать, но, по-моему, ты ошибаешься.

— Оборотни в таких вещах не ошибаются. — Они подошли к конюшне и остановились у ворот.

— И всё-таки я не понимаю, зачем ты меня унизил, тем подзатыльником?

Он рассмеялся.

— Помнишь, я говорил тебе, что буду оценивать по поступкам? Это было еще тогда, в начале нашего пути, у костра.

Егор кивнул, вспомнив тот их первый разговор, в начале путешествия.

— Так вот. — Оборотень продолжил, дождавшись кивка парня. — Поначалу, ты меня разочаровал, простейшее, казалось бы, дело: «дождаться меня в харчевне», ты с треском провалил, да еще так, что этим поставил на уши весь город. Я тогда был в ярости, не представляя, что буду говорить, по этому поводу Чашуну, вот и не сдержался. Посчитал тебя

размазней. Но я рад что, ошибся. Прости меня, брат.

Ворота, конюшни скрипнули конским потом и навозом, а из образовавшейся щели, высунулась, взлохмаченная, с торчащими в ней пучками соломы, заспанная физиономия древнего деда, и подслеповато щурясь, посмотрела на побеспокоивших дневной сон гостей:

— Кого тут еще принесло? — Пробормотала она хриплым голосом, заядлого курильщика. И не дожидаясь ответа, скрылась назад. Створки, после этого, с кряхтением старческого упирающегося оханья, раздвинулись, но ровно на столько, чтобы в них мог пройти человек.

Тряся, болезнью Паркинсона, седой, ниже пояса бородой, заткнутой за веревку, изображающую из себя ремень, вышел колоритный старик. Поскрипывая деревянной палкой-протезом, на правой ноге, а второй, левой босой, в серых холщевых штанах по колени и голый по пояс, весь изрезанный белесыми шрамами, на бронзовом от загара теле, небольшого ростика, по плечо нашему герою, он, подслеповато прищурившись, подошел к гостям.

— Чего надо. — Посмотрел он выцветшими глазами, недружелюбно сощурившись, снизу вверх. Повел крючковатым носом, словно принюхиваясь. — Какого лешего, от меня оборотню понадобилось?

— От тебя, Яробуд, даже от полуживого ничего не скроешь. — Усмехнулся Вул.

— Чего-то я не помню, тебя, волчонок? Откуда имя мое знаешь?

— Было дело, я тебя со спины прикрывал, когда мы в мешок попали. Ты еще в том бою ногу потерял. Никак забыл?

— Мать честная, так ты-ж Вул! — Всплеснул руками дед. — Вот так встреча. Как же это давно было-то. Как не помнить. Помню, помню. Как такое забудешь. Славные были времена. Мы тогда с Бычеголовыми воевали. Как же, как же. Но слава Роду закончилась та война давно. Какими судьбами теперь к нам-то?

— Вот, в услужение к тебе воевода нас с братом отправил.

— Тебя? В услужение?! — Ты что издеваешься над стариком, или смеёшься. Такого уровня воина, да еще и оборотня и в конюшню, да у меня все лошади разбегутся, от твоего звериного запаха. Погоди, погоди, какого-такого брата? — Нос деда повел, ноздрями в сторону Федора. — Он же человек?

— Брат он мой. Названный. — Стал серьезным Вул.

— Вот даже как. А звать то тебя как, брат оборотня? Часом не Федогран?

— Все-то ты знаешь. — Хмыкнул оборотень. — Может лучше покажешь, что нам делать. Мы ведь к тебе не мед пить пришли.

— Покажу, как не показать, вот только пойдем ка поговорим с тобой, без ушей лишних. У нас ведь тут городок маленький, слухи быстро распространяться, хочу, что бы ты мне объяснил, кое — что. Но чтобы никто этого не слышал. А ты, Федогранушка. — Коснулся он ладонью нашего героя. — Посиди тут отдохни пока.

Так и остался наш герой на лавке, в одиночестве. Сидеть и щуриться от безделья на солнце.

Послышался скрип настила деревянного тротуара, под чьей-то тяжелой поступью. Приоткрыв один глаз, Федор увидел подошедшего, и остановившегося недалеко от него парня. Тот, достав отполированный до зеркального блеска нож, принялся, используя его как зеркало, разглядывать себя, крутя для удобства головой. Разгладив двумя пальцами легкий пушок, едва пробивающийся над верхней губой, тот самодовольно подмигнул себе в

отражение, и ловко вернул оружие обратно в ножны.

Федор не удержался и улыбнулся, над таким забавным, как ему показалось, поведением, что не ушло от внимания стоящего недалеко юноши. Уперев кулак в бок, изобразив из этой руки бублик, выставив вперед ногу, и приняв гордую осанку, он другой рукой, с наигранной небрежностью указал на Федора.

— Уж не надомной ли ты смеешься? — Видимо он волновался, и потому голос, с юношеского баска, сорвался в хриплый писк.

Это на столько комично выглядело, что наш герой, прыснул смехом, но сделал это так, словно закашлялся, и потому прикрыл рот ладонью.

— Нет, что ты, как можно. — Попытался он успокоить уже наливающегося краской негодования собеседника. — Я просто слюной подавился. — Но весь его вид, а тем более улыбающиеся губы и откровенно смеющиеся глаза, говорили об обратном.

— Ты! Ты! Ты! — Принялся незнакомец тыкать в Федора пальцем-сосиской и хлопать выпученными глазами, в бешенстве, не в силах сформировать ускользающую мысль. — Ты заслуживаешь взбучки. — Наконец нашелся он, и двинулся на Федограна, сжимая кулаки. А тот завалился на лавку, схватившись за живот, больше не в силах сдерживать смех, льющийся из него истерикой. Весь накопившийся за все последнее время стресс, выплеснулся из него потоками хохота, и не хотел останавливаться.

— Будем биться сейчас же! Здесь, и благодари Перуна, что мы не за воротами города, иначе я бы призвал тебя на ножевой бой. — Ревел в бешенстве незнакомец.

— Прости, я не хотел тебя обидеть. — Попытался извиниться Федор, но еще больше разозлил противника, так как посмотрев на его раздувшиеся в ярости ноздри и красное вспотевшее лицо, еще сильнее закатился хохотом.

Зря он так веселился. Тут было в пору серьезно извиняться, так как ему противостоял человек-гора. В прямом смысле этого слова. На полторы головы выше нашего героя, он раза в три, превосходил его в ширине плеч. Звали его Бер.

По сути своей добродушный, медлительный и не особо сообразительный, он был послан, от греха подальше, престарелыми родителями в Новгород, заниматься на службе к воеводе. Почему от греха подальше, спросите вы? Все просто:

Имея огромную, данную от рождения, физическую силу, он ломал все, до чего прикасался. А так как он был еще и непоседлив, и непременно хотел во всем помогать отцу, то исправного инструмента у последнего не осталось. Точкой в терпении родителя был сломанный топор, который переходил в их семье по наследству, уже четвертое поколение. И сломан он был не в районе деревянной рукояти, как это бывает обычно и что можно было бы легко исправить, нет лопнуло жало, когда, этот великовозрастный детина, воткнул его в дуб (отец, вечера говорил, что дерево это нужно свалить, для изготовления новой двери, да и для дров сгодится), и попытался использовать в виде рычага. Падать исполинское растение естественно отказалось, ведь даже такому силачу не под силу с одного удара перерубить ствол, полуметровой толщины, и потому топор, жалостливо звякнув, разделился на две половины.

Отхлестав, в виде профилактики, потупившегося, и совершенно флегматично перенесшего такую экзекуцию, сына вожжами. Посоветовавшись с вздыхающей и плачущей женой, отец одел отпрыска в красную предназначенную на выход рубаху, дал свой нож, оставшийся родителю великовозрастного увальня, в наследство, и отправил заниматься на службу в дружину, в город, к Митроху.

Опишу этого увальня получше, так как в жизни нашего героя, он играл важную роль:

Как я уже говорил, он был гигантского роста, чрезмерно широк в плечах, но при всем при этом, имел детское выражение наивности и доброты на широком лице. Легкий пушок, в виду возраста еще несформировавшихся усов, тонкой полоской отчерчивал пухлые губы, открывающие при улыбке большие белоснежные зубы, которыми он как-то раз, на спор, откусил кончик ножа у проезжего через их деревню воина. Довольно большой мясистый нос, голубые флегматичные глаза, и коротко остриженные, под-ежик, рыжие волосы.

Как и большинство «больших» людей, характер он имел спокойный, но взрывной, но это только тогда, когда чувствовал к себе несправедливость или обиду, но потом всегда быстро успокаивался, часто сожалел, о том, что натворил в ярости.

В тот момент, когда этот верзила зашел в город, а конюшня как раз и стояла недалеко от ворот, наш герой и имел несчастье встретить прихорашивающегося перед встречей с воеводой, будущего ратника. Естественно, что, посчитав поведение Федора оскорбительным, этот детина взорвался праведным гневом. Ухватив Федора левой рукой за рубаху на спине, оторвал его от лавки, как кутенка, вынес того на середину дощатого настила, и уже занес правую руку для праведного возмездия, как был остановлен грозным окриком.

— Что тут такое происходит!

Повернув неторопливо голову, и все еще держа над землей брыкающегося Федора, он сурово посмотрел на осмелившегося его прервать мужика:

— Ты кто такой будешь?

— Я-то? Митрох. А вот кто такой ты. И почему обижаешь моего нового конюха.

— Митрооох. — Протянул парень, медленно соображая кто же это такой и вдруг наконец осознав, разжал ладонь, от чего Федор грохнулся на землю. — Воевода что ли?

И на столько он все это делал медленно и непринужденно, и поворачивал голову, и разжимал ладонь, и даже тянул слова, что воевода рассмеялся, вытерев обратной стороной ладони слезы.

— Как звать то тебя, медведь? — Успокоившись спросил он.

— Так Бер, я.

— Кто!?! — Вновь залился смехом воевода.

— Бер (именно так у древних славян называли косолапого). — Растерянно повторил парень.

— Точно медведь. Откуда ты тут такой?

— Из деревни. — Он насупился, потому что воевода не переставал смеяться.

— А Федограна за что обидел?

— Не трогал я никакого Федограна, я его даже не видел. Навет это. — Начал заводиться он.

— Как же навет, когда я сам, своими глазами, наблюдал как ты его. — Палец указал на сидящего, и мотающего головой Федора, у того во время последних событий, что-то хрустнуло в шее, и он пытался таким образом вправить позвонки. — Словно кутенка, за шиворот, куда-то тащил.

Бер повернул голову, и с удивлением посмотрел на недавнего своего обидчика.

— Ну я же не знал, что он Федогран.

— А если бы знал, то не тронул бы?

— Тронул. — Он упрямо мотнул головой. — Чего он смеется?

— Откровенно. — Воевода удовлетворенно мотнул головой. — А в город зачем пришел?

— Так в ратники к тебе наниматься. — Буркнул гигант и покраснел.

— В рааатники. — Протянул с иронией Митрох. — Что-же ты будущий ратник Бер, свою службу с драки начинаешь. Как же я тебя такого буйного возьму. Ты же мне всю дружину покалечишь.

— Нее. — Улыбнулся тот. — Они же на до мной смеяться не будут, и я их не трону. — Он внезапно погрузтел. — Так что мне, назад, к батьке идти. Он же окончательно вожжи порвет.

— Какие вожжи? — Не понял воевода.

— Которыми он меня сечет, когда сердится. Старые они, мне-то ничего, а вот они скоро окончательно порвутся.

— Все, убедил. Беру. — Умылся слезами хохота Митрох. — Только с условием. С Федограном помирись. Вам служить вместе.

— Чего это вы тут расшумелись? — Из ворот конюшни вышел Яробуд с Вулом. — Ты чего это, воевода сам не свой, чего ржешь как тот жеребец перед случкой.

— Ох и язык у тебя Яробуд. Только то тебя и спасает, что стар, да заслуг много. А так бы... — Не прекращая смеяться, воевода погрозил кулаком, показывая каким жестоким было бы это: «так-бы». — Как тебе новые помощники? Не обижал еще? Ту я тебе еще одного присмотрел.

— Ты меня за чурбак то трухлявый не держи, воевода. Какие они помощники? С одним, еще в юности, я плечом к плечу сражался, и воина, подобного ему не видывал. Другой, по возрасту, уже о жене задумываться должен, да в строю уметь стоять с копьем, а он еще дитя — дитем, что по силе, что по восприятию жизни. Третий же. — Дед мотнул головой в сторону потупившегося Бера. — Если ты его имеешь в виду, как еще одного помощника. Орясина, которую Род силушкой наградил, а вот на разум поскупился силу божественную потратить. Да и сам я еще справляюсь, с лошадьми.

— А ты из них конюхов сделай добрых, таких, каким я стал. Я ведь тоже через навоз конюшни прошел, благодаря этому и воеводой поставлен тут. Помоги выюношам себя обрести.

— Двоих то, пожалуй, я возьму. Они камешки еще не огранённые, но оборотня то я чему научить смогу, мне в пору самому у него уроки брать.

— Он с братом вместе. Не может он его по какой-то тайной причине оставить. Не нравится мне это все, но сделать ничего не могу. За них Чашун просил.

— Эно оно как. — Старик почесал задумчиво затылок. — Сам дух за них просил значит. Ох чуёт моя деревянная нога, что все это выльется в хорошую драку. Жаль староват, а то поучаствовал бы. Ладно. Научу их хвосты лошадям крутить. — Он повернулся к Федору, и застывшему около него, в нерешительности, Беру.

— Чего рты раззявили. Руки друг другу подали, помирились и бегом в конюшню. Там навозу полно. Пора его учиться убирать. — Рывкнул он.

— А чего там учиться-то. — Расплылся в довольной улыбке Берн. — Я сызмальства такому учен. Вмиг чистоту наведу.

— Поговори мне еще орясина. Друга своего нового поднимай и бегом работать. Вместе. Увижу, что сам все делаешь. Накажу. — И добавил, рывкнув так, что все вздрогнули. — Бегом! — Но увидев что один уже практически сорвался, выполнять приказ, а второй еще сидит. Добавил, тем же рыком. — Я сказал вместе!

Бер протянул руку Федору, и подняв того с земли рывком, да таким, что тот подлетел на

полметра над поверхностью, и рванул, подталкивая нашего героя в ворота конюшни.

На улице остались только Митрох, Яробуд и Вул.

— Я не знаю, какую тайну вы скрываете. — Заговорил воевода, обратившись к оборотню. — Но Дух Жизни, никогда не делает того, что противоречит совести и чести, и раз он просил меня, сделать из твоего брата воина, то я выполню просьбу, даже если чего-то не понимаю. Яробуд будет его учителем, и ты также будешь в этом участвовать, а заодно и еще одного мне воина воспитаешь, для дружины, это будет, что-то вроде платы.

Оборотень молча кивнул головой в знак согласия.

— Ты это, Митроха. — Дед, улыбаясь посмотрел в глаза воеводе. — Медку бы нам бочонок подарил, что ли. Мы бы посидели со старым знакомым, прошлое повспоминали, да планы обучения отроков твоих обдумали. Оно конечно оборотню мед без надобности, не пьет он такого, но мне бы не помешало взбодриться, а то совсем голова не работает.

— Вот ведь старый прохиндей. — Засмеялся тот. — Будет тебе мед, только не бочка, а кувшин. Знаю я тебя, с бочки ты прошлый раз, с навестившим тебя боевым товарищем, харчевню разнес, да бросившихся успокаивать вас дружинников поколотил. Им потом знахарь синяки замучился выводить.

— Ну чего старое-то вспоминать, — Буркнул совершенно не раскаявшийся дед. — Один раз всего и пошумел-то. Да и повод был. Чего нам тот жирный боров, еще один кувшин меда не дал? Мало нам с другом было. Душа еще хмельного просила. А он уперся: «Нет, да нет» Ну вот и не удержался я.

— Мало? — Засмеялся воевода. — Это пять литров мало? Все, иди с глаз. Сказал кувшин, значит кувшин.

Дед горько вздохнул, махнув рукой, словно говоря: «Что с тебя взять», развернулся, и поманив за собой оборотня, скрылся в конюшне.

Глава 10 Первые шаги

Что ты сидишь как на табуретке, со сломанной ножкой. — Кнут резанул слух хлопком, над крупом лошади, пуская ту в галоп. — Расслабься, почувствуй животину, она же ощущает твою неуверенность, вот и пытается избавиться от недоразумения, которое навесили на ее спину. Расслабься я сказал!

И снова: «Вжик», над головой пропел кнут. Дедушка оказался садистом, не дающим отдыха ни днем ни ночью. Он, казалось, вообще не спал, придумывая своим ученикам-помощникам, новые изуверские испытания. Но обо всем по порядку:

Конюшня была такой, как ее и представлял наш герой, основываясь в своих фантазиях, от просмотренных фильмах о ковбоях, за единственным исключением, что ни в книжках, ни в кино, не было запахов навоза и конского пота, непривычного и неприятного, для изнеженного обоняния жителя двадцать первого века, привыкшего к искусственным ароматам.

Первым, что сделали зашедшие в полумрак помещения юноши, это познакомились. Искренне извинившись друг перед другом, они пожали руки, причем это нехитрое действие, едва не привело Федора к инвалидности. Новый знакомый, сжал ладонь так, что там что-то хрустнуло. Но Бер, с честным лицом, утверждал, что: в виду слабости своего нового друга, баюкающего в данный момент ноющую ладонь, постарался проделать этот жест примирения, самым бережливым образом. Что с него взять, медведь он и есть медведь.

Посчитав, что извинений, уже достаточно, новый герой нашего рассказа, с самым непринужденным видом выдернул из небольшого стожка сена, в углу конюшни, пару вил. Взвесив их в руках, словно оценивая, и что-то прикидывая в уме, шуря при этом правый глаз, он внезапно, утвердительно крикнув, и бросил одни из них, неожиданному такому Федограну, который вместо того, чтобы схватить на лету, как это от него ожидалось, испуганно, резко оттолкнул их от себя двумя руками. Отвергнутые таким образом вилы вместо того, чтобы упасть в песок, обильно рассыпанный на полу, каким-то чудным образом полетели в сторону ворот, нацелившись острыми пиками железных зубов, в грудь входящего в данный момент Яробуда. Тот, с абсолютной невозмутимостью, левой рукой, переправил их полет в другом направлении, и под стук втыкаемого в стену, только что чуть не убившего его инструмента, выхватил непонятно от куда появившийся кнут.

— Вы, что это задумали паршивцы. — Два щелчка последовали мгновенно, слившись практически в один. Как он попал по заднице, беру, понятно, тот стоял к доброму старичку спиной, но как он умудрился ожечь болью место, пониже спины, у Федограна, остается загадкой загадкой, ведь он стоял лицом к деду. То, как лупил, раньше нашего героя отец, было ласковым поглаживанием, по сравнению с тем, что произошло сейчас. Боль была такая, что только чудом он не свалился на пол, и не взвыл, захлебнувшись слезами, причем боль не была мгновенной, она словно поселилась в ушибленном месте тупыми когтями раздирая плоть.

Зашедший следом Вул, многозначительно хмыкнул, и попытался выскочить назад на улицу, но был остановлен почти звериным рыком:

— А ты куда собрался. Ты теперь как все, сам захотел с братом остаться, вот и приступай к обучению на общих правилах. Все свои героические подвиги оставь в прошлом. Ты теперь мой ученик. И нечего на меня глазенками зыркать, там за воротами еще вилы

есть, хватай их и вперед, конюшню вычищать.

В бревенчатом, как и все здания в этом городе помещении, которое теперь старательно вычищали молодые люди, от конской жизнедеятельности, стояли в денниках только лошади, принадлежащие воеводе, остальные находились непосредственно у дружинников по домам, на полном обеспечении своих воинственных хозяев и их семей.

Коней было немного. Один невысокий мерин-тяжеловоз, выполняющий функции доисторического трактора, таскающего всевозможные грузы, на здоровенной, деревянной телеге, со сплошными, цельно пиленными, колесами из массива древесины, без каких-либо спиц, и обитыми кожей ободами.

Три жеребца, один из них черный, с синеватым отливом по кличке Чепрак, о нем будет отдельный разговор немного погодя, а также два белоснежных брата, близнеца, с абсолютно противоположными характерами. Один — Буян, полностью подтверждающий своим хулиганским поведением кличку, а второй Белояр, флегматичный конь которому было абсолютно на все наплевать, кроме яслей с овсом.

Три кобылы. Мамка белоснежных близнецов, блондинистая длинноногая Ветрина, с нравом взбалмошным и вредным. Коротконогая низкорослая вороной масти — Стрелка, вечно что-то жующая пухлыми губами, и наконец покрытая рыжими пятнами, как яблоками, серая красавица Малюся, любимица абсолютно всех обитателей конюшни, за свой покладистый и добрый нрав.

Также, тут жил, сволочного характера петух, с ободраным хвостом, задирающий всех, кого видел на своем пути, за что частенько был бит Яробудом ногами, изображая в тот момент футбольный мяч. Что не мешало ему при всем этом быть примерным семьянином для четверых кур, исправно несущих яйца, правда, где ни попадя, один раз Федор обнаружил такую заготовку птенца, в своем сапоге, который пришлось стирать и сушить на солнце, бегая потом полдня по лошадиному навозу босиком.

Жили три наших героя тут же в конюшне, в отдельном свободном деннике, на куче соломы, напротив еще одного лошадиного стойла, в котором обитал и сам хозяин этого воняющего навозом общежития — конюх Яробуд

Утро начиналось с ежедневного, душераздирающего пения садиста петуха. У Федора создавалось впечатление, что этот гад специально каждое утро начинал орать раньше чем в предыдущее, чтобы лишить всех и без того короткого времени отдыха, в черном провале сна без сновидений.

Далее следовала пробежка, если можно так назвать марафонскую дистанцию вокруг поселка, под надзором неумоляемого оборотня, бегущего рядом, и с какой-то странной радостью, наблюдающего за мучениями задыхающихся остальных двух учеников Яробуда, причем он каждый день заставлял ускоряться, недовольный медлительностью. Даже Бер падал с ног, в конце маршрута на берегу реки, что уж тут говорить, о изнеженном цивилизацией нашем герое.

На прибрежном песке, их каждый день ждал учитель, и начинались занятия рукопашным боем, которые по сравнению с бегом, являлись своеобразным отдыхом. Яромир показывал приемы мордобоя, всегда выбирая себе в напарники, для демонстрации Вула, и требовал точного, но медленного повторения их действий. Они на пару вытворяли такие выкрутасы ногами и руками, что ушуисты и прочие сенсеи восточных единоборств, при виде их движений, повесились бы от зависти, и это несмотря на очень почтенный возраст Яробуда. Представьте, что он делал в молодости.

Затем, сова бегом, они возвращались в конюшню, где вычищали навоз, и выводили небольшой воеводский табун за ворота города, снова к реке, где их ожидал мучитель-конюх, сидящий в позе лотоса на песке, и радостно улыбающийся приближающимся к нему жертвам, очередных садистских упражнений.

После скобления лошадиных шкур, купания и расчесывания грив, начинались занятия по джигитовке, без всяких седел и стремян. Больше всего повезло тут Беру, он хотя бы сидеть на лошади умел, и довольно уверенно, во всяком случае он так думал, пока не столкнулся с учителем, а вот остальным двоим, Федограну и Вулу, досталось по полной насладиться постижениями нового для них искусства. Федор в силу того, что до этого момента ездил только на велосипеде, а оборотня вообще лошади боялись, видя в нем его звериное начало. Дед заставлял часами просто кататься по кругу своеобразной арены, на опушке леса, словно специально для таких целей поросшую ровным кругом из колючего шиповника, пока наконец не добился приемлемого для него результата.

Первые дни, кожа на внутренних поверхностях бедер, и седалища мучеников, покрывалась кровавыми, пузырящимися мозолями, которые улыбающийся дед лечил крепким словом, и какой-то воняющей дегтем мазью, которую специально для таких целей выпросил у местного знахаря.

Ближе к вечеру, когда уже практически не оставалось сил, начинались занятия с оружием, которые проводил уже не конюх, а оборотень. Дед самоустранился от этого, заявив, что ему самому еще нужно учиться у такого непревзойдённого мастера, по владению смертоносным железом, как Вул, и потому он лучше пойдет покемарит на лавочке, перед сном.

Питались они в местной харчевне, бесплатно, так как официально состояли в дружине у воеводы и находились на полном пансионе, правда без жалования, но это ровно до тех пор, пока Яробуд не объявит их готовыми к строевой, если можно так выразится в данных условиях, службе.

Единственным днем своеобразного отдыха была баня. Боже, какое это волшебное слово. Каждую осьмицу, то есть восьмой день, ведь неделя состояла из девяти суток, поэтому горячей водой мылись не так часто, как хотелось, они наслаждались парной. Конечно, к такому способу помывки, привыкший к полутеплой, пенной ванне Федор приспособился тоже не сразу, но когда же вошел во вкус, то стал более заядлым парильщиком, чем остальные участники его компании. Единственный, кто не приемлил такого над собой издевательства, был оборотень. Вул как не старался, но не мог заставить себя усидеть в наполненной жаром, горьковатого от привкуса дыма — пара, протопленной по-черному, парной.

Прошло не так много времени, пока такой распорядок жизни, стал нормой, и даже забеги с оборотнем, превратились в своеобразные соревнования между Федором и Бером кто быстрее добежит, до сидящего на берегу деда, и не напрягали, а даже нравились. А уж возня с лошадьми, стала для нашего героя настоящим удовольствием. Яробуд даже одобрительно кивал, когда тот перепрыгивал с одного бока коня на другой, на полном скаку, отталкиваясь от летящей на встречу земли, ногами, или стоял во весь рост на крупе жеребца, раскручивая острый меч. Но садист дед всеравно находил к чему придраться, и потому его вездесущая плеть постоянно щелкала в близости от спины нашего героя.

Конь. Это вообще отдельная история. Приручение этого злющего жеребца — Чепрака, началось с укушенной руки парня, и ударом передних копыт в грудь. А ведь он, по совету

своего учителя, хотел лишь покормить того яблоком. Что там взбрело в голову животине, непонятно, но оно своеобразно отблагодарило за лакомство. Чудом ребра остались целыми, но синяк во всю грудь не проходил недели полторы, что в общем-то не послужило основанием для какой-либо поправки на тренировках.

— Ты врага тоже попросишь себя не убивать, пока раны заживают? — Захохотал злобный дед, на попытавшегося было пожаловаться на свое самочувствие Федора, и сделав волшебную инъекцию обезболивающего, подзатыльником и пинком, отправил его на утреннюю пробежку.

После первой неудачной попытки приручения коня, последовала следующая, уже более осторожная, уже не приведшая к травмам, потом следующая, и так до тех пор, пока упрямое животное не смирилось с присутствием юноши. Тем более, что больше никто не заботился о нем, кроме нашего героя. Ни кто не купал, не расчесывал гриву и не скоблил скребком короткую шерсть. Это было неременным условием Яробуда: каждый занимается своей лошадью, полностью игнорируя транспортные средства своих товарищей. Только оставшиеся невостребованными четвероногие друзья находились под общей опекой всех участников компании.

Итогом этого, и конечно же терпением ребят, стало полное взаимопонимание и любовь как их к своим лошадям, так и наоборот.

Еще, наверно более важным результатом, столь садистских тренировок, стала вспыхнувшая и окрепшая дружба нашей троицы. Теперь, благодаря стараниям местных кумушек, сидящих частенько у дверей харчевни, с целью обсуждения последних сплетен, и перетирания костей у проходящих мимо них прохожих, к нашим герою прилипло звание: «Не разлей вода», видимо ставшее столь популярным в народе, что дожило до наших дней, не изменив ни одной буквы в своем написании.

Но это еще не все. Еще одна тягота добавилась Федограну, острой занозой засевшая в сердце, и звали эту занозу Алина, что в переводе на современный язык обозначало: «вобравшая в себя красоту Нави». Ну разве не прекрасное имя? Федор готов был порвать голыми руками того, кто осмелился бы подумать по-другому. Он прекращал дышать, а сердце давало сбой, когда она проходила мимо. Но вот беда, которая глодала душу, гордая девушка не обращала на него никакого внимания, он был для нее пустым местом.

Наверно стоит описать эту девушку, с одного только взгляда на которую, наш юноша, выбросил из души, первое несерьезное увлечение детства — Ленку:

Небольшого роста, с всегда высоко поднятой, гордой головой, она была единственной отрадой отца, потерявшего при ее рождении жену, и так и не нашедшего ей замену, хотя многие женские сердца мечтали заполучить себе такого уважаемого в городе, богатого вдовца.

Густые черные волосы, уложенные в толстую упругую косу, спадали с головы, подчеркивая, таким волшебным образом изящную шею, на высокую, вздымающуюся при дыхании грудь, притягивая взоры всех без исключения мужчин, что вызывало частенько нешуточные разборки, устраиваемые ревнивыми женами.

Карие глаза смотрели томно, из-под тонких аристократических бровей, и длинных, с вздёрнутыми в восхищении, кончиками ресниц. Ровный, слегка курносый нос не был идеальной формы, что, однако, совершенно не портило общего впечатления. Верхняя губа слегка приподнятая, своеобразным нежным бантиком, довольно гармонично сочеталась с немного тонкой, упрямой нижней, и подбородком с ямочкой. Румяные пышущие здоровьем

щеки, на загорелом, легким налетом, летнего солнца, коже, словно кричали: «Поцелуй меня!»

Может быть слегка великоватые, для современных стандартов нашего мира бедра, в сочетании с талией, которую можно обхватить двумя ладонями, даже не особо стараясь дотянуться, чтобы встретились пальцы, совершенно естественно, без пошлой вульгарности, покачивались при ходьбе. Длинные, ровные ноги парили над землей, словно ее не касаясь. А так же всегда аккуратная, чистая, подобранная с идеальным вкусом одежда, дополняла образ, словно ставя в конце точку. Мечта, а не девушка.

Первого, заинтересованного взгляда с ее стороны, он удостоился спустя десять месяцев, после непрекращающихся, даже суровой зимой, изнурительных тренировок, кардинально изменивших его за это время, когда он наконец стал уже похожим на настоящего молодого мужчину, а не на то убожище, каким попал в то доисторическое, давно забытое время. Это произошло в конце мая, на местном языке — травня, в середине дня

Она была дочерью Елея. По всем существующим правилам этого мира, девушка причислялась к местной аристократии, если вообще будет корректно так называть существующее тут деление на сословия, и была явной неровней бездомному, безродному найденьшу. Но разве может возобладать здравый смысл там, где правят чувства, молодого человека, переполненного гормонами.

Первый их разговор состоялся на крыльце воеводского терема, куда Алина пришла по поручению отца, принеся какой-то важный свиток Митроху. Федогран как раз дежурил с еще одним из молодых воинов (которых тут называли новиками), у дверей.

Ему уже доверяли. Он недавно, с друзьями: Вулом и Бером, торжественно был посвящен в воины, что, однако никак не сказалось на интенсивности тренировок, и месте их проживания. Федогран получил в полное свое владение кожаные доспехи, остроконечный шлем, копье, щит-капельку, и меч, а также денежное довольствие в виде трех рубов в месяц.

Воеводы не было дома, он умчался куда-то в лес, разбираться с неприятным происшествием: (пещерный медведь, по какой-то только ему понятной необходимости, спустился с гор, и принялся кошмарить местных крестьян, нападая на скот). Вот и сейчас, он задрал бычка у одного из работников сохи, куда и направился местный начальник, для выяснения обстоятельств всего этого безобразия.

Узнав эту новость, девушка развернулась, и уже было ушла, к разочарованию нашего героя, но неожиданно остановилась, внимательно посмотрев в глаза, спросила:

— Это ведь тебя зовут Федогран? — Голос ее прозвучал музыкой ангела в юношеском сердце.

— Да — Только чудом голос не сорвался.

— Красивое имя, принадлежащее былинному богатырю. — Она как-то оценивающе на него посмотрела, от чего кожа покрылась краской. — Знаешь, а я ведь не верила, что ты сможешь стать воином. Когда первый раз увидела, то удивилась, как мог дожить до довольно зрелого возраста такой тщедушный мальчик. Потом отец сказал, что ты побратим оборотня, что как-то совсем не вязалось с действительностью, потом вообще произошло неожиданное событие, сам легендарный Яробуд, взялся тебя обучать. Это вообще выходило за рамки моего понимания, ведь этот дед берет в обучение только самых лучших, а тут вдруг ты. Я могла еще понять принятие Бера, в его ученики, но тебя..., да еще в паре с оборотнем, у которого сам конюх, готов был учиться. — Она задумалась. — Тут какая-то тайна. Может расскажешь?

И опять Федору пришлось врать, скрепя сердце, про амнезию, постигшую его во время

тяжелой болезни. Он говорил, и презирал себя. Но поступить по-другому не мог.

— Я чувствую, что ты, что-то не договариваешь. Знаешь. Мой отец тоже тебе не верит, хоть и восхищается твоими успехами. Он, конечно, не говорит это в открытую, но я чувствую. Я всегда чувствую его настроения.

— Может встретимся после дежурства. — Он осмелился ее спросить, едва не задрожав от страха.

— Почему нет. Ты интересный и загадочный, не такой как все. — Она вновь окинула его изучающим взглядом. — Тем более это ни к чему не обязывает. Подходи к избе отца, я выйду, прогуляемся, и поболтаем, может еще что ни будь из тебя выпытаю. — Она засмеялась, и упорхнула, оставив парня летать в мечтах.

Встретится им сегодня было не суждено.

Глава 11 Плечом к плечу

Вся дружина была собрана по тревоге, и отправлена в лес, на поимку шатающегося где-то там, и наводящего на местных крестьян ужас, пещерного медведя. Наша троица могла себе вполне успешно остаться в городе на дежурстве, в виду своей неопытности, да и нельзя было оставлять без защиты селение, кто-то должен был остаться для порядка. Но стараниями Яробуда, поднявшего скандал, слышимый далеко за стенами терема воеводы, и обвинявшего последнего в предвзятости, некомпетентности, отсутствии прозорливости и еще всего того, что смог придумать разбушевавшийся, плюющийся скандалом на грани драки, дед, решение поменялось. Молодые воины были взяты в свой первый поход, в виде подстраховки на непредвиденный случай, и патрулирования местности.

Поставили их лагерем на тропе, ведущей в небольшую деревеньку из трех домов, где заставили оставить лошадей, под присмотром местного населения. Воевода их клятвенно убедил, чтобы они не волновались, так как зверь не дурак, и в этом направлении никогда не пойдет. Опасности никакой нет, но на всякий случай, чтобы бдительность не теряли. Мало ли что. Они-же тут выполняют очень важную роль: создают видимость защиты, огораживая таким образом крестьян от лишнего волнения, вот и сами пусть не переживают, не нагоняя на крестьян страх.

Как только последний ратник дружины воеводы скрылся, пыля копытами коня по утопанной тропе, в чаще леса. От ближайшего дома, в сторону нашей троицы, вышла процессия, состоящая из крепкого невысокого мужика, среднего возраста, двух бабушек — божьих одуванчиков и трех девушек, весьма миловидной внешности, что-то несущих, в завернутые чистые, белые тряпицы, явно тяжелое.

Не доходя пары шагов, гости остановились, и вперед выдвинулся мужчина, видимо местный староста, с приветственным словом. Довольно надменно, он склонил голову в легком поклоне, и вновь задрал нос к небу. Чувствовалась в нем некая уверенность, знающего себе цену человека, очень редкая, кстати, черта характера, свойственная в основном лидерам, да и то не всяким. Никакого заискивания в его глазах, никакой суетливости. весь вид говорит о том, что никто его не заставлял сюда приди, что это он сам, добровольно принял такое решение.

— Мы рады приветствовать наших защитников, произнес он, правда слегка споткнувшись на слове: «рады», так как рассмотрел юный возраст встречающих его воинов. Видимо это его неприятно удивило, ведь он рассчитывал тут встретить матерых волчар, оставленных воеводой охранять деревню, а встретил неопытных щенков. Но он моментально взял себя в руки, и продолжил с таким же невозмутимым видом что и начал. — Мы принесли гостинцы. Отведайте что Мокошь послала, не побрезгуйте. Гости дорогие, славные воины города Новгора.

Красиво у него получилось. Ребята даже зарделись румянцем, непривычные к такому обращению. Властно махнув рукой, староста отдал приказ.

Загомонившие, сразу после этого, три задорные девицы, откровенно стреляя глазками, явно оценивая достоинства гостей, ловко расстелили скатерть, на траве. И так у них это ловко получалось, что Федогран засмотрелся.

Развернув свертки, девушки принялись выставить перед потенциальными женихами, какими они их себе уже представляли в мечтах, яства. Делали они это с таким расчетом,

чтоб бы были видны все, изгибы их юных тел, поворачиваясь то одним боком, то другим, к явному неудовольствию присутствующих при этом, морщащихся бабушек, и явно забавляющемуся, бесплатным представлением, старосты. А как им еще прикажите понравится? Вон парни-то явно млеют от такого внимания. Вдруг да повезет себе жениха раздобыть. Ловкими движениями, иногда якобы нечаянно, касаясь гостей своими прелестями, они быстро накрыли импровизированный стол.

Хлеб, сало, яйца, пироги, огурцы, варенье, зеленые перья лука, квас, и.... Молоко! Крынка с белоснежным напитком, которого наш герой не пробовал уже полгода. По какому-то недоразумению, в харчевне, в которой он столовался, оно отсутствовало. Почему так? Он не знал. Да и не интересовался никогда. Не было и все.

В той, прошлой жизни, его так же мало волновал этот напиток, ну если только иногда выпьет кружечку с баранками, как иногда делала бабушка, и научила подобному внука, а так, вспоминался только вечно стоящий пакет, в боковом кармашке холодильника, и используемый только мамой, для приготовления каши, или отец в кофе добавит на завтрак. Но тут! Теплое, парное, оно пробежало по пищеводу волной ностальгии, наполнив душу теплотой воспоминаний. Он даже никогда не представлял, что оно такое вкусное.

Мужик и две старухи, посчитав свою миссию гостеприимства выполненной, раскланялись и удалились, сверкнув на прощание на девушек злобными взглядами, оставив, все-же тех дожидаться окончания трапезы, чтобы забрать потом грязную посуду. Не замолкающие в щебете перекидываясь шутками с новыми знакомыми, девушки, как не старались ребята усадить их с собой за один стол, упорно не соглашались, соблюдая видимо какие-то свои правила приличья. Но спеть по просьбе Бера, согласились. Красивые голоса, конечно, не те, поставленные преподавателями вокала, к каким привык наш герой, нет конечно, эти голоса были живыми, льющимися прямоком из души струнами фольклора, может конечно наивного на современный вкус, но искреннего.

Девушки все делали для того, чтобы не дать парням отвлечься от их заботливого, ненавязчивого внимания, и уж не дай бог заскучать. Даже хоровод предложили поводить, но ребята отказались. А может зря?

Теплый солнечный день, с ласковым ветерком, непринужденная, тихая беседа, подслащенная легким, ни к чему не призывающим флиртом, с противоположным полом, и вкусный обед. Вот оно, краткосрочное счастье, так редко выпадающее на долю человека. Тихое счастье покоя, самое ценное в суетной жизни. И пусть подаваться желчью философы, ищущие его суть, ядом скепсиса. Захлебнуться, доказывая, что это неправильно, что нельзя так классифицировать подобные чувства. Оно тут, вот, это оно, именно и есть, в этой самой секунде, в этом миге блаженства, от обыкновенного обеда на травке, в этой прекрасной компании. Жаль, что скоротечно, как все хорошее в этом мире.

Внезапный крик сдул паникой, всю идиллию. Одна из девушек выпучив от страха глаза, застыла каменным изваянием, с вытянутой, куда-то за спину друзей, дрожащей от ужаса рукой. Ее подруги мгновенно поддержали истерический визг, и спустя буквально секунду, вырвавшись из сковавшего их ступора, бросились наутек, в сторону деревни, где уже выскакивали на поднятый шум, немногочисленные гомонящие жители. И выстраивались на околице, пытаясь разобраться, что происходит. Медленно наваливающаяся паника, резко взорвалась бессмысленной суетой.

Вот он, идет тот, кто по определению воеводы: «совсем не дурак, и никогда не пойдет в этом направлении» — пещерный медведь, тот кого поскакали искать дружинники, сам

пришел, словно спустившийся с картинки учебника истории. Собственной персоной пожаловал. Неспеша, переставляя косолапые лапы, приближается к опешившим воинам огромная черная туша.

В общем-то ничем не отличающийся зверь от североамериканского своего потомка — гризли, такая же черная шерсть, такие же клыки и когти, только все раза в два больше.

Чем такого монстра останавливать? У ребят даже рогатин нет. Да и на охоту на это чудовище воевода обычно собирает, как в этот раз, целую дружину, а тут всего три недоученных новика, которых и взяли то, чтобы отвязаться от скандалящего Яробуда. А ведь позади, деревня и люди, понадеявшиеся на защиту. Ситуация безвыходная.

Троица наших героев не торопясь поднялась, выстроившись рядком. В середине Бер, слева Вул а справа Федогран. Парни переглянулись, и оборотень задал естественный в этих условиях вопрос.

— Что делать будем.

— По-моему. — Флегматично высказал свое мнение рыжий. — Нам тут конец.

— Но убежать как-то... — Не смог до конца выразить свою мысль Вул, но и так было понятно, что он имел в виду.

— Там сзади деревня, полная жителей. Наверняка и дети есть. Да и девчонки симпатичные. Жалко их. — Федогран мотнул головой в сторону домов, где застыли в ожидании люди, но в его голосе было мало уверенности.

— А девчонки и правда симпатичные. — Почесал неторопливо переносицу Бер. — Что делать то?

— А вам кого больше жалко? Девчонок или детей? — Нервно усмехнулся оборотень, совсем не вовремя решив пошутить, видимо всё-таки сильно нервничал.

— Так всех жалко. — Пожал плечами, с виду абсолютно спокойный Бер. Он говорил на столько обыденно и размеренно, что можно было подумать к ним приближается не огромный хищник, а бабушка с подносом пирожков с мясом. — Себя, конечно, тоже немного жаль, но их почему-то больше. Надо наверно как-то эту зверюгу убить, или хотя бы задержать пока крестьяне убежать будут. — Вздохнул он, и вновь почесал переносицу.

— Я поражаюсь, твоей искрометной сообразительности, может предложишь такой-же искрометный план. Как это сделать? — Оборотень нервничал, и потому говорил на повышенных тонах. Он пока один понимал, что у них нет шансов.

— А что тут планы строить? Пойдем да убьем. — Ответил Бер, а потом тихо добавил, подумав. — Или он нас.

— Очень справедливое и обнадеживающее дополнение.

— Но убежать ка-то неправильно. — Федор сам от себя не ожидал, что такое скажет. — Как на нас люди посмотрят, да и жить дальше с таким.... — Он вновь не договорил и смолк.

— Это точно. — Поддержали его, не особо уверенно, друзья.

— Тогда плечом к плечу, и пусть враги сдохнут! — Улыбнулся Федогран, которому внезапно стало от чего-то весело, и абсолютно наплевать, что будет дальше. То ли бояться надоело, то ли садистские тренировки Яробуда так подействовали, то ли кровь героического предка взыграла, а может все сразу и одновременно. Кто знает? Не до самокопаний сейчас.

— Хорошо сказал. Хороший девиз для нашей троицы. — Рассмеялся оборотень.

— Это надо как-то запомнить, плохо у меня почему-то с этим. Вот если подраться, то да, а на счет всего остального такого, что голову напрягает, я как-то не очень. — Кивнул рыжий и почесал затылок.

— Вот и не напрягайся. — Рассмеялся Вул. — Голова — это не самое твое сильное место.

— Ага. — Согласно кивнул тот — Я больше драться руками люблю.

Медведь медленно приблизился и встал, водя носом, метрах в двух, от разошедшихся в разные стороны друзей, вставших своеобразным веером. Зверь заводил носом, принюхиваясь, словно выбирая, с кого ему начать свое кровавое пиршество. Абсолютно беспристрастная морда, которой было абсолютно все равно, водила маленькими черными глазками, оценивая степень исходящей угрозы от стоящих напротив ее людей. Никаких эмоций, спокойный взгляд уверенного в себе убийцы.

— Ну чего встал-то, рожа наглая. — Буркнул стоявший в середине Бер. — Мне сказали, что мое имя обозначает тебя. Вот смотрю и понимаю, что это неправда. Ты вон черный весь, а я рыжий, и морда у тебя противная, а мне девки говорили, что я симпатичный, наврали мне про сходство, верь после этого людям.

Медведь внимательно посмотрел на заговорившего с ним человека, словно понимая, что ему тот объясняет, повернув полукруглые уши, а потом, как-то резко поднялся на задние лапы, словно обидевшись на оскорбления, и взревел смрадом из раскрывшейся пасти.

— Фууу!!! Зараза ты такая! — Рыжий замахал перед своим носом пятерней, разгоняя испорченный воздух и сморщившись. — Что ты такое сожрал? Только за это тебя убить мало.

Дальше события полетели, глотая мгновения.

Еще совсем недавно, стоявший расслабленно, с копьем в руках Бер, внезапно, с хриплым истеричным криком: «Мама!», прыгнул, как-то несуразно, вперед ногами, прокатившись по траве, как на салазках, на спине между расставившего ноги зверя, и вогнал, сломавшееся после мощного удара, копьё, в мохнатое пузо. Но как не быстро у него получилось, это самоубийственное, неожиданное ни для кого действие, медведь успел махнуть лапой, и зацепить голову парня когтем, который после такого мощного удара, по инерции врезался окрасившимся в одно мгновение кровью затылком, об мохнатую ногу, и выкатившись безвольной куклой сзади, замер, неестественно раскинув руки.

Косолапый еще громче заревел от боли, и замахал лапами, пытаясь вырвать торчащий из тела осколок древка, забыв обо всем на свете, даже о стоящих по бокам от него людях. Дикая боль в развороченных внутренностях, затмила разум.

— Тварь. — Федогран брызнул слезами, увидев безвольное тело друга, и рванул вперед, вгоняя наконечник копья в бок монстра. Вложив всю силу, и клокотавшую в душе ненависть в это отчаянное действие, он напрочь забыл, чему его учил Яробуд: «Нельзя пытаться удержать застрявшее оружие. Пытаясь его вытащить, ты ограничиваешь себя в действиях, лучше остаться с голыми руками, чем быть привязанным к одному месту». За это он и поплатился. Не успев разжать ладони, он взлетел высоко вверх, все еще удерживая древко, и потом с большой высоты грохнулся на землю, с хриплым выдохом выбитого жестким контактом воздуха. Сознание пусть и на долго, но померкло, но, слава богам, окончательно не погасло. Он снова покачиваясь, поднялся, через боль в поломанных ребрах.

— Вул был более опытен, поэтому свой удар нанес хладнокровно, и расчетливо. Оборотень прекрасно осознавал, что победы над этим зверем им не одержать, но также и то, что не сможет бросить ставшими ему за это время родными, друзей. Он прекрасно видел, что один из них лежит безвольно, поливая траву кровью, а второй хрипит розовой пеной на губах.

Долго Вул играл в догонялки с Мореной, почти полтора века богиня смерти проигрывала ему это соревнование. Теперь ее время пришло. «Скоро встретимся друзья мои у Калинова моста, на берегу Смородины». — Подумал он и улыбнулся бледными губами. Он не потерял концентрации, и твердой рукой, ударил точно в глаз, пытаясь достать до мозга, но увы, удар смазался, тот невовремя мотнул головой, глаз, конечно, вытек, наполовину ослепив медведя, но цели своей, острый наконечник не достиг. Гигантский посланник смерти остался жив, и закрутив, полуслепой мордой, внезапно развернулся и бросился в сторону деревни.

Даже представить сложно, что бы там он натворил, взбешенный и раненный. Это мгновенно осознал Вул. Но в образе человека ему его не догнать. Обернуться в волка нужно время, а его нет. Но парень знал способ. Это конечно заберет множество сил, но на один рывок, для осуществления задуманного ему хватит оставшихся.

Превращение произошло мгновенно, с хлопком на землю вместо человека упал тяжело дышащий, огромный волк с разорванным ухом. Сверкнув ненавистью и безысходностью глазами, он взвился в последнем, забравшим оставшуюся в нем энергию, прыжке. Челюсти сжались на ноге пещерного монстра, с хрустом дробя в кашу кости. Тот еще больше взревев, хотя казалось такое уже невозможно. Словно блоху смахнул лапой, теряющего сознание Вула, вспоров черным когтем бок, и отбросив его далеко в сторону. «Как щенка». — Подумал оборотень, теряя сознание.

Но на этом еще ничего не закончилось. Нашедший в себе силы, но одном адреналине, ревя сорванным, срывающимся юношеским голосом, выпучив глаза, летел, именно летел Федогран. Собрав волю в кулак, он на одной только ярости, оттолкнулся в бешеном прыжке, и зажав двумя руками меч вогнал его в открытый, после удара по оборотню, левый бок. Лезвие хрустнуло, с металлическим звуком лопнувшей пружины. «Сволочь все же кузнец. Говорил, что мне всеравно в бою не почувствовать. Подсунул ржавую железку» — Думал Федор, уткнувшись в воняющую звериным потом шкуру, пока сознание медленно покидало его разум. «А всё-таки мы его завалили. Плечом к плечу». Темнота и тишина.

Глава 12 Шишок

Сознание возвращалось медленной тупой болью в груди и более сильной, сверлящей, в голове. Сквозь мутную пелену сознания доносились непонятные слова, словно кто-то пытался докричаться до него, лежащего на дне водоема, сквозь разделяющую толщу воды. Он осознавал, что у него открыты глаза, но совсем не понимал то, что видел. Силуэты лиц в застилающем глаза тумане, сменялись одно на другое. Они беззвучно раскрывали провалы ртов в крике, но слова звучали потусторонней бессмыслицей.

Внезапно в рот потекла горько-соленая жидкость. Тяжелое, и так, со стоном вырывающееся наружу дыхание, перехватило судорожным кашлем. Его вырвало, но стало легче. Обращенные к нему слова приобрели смысл. Смутно знакомый голос, который звал некого Федограна.

— Кого это зовут? — Не понял он. — А кто я? — Внезапно, наш герой, понял, что не знает, своего имени. Паника взорвала воспаленный мозг. Непослушное до этого тело, забило мелкой дрожью, в попытке подняться, и внезапно мир взорвался осмысленными красками. Федогран, это он. Улыбка расплзлась по потрескавшимся губам. Он вспомнил. Он все вспомнил. Но радость мгновенно сменилась тревогой.

— Ну наконец-то. — Рядом прозвучал довольный голос, который принадлежал Щербатому. — Рано еще тебе с Мореной встречаться. Ох и намаялся я с тобой. — Самодовольная улыбка расплзлась по губам волхва. Но тут же сменилась на озадаченно — взволнованную. — Ты чего это, парень. Не балуй.

Рука Федограна, внезапно схватила его за рубаху на груди, и рывком притянула старческое лицо к своему.

— Что сними?

— С кем? — Растерялся знахарь.

— С Бером и Вулом! — Воскликнул парень и со стоном, отпустил старика. Внезапная, резкая боль в груди, едва вновь не выключила сознание.

— Нормально все с ними. — Щербатый пожал плечами. — Оборотень еще слаб, крови много потерял. Шрам у него, конечно, во весь бок так и останется, а в остальном все хорошо, ходит уже. А с этим рыжим бугаем вообще все замечательно. Скальп с него практически тот мишка снял, но это я уже поправил. Рожа, конечно, кривоватая немного получилась, ну да ничего, чай не девка.

Синяк еще на все лицо, у твоего товарища, после сотрясения, которое ему разум в тот момент отключило, но и тот уже практически рассосался. Только вот я никак не пойму: «Что там тряслось, при полном отсутствии мозга»? — Он улыбнулся своей шутке и продолжил.

— Вы вообще-то. С оборотнем жизнью ему обязаны. Это ведь он вас в город принес. Так и прибежал. Страшный весь, в крови и в слезах. Кусок кожи на голове болтается, а на обеих плечах вы с оборотнем, с двух сторон в бессознательном состоянии висите. Он орет во все горло, меня зовет, убить грозится. Еле успокоили. Как у него только сил хватило с таким грузом, да такое большое расстояние преодолеть? Герой в общем.

Знахарь еще что-то рассказывал, в восхищении махая руками, но Федор его уже не слушал. Он погрузился в себя. В наполнившее душу счастье. Друзья живы, а раны, что, раны они заживут. Рассеянно, влажными от добрых чувств глазами, он рассматривал бревенчатую,

наполненную ароматами сушеных трав, с тонким неприятным привкусом спирта и уксуса, избу, и улыбался.

— Там рыжий на лавке у дверей сидит. — Донеслось до него наконец, что-то осознанное. Наверно слово: «рыжий», ассоциирующееся с другом, привлекло внимание. — Четвертый день уж не отходит. Оборотень тоже пытался там, рядышком, пристроится, но я его кнутом погнал. Рано еще, ему самому отлеживаться надо, неравен час загноиться рана, а мне потом возись. Так что? Пустить?

Бер ворвался в дом, едва не занеся внутрь, обиженно хрустнувшую петлями, дверь, вместе с собой, и плюхнулся на чурбак, рядом с лавкой, на которой лежал Федогран.

— Морена тебя заberi. Живой! — Гремел он, хватая морщащегося от боли друга, с восхищением заглядывая в глаза.

— Слава Роду не придется погребальное кострище складывать. — Улыбался он, полыхая счастьем. — Я-то слаб еще, бревна таскать, а на хворосте-то, не дело друга на Калинов мост провожать.

— Чего ты несешь. — Отвесил подзатыльник знахарь по перевязанной, белой тряпкой, голове. — Какой Калинов мост.

— Ты же сам говорил, что плох он, и что на все воля богов. Вот я и подумал, что Морена свою волю проявила, и его к себе, значит, на проживание ждет.

— Тебе вообще думать нельзя, дубина ты стоеросовая.

— Ага. Как только в голову какая-нибудь мысль заскочит, сразу дюже больно становится. Я стараюсь не думать. Лишнее это, да и вроде как заживает быстрее. — Согласился Бер и потрогал голову, словно показывая, где именно заживает.

— Ладно, пойду я. Надо к воеводе зайти, сказать, что очнулся герой наш. Велено было, чтобы без задержек. — Волхв, многозначительно поднял вверх указательный палец и рассмеялся, а потом резко сменив тон забрюзжал. — То же мне командир на голову. Воевода он, видите ли. И кому? Самому служителю Перуна. Совсем с этой суетой страх потеряли. Обижусь и уйду. — Щербатый грозно посмотрел на друзей, и вдруг, неожиданно отвесил еще один подзатыльник рыжему:

— Что ты мнешь Федограна как девку. Не видишь, что ему больно. Ребра едва срослись. Хочешь своими медвежьими хватками всю мою работу испортить. Не чапай парня. — И вновь: «шмяк». — Ладонью по макушке.

— Да я ничего. — Смущенно забормотал Бер. — Я аккуратно. Что я. Не понимаю, что ли.

— Вот и не тискай. — Смягчился старик, и уже выходя их дверей буркнул. — Нагеройствуют там, а мне отдувайся.

Они остались одни.

— Ты это. Прости меня, если больно сделал. Не со зла я. Обрадовался, что ты живой, вот и не удержался. — Угрюмо пробормотал Бер потупившись в пол.

— Все хорошо.

— Правда! — Настроение у него мгновенно изменилось, и вдруг рука резко опустилась вниз под лавку, выхватив оттуда странное существо. Коричневый включенный комок шерсти, размером с хомяка, без всякой одежды, зато с шапкой — колпаком, зеленого цвета, на голове, с крючковатым носом и ушами чебурашки.

— Ты кто? — Задал вопрос парень, рассматривая с интересом это создание, брыкающее тонкими ногами, в попытке вырваться из держащих его за воротник пальцев.

— Отпусти. — Пискнуло оно тоненьким голоском. — А то воеводе нажалуюсь. Он тебя накажет.

— О как. Воевооооде. — Протянул Бер и почесал затылок задумавшись, и рассматривая болтающееся около его носа маленькие ноги. — А чем докажешь, что с Митрухом знаком? — Выдал неожиданно он гениальную мысль, видимо вычесанную из головы пятерней. От такого хода мыслей даже, пойманный незнакомец, или незнакомка, пойди его разбери, растерялся, не зная, что ответить, и перестал трепыхаться, уставившись глазами, черными бусинами, в застывшее в немом вопросе лицо.

Привыкший уже, ко всем этим проявлениям чертовщины, окружающие его все последнее время, и потому совсем не удивившийся, Федор, коснулся друга рукой.

— Посади-ка его рядом со мной, и не отпускай. Поговорим, потом решим, что делать.

Но в это время скрипнула дверь, и вошел, Вул. Обернувшийся на скрип рыжий, с криком: «Заходи дружище!», попытался сделать приветственное движение, взмахом ладони, забыв на радостях, что держит ими пленника, и разжал пальцы. Освобожденный таким неожиданным способом незванный гость, с писком грохнувшийся на пол, быстро засеменял лапами, и попытался сбежать, нацелившись в щель между полом и стеной. Но он не учел, что имеет дело с учениками Яробуда, воспитанными, мгновенно принимать решения, и также, мгновенно, воплощать их в жизнь. К тому же еще вмешалась, нечеловеческая реакция оборотня. Старый пыльный валенок, стоявший в углу, недалеко от входа, не дал совершится непотребному. Точный бросок Вула, угодившего точно по затылку, сбил удирающего, почувствовавшего уже свободу беглеца, с ног, а ловкие пальцы Бера, вновь ухватили за шиворот.

— Ты куда. — Обиженно произнес увалень. — Мы же с тобой поговорить хотели. Почему ты такой непослушный? Вон чуть Федограна не расстроил, а ему нельзя, он болеет. Садись давай вот тут рядышком. — Говорил он одновременно с этим устраивая нежданного посетителя себе на коленку, и сам садясь назад на чурбак. — Только не убегай больше. Не надо. Все равно ведь не получится.

Пока он совершал все эти действия, оборотень подошел к Федору и радостно обнял того за плечи.

— Я рад, что ты не покинул нас, брат. — Улыбался он. — Я просил об этом в молитвах Девану, мою богиню, ее отца Перуна, и создателя мира, Рода. Даже богиню смерти — Морену, умолял не забирать тебя. Они услышали меня, и ты жив.

— Спасибо брат. — Улыбался Федор, не смотря на боль в голове и груди. Теперь он был уже не та размазня, дрожащая страхом, и скулящая от каждого пореза на пальце. Этот мир изменил его, сделал мужчиной, пусть и молодым, с легким пушком вместо бороды и усов, но мужчиной. Даже мыслить парень начал по-другому. Появилось то, чего никогда раньше не было. Ответственность. За друзей, за город, за себя в конце концов. Мышцы налились силой, стали узловатыми и эластичными. Взгляд суровым, а в волосах светилась седая прядь, одна единственная белая полоса в челке, память о пещерном медведе.

— Я тоже рад что ты выжил. — Он сжал облокотившуюся на лавку ладонь оборотня. И что ты жив, ткнул он в плечо Бера. — И улыбнувшись добавил. — Брат.

Это, простое, казалось бы, действие, произвело неожиданную реакцию, с последним. Он вдруг выронил существо, которое держал в руках, которое, впрочем, бежать уже никуда не собиралось, помня последствия, следующие за подобным поступком, и потому спокойно осталось на лавке, куда упало, около Федора.

— Ты назвал меня братом?! — Воскликнул здоровяк, и его глаза увлажнились. — Ты правда так считаешь? — Он с надеждой посмотрел на Федограна, а потом перевел взгляд на оборотня. — И ты тоже?

«Что это с ним». — Подумал наш герой, и вопросительно посмотрел на Вула, но тот лишь загадочно улыбнулся, и кивнул в сторону Бера, мол: «Сам у него спроси».

— Ты чего?

— Я при вас все время был, как приемыш в семье. Сослуживец, друг, конечно, но не родственник. Теперь же ты меня братом назвал. Теперь я, как и Вул... Названный брат. Да я за это... — Он не смог договорить, захлебнувшись чувствами.

— Так мы давно уже тебя как брата воспринимали. — Смутившись такой реакции, казалось бы, на простые слова, произнес Федор, и вдруг обратил внимание на внимательно прислушивающегося к разговору, стреляющего, переводя глаза с одного на другого, пенника.

— А ты чего тут свои лопухи растопырил. Кто такой? Как зовут?

— Лопухи...! — Засмеялся, сообразив, что имел в виду наш герой, рыжий. — Это же надо так уши назвать. А ведь и вправду похожи.

— И ничего не лопухи. У самого тебя лопухи. — Набычился тот, превратившись в мохнатый колобок. — Шишок я. Илькой кличут. За тобой приглядываю. Воевода просил, чтоб ты, значит чего не учудил, как тогда в харчевне. Мало ли чего еще непотребного сожрать надумаешь. Вот я и приглядываю.

— Шпионишь. — Подвел итог этому монологу Федор.

— Ну и шпионю, а чего тут такого. Я же шишок. Нечисть вредная и злобная. Меня вообще-то бояться положено, а тот бугай за шкуру. Вот буду ему теперь пакостить, мисочкой с медом в углу не отделаюсь.

— Так ты домовой. — Догадался парень.

— Причем тут домовой, совсем не домовой, тот к одному строению привязан, а я существо свободное, я волю люблю. Говорю же. Шишок я.

— Не приставай к нему. — Внезапно вступился за пленника Вул. — Слышал я о них много, вот только вижу в первый раз. Скрытные они. С ним разговаривать бесполезно, он, что помело, так заболтает, что голова кругом пойдет. Нежить он. Живет где хочет, делает что хочет. Стрибога создание. Он его себе для развлечения создал, да потом выгнал. Неудачные получились. Болтливые очень.

— И ничего не выгнал. Он нас в мир отпустил, свободу дал...

— Да говори ты что хочешь. Какая нам разница. Прервал очередной монолог Ильки оборотень, махнув на него рукой. — Иди отсюда, нечего тут подслушивать.

— Не. — Вдруг рассмеялся тот, словно сверчок заскрипел. — Не пойду, у вас интересно. И подслушивать тут легче чем из щели.

Дверь скрипнула, и на пороге появился щербатый. Вы во что, тут, мою избу превратили негодники. — Заорал он грозно, прямо с порога. — Ну-ка брысь отсюда все, кроме Федограна. Тому можно, он болен еще. — И вдруг заметил шишка. — А ты вообще, чего тут делаешь. Тебя не видно не слышно быть должно, а ты на лавке байки травишь. Брысь в щель, и не высывайся.

— Сам в щель полезай, умник. А мне и тут неплохо. А на виду я потому, что меня вон тот бугай словил. — Голова гостя мотнула ушами в сторону Бера. — А теперь я и сам не хочу уходить. Мне так за ними подглядывать удобней.

— Ладно тебя не переспоришь, а остальные вон пошли отсюда.

Влияние этот знахарь в городе имел огромное, больше даже чем сам воевода. Служителя Перуна боялись все, хотя непонятно почему. За всю историю его проживания, он никому и никогда, ничего не сделал плохого, кроме только может быть того, что крепко обругал, а вот добра от него видели все, каждый отметился приходом в его избу с болячкой, и никому, с виду злобный дед не отказал.

И потому, не смея спорит, пожелав скорейшего выздоровления, и пожав на прощание руки друг-другу, посетители ушли. Щербатый же, присел молча возле стола, на скамью, высыпал из сумки кучку травы, и не обращая никакого внимания ни на кого, молча, стал перебирать.

— Нет, так не интересно. Скучно так. — Шишок заходил по краю лавки, на которой лежал наблюдающий за ним и улыбающийся Федор. — Что тут смешного. — Маленькие глазки злобно зыркнули, а их хозяин, резво спрыгнул на пол и нырнув в щель, исчез.

— Наконец-то. — Развернулся волхв. — Никак от него не отделаешься. Только молчать при нем и внимания не обращать, он тогда интерес теряет и уходит. Вот ведь сплетник назойливый. Как с ним воевода общий язык только находит, ума не приложу? Давай ка я тебя погляжу. Сесть сможешь?

Ловкими движениями знахарь распеленал стягивающую Федора повязку, потыкал в ребра пальцем, смотря в глаза, приложил к груди ухо, и удовлетворенно крикнув, достав с полки горшок с вонючей мазью, обильно смазал покрытое синяками тело, и вновь обмотал повязкой, но уже не так туго.

— Пару дней полежишь еще, и в баню пойдем, через порог тебя протащу, попарю с травками, как огурчик станешь.

— Как это через порог? — Не понял парень.

— Дурная голова. То первое лекарство, оно... — Что оно он договорить не успел. Из щели вылез шишок, и ловко запрыгнул на лавку.

— Вернулся я. — Довольно произнес он.

— Вижу. — Буркнул дед. — Чего надо опять?

— Тут сейчас интересно будет. Дочка Елея идет. Кр-аасная вся. Волнуется. Он потер ладошками.

— Терпи. — Только и смог, загадочно хмыкнуть дед парню, улыбнувшись. — Пойду я к Яробуду загляну, ногу у него деревянную сводит, посмотреть надо, да медку в харчевне прихвачу, для смазки. — Засмеялся и вышел за порог. И уже оттуда зазвучал его голос. — Заходи дочка, заходи, очнулся он. Только не на долго. Тяжело ему еще — долго-то. Пожалей Юношу.

— Я только гостинец передам. — Прозвучавший в ответ голос заставил сжаться сердце юноши, и покраснеть.

— Начинается. — Довольный шишок, перебрался к стенке, и облокотившись вытянул ноги.

В дверь тихонечко постучали, и не дожидаясь ответа приоткрыли. В образовавшуюся щелку заглянула голова Алины.

— Я не сильно помешаю. — Ее голос прозвучал неуверенно и взволнованно.

Хотя Федор и ждал ее, но всеравно вздрогнул, словно пробитый электрическим током, он попытался подняться, но сделал это слишком резко, от чего ребра скрутило болью, и он упал назад с тихим стоном.

— Ой родненький, воскликнула девушка, и птицей влетела в избу, замерев напротив

лавки, не зная, чем помочь. — Больно?

Больно? Да за одно только слово «родненький», слетевшее с ее губ, Федор готов был стерпеть в сто, нет в тысячу раз большую боль, чем сейчас, да что там говорить, он умереть был готов. Но ничего подобного сказать не смог, а лишь промямлил:

— Терпимо.

— Я тут гостинцы принесла. Батюшка передать велел. — Зарделась она румянцем.

— Батюшка... — Заскрипел сверчком, изображавшим смех, недавний пленник. — Вот бы он удивился, этот батюшка, услышав, что от его имени гостинцы носят.

Он еще, что-то хотел сказать, но получил пинок от парня, и улетев к противоположной стене, грохнулся на пол, но совершенно не обиделся, а рассмеялся и сел, наострив уши. — Вы не стесняйтесь, считайте, что меня тут нет. Продолжайте.

— Кто это? — Девушка округлила глаза и побледнела.

— Шишок это. Сволочь редкостная. — Буркнул Федор.

— Надо же, а я думала, что они только в сказках существуют. Какой смешной, и милый. Его можно погладить?

— Чего меня гладить-то, что я кот. Хотя. Валяй гладь. Меня еще никто никогда, не гладил. Мурлыкающему племени это нравится, может и мне хорошо будет.

Он быстро вернулся на лавку и замер в ожидании. Девушка осторожно провела по шкурке.

— Хорошо. — Илька закатил глаза. — Давай еще. Смелее. Здорово, еще за ухом почеси. Ох хорошо. Все красавица, от ныне я твой домашний шишок. Мне много не надо, погладишь иногда, да чего ни будь сладенького в уголочке положишь. А уж я расстараюсь. Вот прямо сейчас и займусь. — Он стрельнул глазами на Федора. — А этого не гладь, от него пользы всеравно никакой нет, от болезного. Ладно, побежал я, надо еще с домовым, что у вас с батюшкой в избе живет познакомиться, нам теперь вместе с ним за порядком следить.

Он спрыгнул и скрылся в щели.

— Вот ведь балабол. — Усмехнулся Федор.

— От куда он тут? — Улыбнулась девушка в ответ.

— Не знаю, Бер поймал. Лучше бы он его не заметил.

Быстрое посещение больного продлилось более двух часов, и закончилось нежным, но быстрым, застенчивым поцелуем прекрасных губ в щеку, на прощание. И если бы вы спросили, о чем они разговаривали? Наш герой не ответил бы. Он не помнил.

Глава 13 Помолвка

— Сволочь! Гад! Убью! — Полено полетело вслед ныряющему в крысиную нору шишку. Кипящий ненавистью Яробуд плевался яростью, не зная на кого ее выплеснуть, так как объект его такого неадекватного состояния, позорно сбежал под землю. В воротах стояли трое друзей, еле сдерживающих смех, и воевода — свидетель происходящего на их глазах цирка.

Сегодня наши герои отправлялись в первое своей жизни ответственное задание, которое, не было сложным, но тем не менее являлось исключительно ответственным. Наверно расскажу все по порядку.

Хотя время, прошедшее, с момента последнего повествования, и до происходящих на данный момент событий, не имело в своей основе, каких-то важных судьбоносных событий в жизни города, но пропустить его, я считаю неправильным. Этот отрезок, более детально показывает, как поменялось, в следствии попадания в далекое прошлое, мировоззрение нашего героя, и что влияло, в дальнейшем, на его поступки.

Двадцать дней Федогран пробыл в избе волхва. Все это время старый знахарь его лечил. Менял тугую повязку, натирая тело парня мазями, поил настойками трав, отвратными на вкус, но тем не менее такими же действенными, как и лекарства двадцать первого века, если не более эффективными. Так же юноша был жесточайшем образом пропарен в бане, после чего, проташен через порог парной, в полуобморочном состоянии.

Как! Вы не знаете, что это такое? Тогда расскажу. Это древний, священный ритуал. Он заключается в том, что распаренного больного, хлестали собранными в определенном порядке, из разных сортов дерева и трав, вениками, намазав несчастного медом. Такими вот действиями выгоняли из последнего всю хворь, и всех злых духов, способствующих болезни. Затем, под пение славящих гимнов, славящих богов, перетаскивали, почти теряющего от жара сознание человека, через порог парной, непременно спиной вниз. По общему мнению, существовавшему в то время, вся гадость, изгнанная из тела, таким изуверским способом, оставалась в парной, и не смела выйти, из дверей бани, где порог был заговорен знахарем, а уж тем более самим волхвом, и таяла, оставаясь запертой внутри, в освященном пару.

Что в конечном итоге помогло непонятно, но Федор встал на ноги, и вполне прилично себя чувствовал, даже приступил к тренировкам с друзьями, правда в упрощенной, легкой форме, но с неизменной руганью щелкающего кнутом Яробуда

Все долгое время лечения, нашего героя, было наполнено ожиданием и счастьем: Трепетным ожиданием прихода Алины, и счастьем от возможности ее видеть, разговаривать, касаясь рук, и с неизменным прощальным поцелуем в «щечку», когда девушка уходила, больше похожим на дружеский жест, чем на поцелуй любовников.

Да, Федор был влюблен. Но это была уже не юношеская, безответственная страсть, которую он когда-то испытывал к Ленке, и причиной которой были бушевавшие в теле юноши гормоны, не тот всплеск краткосрочной искры, быстро вспыхивающей, и не менее быстро затухающей. Это была любовь взрослого, ответственного мужчины, осознающего, как свои поступки, так и последствия от проявления своих чувств.

Какого мужчины в шестнадцать лет? Спросите вы, глядя на своих несуразных, инфантильных отпрысков, уставившихся в экраны, телефонов или мониторы компьютеров, красными, воспаленными глазами. Я отвечу:

Настоящего мужчины, каким он стал в этом доисторическом мире за десять месяцев. В мире, где «взрослость» определяется не количеством прожитых лет, а совершаемыми человеком поступками. В этом мире, мальчишки не играют в войну, ради развлечения, они таким образом учатся вставать на защиту своего дома с оружием в руках, и делают это осознанно, под руководством отцов. Девочки не просто пеленают куколок ради игры и под воздействием «женского генома», нет, хотя и этого не отнять. Они уже с малых лет готовятся стать теми, кто даст новую жизнь, и кто будет эту жизнь растить и оберегать, и только ради этого жить дальше, глубоко плюя на продвижение по карьерной лестнице, которой еще, кстати, и не придумали.

Семья, в этом мире, не соединение двух противоположных полов, с разными взглядами, где родители встречаются между собой и детьми только вечером, и зачастую даже не за ужином, и бросив друг другу равнодушное: «Привет», разбегаются по своим гаджетам, соблюдая «личное пространство». Тут семья, это единый организм, сплоченный и дружный, где у каждого свое место. Где женщина не бежит по полю боя с автоматом в руках, а мужчина не стирает белье и не мечтает забеременеть.

Но я увлекся, мой читатель. Не для того я все это здесь описал, чтобы возвысить устои одного общества, или занизить другого. Отнюдь. Везде есть свое «хорошо» и свое «плохо». Сделал я это, чтобы лишь донести атмосферу, в которой существовал наш герой.

Так вот, Федор был влюблен, и ему отвечали взаимностью. Парень строил планы дальнейшей жизни, и готовился, просить отца Алины, отдать ему в жены дочь. Основания надеяться на положительное решение со стороны родителя невесты у него были.

Первое, и самое главное основание, это конечно же, то, что у них с девушкой была взаимная, как вы поняли, страсть, о которой уже судачили все бабушки в городе.

Второе, не менее важное: что отец девушки был не против такого союза. Ему нравился парень, который за столь короткий срок, сумел сделать из себя настоящего человека, хотя в начале никто в это не верил в такое, разве, что его названный брат-оборотень.

Ну и третье: это то, что появившийся неоткуда юноша, очень быстро обзавелся собственным домом. Пока еще пустующем, но зато новым, только что отстроенным, а также конем-лучшей в городе лошастью, красавцем — Чепраком.

Этим богатством, без всякой помпы, наградил его воевода, от лица жителей города и ближайших деревень за совершённый подвиг: «Избавление лесов от пещерного медведя, терроризирующего местное население». Впрочем, награду так же получили и его друзья, игравшие в той схватке далеко не последнюю, если не главную роль.

Правда оборотень от награды отказался, оставив себе только добродушную кобылу Малюсю. Он сказал, что ему привычнее жить в конюшне, а обременять себя заботами о недвижимости, он не хочет, так как жениться тут не собирается, да и вряд ли найдет девушку, желающую пойти замуж за кромочника. Как показали дальнейшие события, он сильно ошибался, но до этого еще очень далеко.

Бер же принял все награды с простодушной, искренней радостью, и на следующей же день умчался к своим родителям на жеребце Белояре, которого искренне полюбил. Полюбил так, что даже иногда спал в его стойле, в куче соломы, наплевав на навоз. Уехал, чтобы повидаться с отцом и матерью, многочисленными братьями и сестрами, и конечно же похвастаться своим новым положением в обществе, заслуженным им лично, в кровавой схватке с диким монстром, в которой он и заработал свой героический шрам на голове.

Когда же здоровяк вернулся, то с гордостью сообщил, что был помолвлен за это

короткое время, с соседской — деревенской девушкой, которая до этого не обращала на него никакого внимания, и что свадьба осенью, и он всех приглашает, погулять за их, с будущей женой, счастье.

В новой, сверкающей кольчуге, выданной взамен кожаного нагрудника, в остроконечном шлеме, начищенном до блеска, с добротным мечем на расшитом поясе, самолично принесенными кузнецом, с извинениями за сломанное в схватке, некачественное оружие. Обутый в кожаный красные сапоги, красный кафтан, последнее веяние доисторической моды, подарок жителей спасенной деревни, Федогран шел свататься. Впереди важно ступал разодетый воевода. Он потребовал у парня быть его «сватом», иначе обещал обидится.

Следом за ним, дружки жениха Вул и Бер, по бокам от самого главного героя этого красочного действия, и наконец в хвосте всей церемонии население Новогора, горячо обсуждающее будущую помолвку, жениха с невестой, и гомонящее какие-то песни, в перерывах между сплетнями.

Что и говорить. За последнее время три друга, заслужили в городе славу бесстрашных героев, слегка пришибленных на голову. Только такие могли вступить в бой, который заведомо должен был закончиться их смертью, но выиграли его, еще и остались живы. Теперь каждый, при их приближении, считал своим долгом первым раскланяться с ними в приветствии. Это дорогого стоило.

На пороге дома встречал Елей, и не пускал внутрь, пока сват, не перечислил все достоинства жениха. Воевода расстарался. По его словам, просить руки невесты, пришел сам былинный герой-красавец, у которого из недостатков, было только полное отсутствие недостатков.

Изобразив на лице тяжелые раздумья, отец невесты наконец, с горьким вздохом, обозначающим: «Хотя ему жених и не нравится, но он смиряется с выбором дочери, и согласен выслушать сватов», распахнул наконец двери. Четверка, суровых мужчин, скрывающих свои довольные улыбки, под масками равнодушия, под гомон толпы, вошла в горницу.

— Да принесет Мокошь счастье в этот дом. — Заговорил сват. — Не покажешь ли тещюшка невесту. Очень нам хочется посмотреть. Не поспешил ли наш герой с выбором. Может кривая какая, да косая. Жених то у нас знатный. Выбор у него богатый. Сердец девичьих по нему много сохнет. Вот ходим выбираем. Лучшую шукаем.

— Что же не посмотреть. Глаза только прищурьте, да друг за дружку подержитесь, когда в горницу выходить будет. Когда солнышко всходит, от красоты такой люд глазки прикрывает, а кто не успел, слепнет да с ног валится. Приходили тут до вас, насилу в чувства водой ключевой отлили. Все охали да ахали, моей доченькой восхищались.

— Нам ли воинам красоты бояться. Показывай. Да пусть гостям, по чарке меда вынесет. Заодно и оценим, умеет ли напитки правильные готовить, да хлеба ломоть на закуску. Али печь не умеет?

— Как не уметь, только вы уж поосторожнее. Прошлые сваты вместе с хлебом пальцы себе пооткусывали, да языки попроглатывали. Не спешите.

Елей поклонился гостям в пояс, и дождавшись ответного поклона, сделал рукой жест, приглашающий проходить в дом.

— Покажись Алинушка. Поприветствуй сватов. Посмотри на жениха, да скажи: «Готова ли ты опереться на плече его? Хлеб с ним делить? Деток народить, да вырастить? Жизнь

прожить, совместно горюя и радуясь, до самого ухода до Калинова моста?»

Скрипнула дверь и в горницу вошла Алина с подносом в руках, на котором стояли три глиняных чарки с хмельным медом, да румяный каравай еще теплого хлеба. Девушка, одетая в ярко синий, расшитом красным бисером сарафан до самого пола, из-под которого выступали при движении красные сапожки, и накинутой на плечи белоснежной вязанной, шерстяной шалью, простоволосая (знак девичества), с толстой косой на груди, смущенно улыбнулась. Щеки ее запылали от волнения румянцем, а глаза скромно опустились вниз. Она подошла к сватам и поклонилась молча в пояс.

Митрох, взял чарку, разгладил усы и выпил. Пожевал во рту, словно пробуя на вкус, кивнул одобряя, и трижды поцеловал девушку в щеки. Следующим, то же самое сделали Вул и Бер. И наконец Алина остановилась напротив Федограна.

— Ну как тебе жених доченька. — Торжественно заговорил Елей. — Ответствуй. Подходит ли в мужья. Согласна ли ты опереться на плечо его, за спину от невзгод спрятаться. Годен ли.

— Годен, батюшка. Согласна. — Голос ее дрогнул, и щеки окончательно сделались пунцового цвета.

— Ну и я одобряю твой выбор. — Хмыкнул довольный Елей. — Иди. Далé не твоя забота, мы с мужами свадьбу оговорим да меда хмельного выпьем.

Что происходило за обильно накрытым столом, Федор помнил смутно. Не из-за выпитого спиртного, совсем нет. Он и приложился-то к чарке всего пару раз. Герой наш, как говорится: «летал в облаках». Он уже строил планы совместной жизни, качал в руках своих детей, и даже внуков. Мечтал о том, как они будут счастливо жить, и умрут в один день. Ну что тут скажешь. Каким бы его не считали взрослым, а в душе он все еще был подросток, только уже повидавший смерть и с прядью седых волос в голове.

Свадьбу договорились играть глубокой осенью, по первым заморозкам и первому снегу, когда закончат с уборкой урожая. Что-то там еще много обсуждали: про приданное, про совместное проживание, и даже про то, как первого наследника назовут. Но наш герой все это пропускал мимо ушей, погрузившись в себя.

Затем долго раскланивались с будущим тестем. Выходили на порог избы, где воевода рассказал гудящей толпе о результатах. Шли через расступающихся при приближении сватов людей, что-то восторженно ликующих. Все осталось в памяти туманным сном. Федор был счастлив.

Утром, на следующий день, в конюшне, где все еще проживал наш герой вместе с друзьями и учителем. (В конюшне он решил оставаться до самой свадьбы, решив, что в новый дом въедет только вместе с женой, начав, именно с этого, новую, совместную жизнь). Их посетил воевода.

— Собирайтесь. — Заявил он прямо с порога. — Поедете у Уйшгород, к князю Сославу. Грамоту ему отвезете, и подати заодно. А ты чего сидишь? — Рывкнул он на безучастно дремавшего в соломе Яробуда. — Тебя тоже касается. С ними поедешь. Парни, конечно, геройские, но за ними пригляд еще нужен.

— Ты сдурел никак воевода! На кого я конюшню оставляю? — Дед на столько был ошарашен известием что, мгновенно вскочил на ноги.

— Я новика пришло, он приглядит. Да и коней тут останется после вашего отъезда немного. Он справится, да и тебе будет наука, да развлечешься, а то уже мхом скоро прорастешь на месте сидючи. Встряхни стариной, покажи, что еще о-го-го. — Митрох

засмеялся.

— Это, что же за наука такая? Чему это ты меня еще учить удумал? — Сощурился Яробуд.

— Как! Воеводе перечить? Не помнишь, кто отказал мне в просьбе в сваты идти? — Воевода с ехидным вызовом, смеясь, посмотрел старику в глаза. — Вот и подумай в дороге.

— Ах тыж... — Договорить учитель не успел, потому что из соломы, в которой он спал вылез зевающий шишок.

После того, как его поймал в доме волхва, Бер — этот маленький наглец, перестал прятаться, и стал бедствием для всего города. Он появлялся в самых неожиданных местах.

Мог внезапно вылезти на полке над плитой у стряпающей в этот момент похлебку хозяйки, советуя ей сколько еще положить крупы, и от неожиданности, высыпавшей в варево всю соль из крынки.

Мог посоветовать плотнику, забивающему костьль в стену, как держать молоток, появившись за спиной, и выкрикнув пожелания громким, противным голосом. Потом быстро прятаться от летящего в него инструмента, под лавкой, и метаться в поисках щели по полу, от негодующего мастера, отбившего палец.

А мог вообще, влезть на спинку кровати, занимающихся сугубо личными, не подразумевающими всеобщего внимания делами, мужа и жены, и посоветовать им непристойные методы поведения.

Его давно бы убили, но поймать так и не смог никто, кроме рыжего увальня, которому, кстати, нередко с обидой выговаривали, что он слишком по-доброму отнесся, к этой маленькой мохнатой сволочи, и что надо было отдать ее им, для праведного, костоломного суда.

Илька отряхнул деловито прилипшие к шкурке мусоринки. Снял, стряхнул, и снова одел колпак на голову. Протер уши лапками, и улыбнулся Яробуду.

— И не благодари. — Затараторил он. — Как только я услышал, что надо в столицу грамоту с податью везти, да то, что послать некого, в виду посевной. Сразу вспомнил как ты жаловался воеводе, что у тебя нога болит, и как тебе тяжело даже с лошадьми возится, и что потому не можешь в сваты идти. Подумал, что прогулка на свежем воздухе тебе на пользу пойдет. Дней десять в скрипучей телеге лежать. Это же мечта. Отдохнешь, развеешься, да и учеников своих в делах посольских поднатаскаешь. Вот я и посоветовал воеводе...

Договорить он не успел, едва увернувшись от полетевшего в него полена, которым припирались от ветра ворота конюшни. И ныряя в крысиную нору, от второго такого же.

— Убью, сволочь мелкая! Раздавлю мохнатую гниду. — Дед взорвался в такой ярости, что даже побледнел.

— Не надо так волноваться. — Пищал. Илька, ныряя в крысиную нору. — Не надо... — Затих его голос под землей.

— С каких это пор шишок тебе советником стал? — Перекинул свою злость Яробуд на смеющегося Митроха.

— Успокойся, старый. Никто мне ничего не советовал. Словно ты этого балабола не знаешь? Ему соврать, что высморкаться. — Вытер обратной стороной ладони глаза воевода, а дальше заговорил уже серьезно.

— Не просто я так тебя посылаю. Сложно все там, в столице. Может ты разберешься, что там да как. Сослав — Князь наш, последнее время стал себя странно вести. Подать увеличил без причины. Воевать с соседями надумал, то же поводов вроде нет, для того

дружину к себе требует. Не нравится мне все это. Попробуй разобраться. Парней привлеки, о них там никто не знает. Пусть ходят там да послушают. Может и узнаете что. — Он замолчал, а потом вдруг вздохнул. — Не на кого мне положиться. Одна молодежь. Елея бы послал, да только не сорвать его сейчас с места. Тут нужен. Поезжай, очень тебя прошу. Разберись там.

Глава 14 Харчевня с сюрпризом

Своеобразна и красива природа доисторической эпохи. Сочетание растительности средней полосы России, с представителями тропической флоры. Сумрачные ельники прячущие от солнца свои тайны под высокими колючим кронами. Веселые, светлые березовые рощи, словно светящиеся белесым туманом, радуют глаз. В противоположность берестяному чуду — смешанный лес, из сказки про Бабу Ягу, пугает завалами поваленных, покрытых мхом, деревьев и высоких папоротников, и вдруг бамбуковый лес, столбиками взлетающий к небу коленчатыми сочленениями салатных с желтизной стволов, сливающихся высоко над землей сплошной зеленью крон. Все это буйство растительности перевито лианами, и наполнено жизнью.

Всевозможные пичуги, мышки, насекомые, летающие и снующие под копытами коней. Они собирались в рой — замирающее гудящим темным облаком, и вдруг, внезапно срывались в полет к какой-то им одним понятной цели, вытягиваясь в трепещущие капельки. Наполняли пространство нескончаемой какофонией звуков, где отдельными голосами солировали всевозможные соловьи вороны и кукушки.

Зайцы не кидались в петли побега от приближающихся всадников, а замирали, прижавшись к земле, вытягивая уши вдоль голов, и срывались в бегство, только когда на них практически наступало копыто коня. Лисы, укрывшись камуфляжем травы, видимо думая, что их не видно, провожали всадников заинтересованными пуговицами блестящих на солнце глаз.

Первозданная, непуганая природа, незнающая звуков выстрела. Дикая и прекрасная.

Трое всадников и одна повозка, ехали по выщербленной, проросшей в трещинах ветхости травой, дороге. Самой настоящей дороге, с покрытием, похожим на асфальтовое, но давным давно заброшенное, пожираемое временем и безжалостным лесом. Это чудо ушедшей эпохи, ровной стрелой уносящееся в даль, являлось остатком исчезнувших в глуши веков, уничтоживших самих себя цивилизаций. Какими они были, уже не помнит никто. Все стерто из людской памяти столетиями новой жизни. Лишь такие вот редкие фрагменты, которым тоже предстоит кануть в небытие к нашему времени.

Трое парней, на своих верных конях, и их старый учитель на скрипучей телеге, запряженной тяжеловозом, и заваленной тюками с каким-то барахлом, держали путь в столицу княжества Ураслав — город Уйшгород.

Ехали налегке. Доспехов и лишнего оружия не брали. Некого тут бояться, дорога наезжена, многократно проверена частыми княжескими патрулями, и потому безопасна. Одеты путники в просторные холщовые рубахи, и в широкополые шляпы, какие обычно надевают бортники и геологи для того, чтобы натягивать на них сетки, спасающие от укусов разозленных кровососущих и жалящих насекомых. Но так как подобного на данный момент не требовалось, гнус и прочая гадость еще не нападала роями, (рано еще, такое начнется только в начале лета), то подобный головной убор, своими широкими полями, служил для прикрытия от солнечного света слепящего глаза.

Неторопливый путь, дремавших в седлах ребят, длился уже второй день. Первую ночь провели под открытым небом, спасибо богам, дождя не было, а спать на голой земле, для них было нормой. Федор уже давно не был тем избалованным юнцом, каким попал в этот мир, а остальные выросли в подобных суровых условиях с детства, и потому даже не

замечали неудобства.

Следующую ночь решено было провести на постоялом дворе-харчевне. От которого до столицы оставалось совсем немного. Яробуд обещал чистые простони, вкусную похлебку из ершей, которую он назвал так созвучно с нашей ухой, только звучащей немного непривычно, по-другому.

— Ух-ууу. — Именно так, словно запнувшись в середине и затянув последнюю гласную, и с ударением на оба слога, блаженно закатив глаза произнес он, улыбнулся и сглотнул слюну. Согласитесь похоже. Может от сюда и пошло современное название популярного супа.

Они не ели с самого утра, и потому в животах урчало, напоминая, что пора бы перекусить. Но старый вояка запретил останавливаться, обещая скорый отдых и обильный вкусный ужин. Нужно просто потерпеть. Совсем чуть-чуть.

Телега скрипела, кони всхрапывали, в животах урчало, все кемарили опустив подбородки на грудь. Солнце потихонечку скатывалось за заснеженные вершины гор, виднеющиеся в дали, и справа от дороги.

— Ой ты порушка-парня! — Внезапно зазвучал громкий противный голос, пропевший сохранившуюся до нашего времени народную песню, заставившую всех вздрогнуть, а ехавший на телеге дед даже подскочил, выхватывая нож, и оборачиваясь.

— Ты чего, сдурел на старости лет. — На одном из тюков сидел, по «турецки» скрестив ноги, довольный шишок. — Я взбодрить вас хотел, засыпаете на ходу, а вы в ножи. Так не поступают с друзьями.

— Ты как тут оказался, чучело закромочное. — Яробуд злобно сверкнул глазами в неожиданного попугчика убирая обратно нож. — Я ведь тебя и убить мог.

— Скучно в городе. Вех давно уже знаю. Ничего нового не происходит. Да и нравиться мне с вами. Весело. Вы всегда во что-то встаете, а на счет убить? Не смей мои уши, ты и в молодости в меня бы не попал.

— Скучно ему. — Забрюзжал дед и взбодрил вожжами лошадь. — Тебя только тут не хватало. — и замолчал насупившись, а Ильяка затянул песню заново, да так и не смолкал, до самого конца. Только когда за поворотом, показалась обширная выкошенная поляна, с двухэтажной избой посередине, около горбатого, деревянного моста через мелкую поросшую камышом речку, его голос прервался, а сам шишок исчез, зарывшись в тюки.

Постоялый двор представлял из себя в сгущающихся сумерках угрюмое недоразумение. Темнеющую, в лучах заходящего солнца, древними бревнами с черными подпалинами, и с покрытой дранкой крышей, двухэтажную избу. Словно угрюмый прыщ, посреди светлого леса. Как не убеждал Яробуд, что тут живет добродушный хозяин с семьей, но мурашки, от такого зрелища, произвольно пробежали по коже. Больно уж мрачно все тут выглядело.

Их никто не встретил. Расседлав и привязав лошадей около расположенных вдоль стены яслей, с уже насыпанным там овсом, путники вошли в мрачный темный изнутри дом. В обширной горнице, на первом этаже стоял посередине длинный стол, с лавками по обеим сторонам, на котором зажженный одинокий тусклый фитиль, чадил мерцающим огоньком плавая в жиру, в глиняной плошке. И кучей соломы, горкой, брошенной в углу. Тишина. Тягучая влезая в душу щупальцами холодного спрута. Ни одного шороха, ни одного звука. Как в склепе.

— Хозяева! — Рывкнул, гулким эхом, пробежавшим по стенам, и вернувшимся обратно, Яробуд. — Есть кто дома! — Уже немного тише, и как-то растерянно добавил он.

Где-то наверху скрипнула дверь, и шаркающие шаги, с характерным звуком, неторопливо спустились где-то в глубине дома по лестнице. Заскрипели половицы в дальнем от гостей углу, и обозначив дверной проем, выплыло из мрака лицо, подсвеченное подрагивающим слабым светом мерцающей свечи. Еле заметный силуэт человека, постепенно материализуясь, пошатываясь приблизился к столу.

— Что угодно. — Хриплый голос, цокающий, словно в зубах застрял кусочек мяса, и его после каждого произнесённого слова пытаются достать, задал вопрос. Свет, падающий снизу, создавал впечатление, что с гостями разговаривает череп, внимательно рассматривая их пустыми глазницами, в которых мерцают красные огоньки ненависти. Федор непроизвольно вздрогнул.

— Ушицы ба нам, да кваску. — Яромир, видимо не ожидавший такого странного приема, говорил растерянно, почему то поворачивая все время голову, то к одному из своих спутников, то к другому, словно ища у ни поддержки. — И еще, света бы побольше, свечей принеси. Темно тут.

— Ухи сегодня нет, рыбаки подвели, не наловили. Могу предложить только теплое мясо, но попозже, приготовить его надо. Квас сейчас принесу. — Череп улыбнулся жутким оскалом, в сумраке даже показалось, что в уголках губ блеснули острые кошачьи клыки. Но это скорее всего померещилось. — Со светом тоже не получится, вы уж извините, свечи закончились, а мелкой плошки, чтобы налить в нее масло, и сделать второе такое убожество, что стоит сейчас на столе — нет.

«Врет». — Внезапно осознал Федор, и дрожь пробежала по телу. «Зачем? Что-то тут не так. Надо быть осторожнее. Предупредить друзей... О чем? О своих догадках и страхах, и общем-то не на чем не основанных». — Рассуждал он, рассматривая хозяина.

Подождите несколько минут, пока я спущусь в ледник, принесу для дорогих гостей холодных напитков. Можете пока снять оружие и положить в угол комнаты. Неудобно ужинать, когда мешают мечи и ножи. Вы одни, или еще кого ожидать? — Цокающий голос звучал так, словно посмеивался над гостями.

— Одни. — Подтвердил Яробуд. — А где сам хозяин харчевни, мой друг — Батунан? Почему сам не встречает гостей? Где его жена и дети? — Вопрос деда поставил уже разворачивающегося человека, готового уйти для выполнения заказа в тупик. Он медленно повернул голову, словно затягивая время и придумывая ответ.

— В город они уехали, на похороны. Дядя жены умер. — Наконец уверенно произнес он, качнув черепом, словно ставя точку в разговоре. Развернулся и пошел в темноту.

— Капсор? Какое несчастье. — Произнес Учитель в спину странного хозяина, сокрушенно закачав головой, искренне сожалея горю. — Я его хорошо знал. Веселый был человек. Светлый. Скорейшего ему перерождения в Прави. — Он замолчал, опустив голову. Тишина.

Слышно было, как всхрапывают у привязи кони, потрескивает, плюя мелкими искрами, фитиль в плошке, наполняя воздух запахом подгоревшего, прогорклого сала. Не слышно ни сверчков, ни мышей. Гробовая тишина отсутствующей жизни в темном доме, где за столом сидят четверо уставших путников в ожидании ужина. Внезапно что-то задергало за рукав нашего героя и на плече взобрался шишок. Взволнованно оглядываясь, словно пытаюсь обнаружить за собой скрытую слежку, он приник к уху Федора, и сбивающимся голосом выдохнул:

— Домовой сбежал.

— Что? Не понял тот.

— Тише ты, дубина стоеросовая. Домовой говорю сбежал из харчевни. Упыри это.

— Говори яснее. Ничего не понятно.

— Эко ты — тугодум. Упыри в харчевне логово свили, хозяева тутошние в леднике мертвые лежат. Их к обряду перевоплощения готовят. Что тут непонятного? Или ты слов русских не понимаешь?

— Тааак. — Протянул Федогран, осознавая всю серьезность создавшегося положения. — Иди ка сюда. — Он сделал жест привлекающий внимание друзей, приложил палец к губам, призывая к соблюдению тишины, протянул руку и посадив на ладонь шишка опустил его на стол. — Говори, чтобы все слышали.

— Нашел глашатаго. — Буркнул тот. — Говорю же русским языком. В харчевне обосновалась семья упырей. Удобно устроились. Никто же про них не знает. Вот и лютуют. Проезжим кровушку высасывают. Пока слухи распространяться, они тут основательно бед наделают и в лес уйдут. Знаю я их повадки, встречался лет двести назад. Едва живой остался.

— То-то я все гадал, отчего встречных путников нет. — Хлопнул себя полбу Яробуд. — Вот же угораздило нас в историю вляпаться. Совсем я старый стал. Один плюс один сложить не смог: Голос цокающий, темень вокруг, тишина. Все сходится. Вот же я остолоп. Да еще, как назло, бездоспешные мы. Заехали перекусить, да отдохнуть, на свою голову.

— Не нравится мне это, ох как не нравится. — Вступил в разговор оборотень. — Последний раз я упырей лет восемьдесят назад встречал. Думал совсем уже повывели их поганое племя. А нет. Сохранились. Туго нам придется.

— Да уж, тяжело убить, того кто уже мертв. — Вздохнул дед. Если только сжечь.

— Так тут сложного то вроде ничего нет, выйдем, двери поленом подопрем, да подпалим. — Расправил плечи довольный собой Бер.

— Нашелся умник. — Постучал себя по голове шишок. — Они у входа троих поставили, те в тени притаились, и у каждого окна по упырю. Они может и мертвецы, да только не дураки. Соображают получше некоторых.

— А чего ждут? — Федогран задал естественный вопрос.

— Думаю усыпить нас хотят. Кваску с зельем поднесут, мы выпьем и уснем. Вот им и ужин готов, лежит не трепыхается, горло сам под укус подставляет. Удобно, и без риска. — Хмыкнул Яробуд.

— Это сколько же они тут непотребства натворят? — Насупился Бер. — Не дело это. Остановить надо.

— Да — уж. — Почесал затылок дед. — И коней жалко, привык я к ним, да и вас дураков... — Он внезапно осекся. — А ведь это мысль. Надо хотя бы одному сбежать да в столицу ехать, там князя предупредить. Он знает, что делать. Не упустит кромочников, повыведет.

— Не дело это одному ехать. Надо всем. Неправильно так. — Забубнил обиженно Бер.

— Цыц мне еще тут. Раскудахтался. Не получится всем. Не выпустят. Набросятся стаей, не отобьемся. Сами сгинем и людей не предупредим. А один сможет. Выйдет, вроде как лошадей проведать, и ходу. У одного шанс есть, а у всех нет.

— Кто пойдет? — Угрюмый оборотень спросил, не поднимая головы.

— Ты и пойдешь. Ты, и половчее остальных, и поопытнее. Если даже конь сгинет ты и волчьем облике добежишь быстро. Да и столицу знаешь, и князя видел Тебе идти. Сообразишь там что делать. Предупредишь люд о напасти. А мы уж тут как-нибудь. Как вы

там говорите: «Плечом к плечу?»).

— И пусть враги сдохнут! — Расплылся в улыбке рыжий.

— Чему радуешься. Дурак. Мы помирать сегодня будем. — Морщинистая ладонь отвесила подзатыльник, но сделала это так, словно погладила.

— Никак у меня это впервой? Убивали уже, только не получилось ничего. Живехонький я. — Еще сильнее растекся в улыбке здоровяк.

— Боюсь, что в этот раз получится. — Вздохнул Яробуд. — Значит так поступим. Соберите все лавки и солому, там в углу я кучу видел, и все сюда на стол, только тихо, не шумите. Федогран, встань у дверей, куда тот упырь, давешний, ушел. Как только появиться, сразу ему голову с плеч, и пинком ее назад, от куда он пришел. Только аккуратно, не дай ему зубами вцепиться, а то потом отрывать замучаешься. Тело порубай помельче, только быстро. Дальше, что делать сам сообразишь, на выручку придешь тому, кому труднее в тот момент будет.

Бер, к одному из окон встанешь. Как услышишь копыт звук, сразу его захлопывай ставнями, и подопрь чем-нибудь. Вон хоть поленом придави, что у печи лежит, все на один лаз в помещение им поменьше будет. Потом сразу к другому окну, и руби там все, что просунется, да то, что отсечешь, сюда под стол пинай.

Я же подпалю солому, сухая она, вспыхнет ярко, да займется споро. Все не в потемках гам геройствовать. Потом у дверей встану. Встречать гостей буду. Ну а ты, Вул, знаешь, что делать, ты воин опытный, тебе советовать, что воду в родник лить. Расскажи там все, да отомсти за нас.

Оборотень поклонился в ноги деду и друзьям:

— Не сомневайтесь. Не спущу вашу гибель упырям. Сам сгину, но отомщу. Все исполню.

— Вот то дело. — Улыбнулся старик. — С таким знанием и помирать приятнее.

— Дед. А почему пинать то, то что отрублю под стол? — Рыжий внимательно посмотрел на учителя.

— Костер там будет, вот почему. Сгорит в нем требуха упырьевская.

— Так мы тоже сгорим?

— Вот уж тут не переживай. — Хмыкнул дед. — Такого погребального костра достойны только самые великие герои. Гордится должен.

— Почему? — Здоровяк захлопал глазами не понимая, чему тут усмехнулся Федогран, ведь сам он ничего не понял.

— Потому, что к тому времени, мы будем на пути к Реке Смородине. — Вздохнул наш герой.

— Аааа...! — Протянул медведь. — Тогда понятно. — Но всё-равно не пойму, зачем пинать, да сжигать? Пускай валяются там, где упадут.

— Потому как всё-равно живые они останутся, ползать будут, за ноги хватать, мешать всячески. Все, хватит лясы точить. По местам. Твой выход Вул. — Дед уже начал заводиться и потому выплевывал слова со злостью.

— А ну стоять. — Пропищал, подпрыгнув, на столе всеми забытый шишок. И направил маленький палец в сторону Яробуда. — Ты зануда старая иди к дверям, вместе с оборотнем, после него двери закроешь, да подопрешь. А костерок я и сам запалить смогу.

— Тебе то зачем это надо? — Удивился Яробуд. — Беги отсюда пока не началось. Живым останешься.

— Не, с вами весело. — Хмыкнул довольный Илья. — Плечом к плечу!

— И пусть враги сдохнут! — Ответила ему вся удивленная четверка.

Глава 15 Испытание огнем

— Властью, данной мне предками! Великим правителями княжества Ураслав! Обвинительное заключение, в отношении: Яробуда, Федограна, Бера, и оборотня Вула, виновных в сожжении харчевни на Мощеном тракте, а также умерщвлении жителей деревни, путем обмана завлеченных в вышеупомянутую харчевню, и также сожженных вместе с ней, считаю обоснованным и доказанным. А также, за утерю ими подати своему князю. Смертный приговор обвиняемым, через умерщвление огнем утверждаю. Казнь приказываю совершить завтра, после обеда. Палачу приготовить все необходимое. Да будет так!

Конвойные, с опущенными глазами, подтолкнули троицу наших героев, со связанными за спиной руками, древками копий, и повели по площади столицы, вдоль расступающейся при их приближении, гомонящей недовольным ульем толпы.

Их не сбросили в поруб, как обычно поступали с заключенными. Их аккуратно опустили, предварительно развязав руки. Извинялись, пряча глаза. Осуждали приговор, но не смели не выполнить волю князя. Таковы реалии этого мира. Правитель всегда прав, а если ты в этом сомневаешься, то кинь вызов всей его дружине, посмотрим сколько времени ты после этого проживешь.

Сырой колодец пяти метров в глубину, бревенчатými, подгнившими бревнами уходит вверх, где в квадратном проеме лаза, светлым пятном проглядывает удивительно синее небо. Говорят, что из глубины колодца, даже днем видны звезды. Не верте. Это ложь. Нет никаких звезд. Наш герой теперь в этом точно уверен. Там только отчаяние.

Он сидел, прижавшись к холодной влажной стене подняв голову к остаткам видимого неба и вспоминал:

Утро они встречали у тлеющих улей харчевни. Туман, от протекающей недалеко мелкой речки, сливался с дымом от пепелища, и белым, сырым одеялом укутывал победителей, обещавшего войти в легенды сражения. Недалеко всхрапывали лошади. Они вернулись вместе с показавшимся, над вспыхнувшим рассветом горизонтом, краем солнца. Никто их не стреножил. Не было необходимости спутывать ноги верным четвероногим друзьям, да и нечем. Все добро, сложенное в телегу, уничтожено пожаром. Но оно того стоило.

Приближающийся топот копыт они услышали за долго до того, как в зоне видимости показались всадники. Шишок мгновенно скрылся в норе какого-то зверька, заявив, что: «Меньше видят крепче здоровье».

Впереди вооруженной до зубов, быстро приближающейся, сотни княжеской дружины летел Вул. Его встревоженное лицо мгновенно преобразилось в счастливое, едва он увидел поднимающихся на встречу друзей. Спрыгнув прямо со скачущей лошади, и спотыкаясь, он бросился их обнимать, пытаясь обхватить всех сразу. Он не пытался ни о чем расспрашивать, а просто был счастлив и не скрывал этого. Все разговоры потом.

Следом подъехала дружина, окружив друзей кольцом. Сотник, среднего роста дядька, о таких еще говорят: «Поперек себя шире», — Внимательно посмотрел по сторонам, не слезая с лошади, хмыкнул в кулак и пробасил:

— Лихо вы удумали с упырями. Уважаю такое. Надо запомнить на будущее.

— Запомни, запомни, Ермоха. Тебе оно надобно, а лучше запиши. У тебя с памятью нелады всегда были. — Дед как обычно начал брюзжать. Вот такой он во всем. Везде себе

приключений найдет. Всегда и всем недовольный.

— А ты кто таков? Что-то я не припомню, что бы мы братину с тобой пили и целовались, и чтобы после этого ты меня Ермохой по-дружески называл.

— О чем я и говорю, что голова у тебя дырявая. Звать я тебя так стал, когда ты у меня на конюшне от кнута бегал, ратную науку изучая. Надо бы тебе еще разок память освежить, да вот беда кнут сгорел.

Сотник недоуменно всмотрелся в лицо наглеца, посмеявшегося так разговаривать с князем человеком, да еще при должности немалой. Потом в его взгляде появилось выражение узнавания, и наконец радостная улыбка от неожиданной встречи. Слетев с вздрогнувшего о неожиданности коня, воевода сжал утонувшего в его объятьях старика, хлопая того по спине:

— Вот это встреча. Тебя и не узнать. Постарел, измазанный весь да подранный. Ты даже не представляешь как я рад тебя видеть.

— Так с чего ж мне как самовару медному выглядеть. Чай не с братской попойки иду, и не от вдовушки одинокой. Вона тут меня как приветили. — Дед показал перевязанную лоскутом тряпки с просочившейся кровью руку

— Ты все такой же гонористый, старый хрыч. Ничего, кости целы, остальное до свадьбы заживет. — Рассмеялся сотник. — Давай, хвастайся, скольких тут упырей пожег?

— А кто же их считал. Стая крупная была. Видимо всю местную деревню обратили. Вот мы их всех тут и попалили.

— Да. С таким ульем мне и сотней не справиться бы было. А вы эвон как. — Ермоха задумчиво почесал затылок. Сильны, ничего не скажешь. Ждите от князя награду. Правда он в последнее время странный стал какой-то, нелюдимый, но за такой подвиг наградит. Тут и не сомневайся.

Еще сутки провели наши герои около пепелища. Пока дружинники разгребли остатки пожара, пока повытаскивали обожженные трупы, да пересчитали их (оказалось шестьдесят шесть), пока сожгли их уже до конца, на остатках харчевни, сложив в погребальный костер. А то, как же не сжечь? Люди ведь до обращения были, живые души, как же их к предкам согласно ритуалу не отправить? Не дело так-то. На все это времени много понадобилось. Но все когда-то заканчивается. Прибыли наконец и наши путешественники на место. Только вот без податей, да порванные все, как тати бездомные.

Столица княжества Федограна впечатлило. Конечно, это не современный город, застроенный бетонными высотками, отражающими солнечные лучи стеклами бесконечных окон, заасфальтированными дорогами, и тротуарами, где каждое дерево обложено по кругу искусственным камнем, изображающим из себя клумбу.

Столица княжества Ураславского, это песня деревянного зодчества, во всей своей красе.

Высоченный частокол необхватных бревен из лиственницы, ровных как карандаши, заточенные прилежным школьником, оборонял Уйшгород от врагов, по периметру. Сторожевые башни, с любопытными лучниками, несущими сторожевую службу, на площадках, крытых куполом из дранки алькеров (место лучника на башне), осыпающих со скуки проезжих шутками, и перемигивающихся с проходящими мимо девицами. Бравые, веселые воины охраняли дорогу, отсыпанную гравием, проходящую по деревянному мосту, мимо распахнутых дубовых, окованных медными листами, ворот, в город.

Сам Уйшгород отличался от Новгора, размерами и отсутствием деревянных тротуаров, вместо которых использовался песок или гравий. Вот все вроде то же самое. Те же вроде бы

деревянные дома, с глазницами слюдяных окон. Те же печные трубы, и даже терм-дворец такой же, только раза в три больше. Но все, в то же время, по-другому.

Ставни на домах, и все наличники покрыты замысловатой резьбой с вычурным растительным орнаментом, все крыши застелены черепицей, в отличие от покрытых дранкой Новгородских. Сразу чувствуется, что население города живет в достатке, и на много зажиточнее, чем в ставшим родным Федору Новгоре. Но наверно в этом нет ничего удивительного. Столица любого государства, всегда лучше обеспечена, чем областной центр, а уж тем более районный. Хотя наверно некорректно применять такое административное деление по отношению к этому миру. Тут городом считается все, что обнесено частоколом, а столица находится там, где проживает князь, и может располагаться даже в охотничьем лагере, лишь бы он был обнесен забором, и управлялся высшим должностным лицом княжества. То же самое и с административными центрами поменьше: где воевода, там и областной центр, где староста, там районный.

Терем князя. Что тут сказать. Здание огромное, стоящее на высоком фундаменте, сложенном из камней, исключительно серого цвета. Бревенчатое строение, на котором резчики по дереву проявили все свои таланты в полную силу. Это чудо стояло по центру круглой площади, отсыпанной желтым песком.

Их встречал сам князь. Высокий худощавый мужчина с властным «породистым» лицом. Кудрявые, длинные русые волосы, опускались до самых плеч, из-под отороченной куньем мехом войлочной шапки красного цвета, обшитой бриллиантами как бисером. «Кавказский» нос, пухлые, словно обиженные губы, кучерявая борода, естественный атрибут всего мужского населения того времени, и глаза. Пустой взгляд князя. На это сразу обратил внимание Федор. Не на красный, увешанный самоцветами кафтан и такого же цвета высокие сапоги без каблучков, а на глаза, в которых не было жизни.

Дождавшись на высоком крыльце, когда гости подойдут к первой ступеньке, опустят головы в поклоне, и не дожидаясь, произносимых в таких случаях, приветственных слов, владыка княжества лениво махнул рукой, и отстраненно произнес:

— Арестовать татей, и в поруб до завтрашнего суда. — Неторопливо развернулся, и скрылся в дверях терема.

Все, кто присутствовал при этом, а таковых было немало, замерли, переглядываясь с неммым вопросом в глазах: «Что происходит?».

Первым в себя пришел Сотник. Ермох, именно так его звали все, величать его Ермохой он позволял только самым близким людям. Он подошел к гостям и положил куку на плечо Яробуда:

— Только не глупите. Я знаю твой взрывной характер, старый вояка. Возьми себя в руки. Тут какая — то ошибка. Не разобрался князь, погорячился, с ним такое в последнее время часто происходит. Посидите до утра. Мы вам туда и соломки свежей и покушать принесем, даже медку, для веселья. Завтра все решим. Разберется княже, извинится, да еще пуще задуманного наградит.

Яробуд злобно метнул глазами, но сдержался. Молча кивнул головой, и всю троицу, в сопровождении подбежавших на приказ кивнувшего им головой сотника, отвели к провалу мрачного поруба. Их аккуратно спустили на веревке. Как и обещал Ермох, обеспечили постелью в виде душистой сушеной травы, и обедом, спущенным на своеобразном подносе-лифте. Глиняные горшки с наваристыми на мозговой косточке, щами, куски запеченной рыбы с белым благородным мясом, от одного вида на которое текла слюна, и здоровенными

ломтями душистого ржаного хлеба, ну и конечно обещанный сотником бочонок меда и четыре деревянные кружки и ложки.

— Без обид ребятки. — С извиняющейся улыбкой, не смотря в глаза произнес сотник, заглядывая через проем лаза в поруб. — Приказ есть приказ. — Он исчез, оставив после себя гнетущую неопределенность.

Есть не хотелось несмотря на то, что с утра не было ни крошки во рту, а время далеко перевалило за полдень, и уже начинало темнеть. Яробуд выдернул из бочонка зубами пробку и разлил со вздохом по кружкам мед. Выпил, не обращая ни на кого никакого внимания, и не ожидая, что к нему присоединятся остальные, взял ложку, и откусив изрядный кусок хлеба, шумно причмокивая, приступил к обеду.

Федор, недолго думая, и не смотря на отсутствие аппетита, рассудив, что: «Есть надо, хотя бы для сохранения сил», так же опрокинул в себя хмельное, и поддержал деда в его начинании. Спустя минуту уже вся троица колотила деревянными ложками в своих персональных глиняных горшках. «Аппетит приходит во время еды». — Думаете это банальная поговорка? Нет это непреложная истина, подтверждением которой на данный момент являются наши герои.

— Эй там, наверху! — Рывкнул Яробуд, подняв голову, когда все принесенные продукты перекочевали в раздувшиеся животы. — Посуду заберите!

Ответа не последовало. Даже шороха не было слышно.

— Параскева-Пятница! (Властительница разгула в славянской мифологии). Они даже охраны не оставили. Совсем не уважают. — Пробурчал дед. — Давайте спать. Если сейчас начнем рассуждать: «Что и почему?», то не выспимся, так и ни в чем и не разобравшись, а завтра, я думаю нам предстоит неприятное дело. Давайте еще по кружке, для снов приятных, и на боковую... — Он задумался, а потом словно очнувшись, махнул рукой. — Хотя каких, к Морене приятных. — Зарылся в сено и замолчал.

Сон не шел. Федор долго ворочался, ему все мешало и кругом чесалось. Так всегда бывает, у любого человека, когда вроде бы надо уснуть, а хочется заняться чем-то интересным, когда эти две несовместимости: «необходимость и желание», конфликтуют между собой зудом во всем теле и не только в нем.

Но толи хмельное подействовало, то ли усталость накопилась за суматошный день, но наш герой уснул. Провалился в сон без сновидений, и только крепкие и жесткие руки оборотня вернули его в реальность, но это было уже утром.

Их по одному вытащили из поруба, и повели на площадь к терему князя, где уже собралась гомонящая толпа. Видимо слухи о их подвиге успели распространиться среди горожан, как и несправедливое, по отношению к ним, решение: «Посадить в поруб», вот и пришел народ посмотреть: «Чем это все закончится?».

Собравшиеся, словно волны, расходились с гулом от продвигающейся под конвоем, к княжескому крыльцу, пленников. Самого властителя еще не было. Они остановились напротив входа.

Князь задержался и появился нескоро, заставив народ поволноваться, потому его выход был встречен неодобрительным гомоном, однако мгновенно смолкшим, когда он поднял руку. Окинув пустым взором площадь, Сослав остановился на пленниках, и Федору показалось, что в его глазах, на мгновение вспыхнул злобный красный огонек. Хотя, возможно, это отразился луч солнца.

Столь недружелюбно встреченные гости, не стали склонять в приветствии головы, что

являлось в этом мире страшным неуважением. Однако князь не обратил на это никакого внимания, как и на то, что подобный недружественный жест, был воспринят толпой одобрительно.

— Сегодня будет слушаться дело татей, сжегших харчевню на Мощенном тракте, и погубившим при этом шестьдесят человеческих душ. — Произнес он громким, но монотонным, механическим голосом, и вновь поднял руку призывая к тишине взорвавшуюся криками толпу. — О их злодеянии я услышал от вполне заслуженного человека, не верить которому у меня нет причин. Но так как имя его я назвать не могу, и свидетелем он так же являться в таком случае не может, то ради торжества справедливости я спрашиваю вас, жители Уйшгорода: «Есть ли среди вас видоки этого преступления?» — Он замолчал и обвел взглядом застывшую в молчаливом ожидании толпу. — Я жду.

— Как не быть, конечно, есть. — Раздался скрипучий насмешливый голос. — Все как на духу расскажу.

У Федора и его друзей отлегло от сердца: «Вот оно. Сейчас все разрешиться. Нашелся тот, кто все видел и донесет до князя всю правду.» — Он даже улыбнулся в предвкушении того, чего так ожидали услышать все присутствующее жители города — истину.

Небольшого ростика, с длинной перепутанной с колючками лопуха и другого лесного мусора бородой, дедок, пробирался через толпу, увлеченно распахивая и обругивая нерасторопных, не успевших отодвинуться при его приближении жителей, локтями. Одетый в короткую, до середины бедра, покрытую разноцветными заплатками, холщевую рубаху, без штанов, обутый в потрепанные лапти на голую ногу, он уверенно двигался в сторону князя, что-то бормоча себе под крючковатый, как у совы, нос. Огромная шляпа, как блин, желтого цвета, надвинутая на лоб, почти до бровей, потрепанным краем, скрывала глаза. Двигался он какой-то нервной походкой, постоянно подпрыгивая, словно его кто-то пинал сзади.

Он поклонился князю на столько низко, что выставил на обозрение, взорвавшейся хохотом толпе, тощую голую задницу, показавшуюся из-под задранной рубахи. Словно не замечая этого, он развернулся, и поклонился уже толпе, показав свои чресла уже властителю города. Тот не заметил или стерпел подобное оскорбление, что было недопустимо, и только что хохотавшая над проказой деда толпа, задохнулась возмущенным криком. Словно не замечая всего этого видок заговорил:

— Видел я этих татей вот как вас сейчас вижу. — Он замолчал, зашевелив губами, словно пробуя на вкус слова, которые сейчас будет говорить. — Рыбак я тамошний, Фяфан, значит. Наблюдал все собственными глазами. — Он потыкал двумя раздвинутыми пальцами себе под шляпу, словно показывая, чем именно он все это видел. — Рыбку я ловил в речке, ерши у нас дюже жирные. Приехали эти. — Он ткнул пальцем в Федора. — И давай местных крестьян в харчевню зазывать. Мол, поить всех будут сегодня по поводу хорошего настроения и разгулявшейся от меда души. Я тоже было угощаться кинулся, но тут такой, значит клев начался, что ну никак не оторваться. Спасла значит меня рыбка от лютой смерти. — Он всхлипнул противным голосом. — А наши-то, наши, все как один медку на дармовщинку... — Он зарыдал в голос, брызгая из-под шапки слезами. — Сгорели души неприкаянные. До сих пор их крик жалостливый в ушах стоит. — Он сел прямо на песок и взвыл, раскачиваясь из стороны в сторону. — Что же это такое деетсяааа...

— Князь сурово осмотрел притихшую толпу и вынес вердикт. Виновны!

Глава 16 Княжья награда

— Властью, данной мне предками! Великим правителями княжества Ураслав! Обвинительное заключение, в отношении: Яробуда, Федограна, Бера, и оборотня Вула, виновных в сожжении харчевни на Мощеном тракте, а также умерщвлении жителей деревни, путем обмана завлеченных в вышеупомянутую харчевню, и также сожженных вместе с ней, считаю обоснованным и доказанным. А также, за утерю ими подати своему князю. Смертный приговор обвиняемым, через умерщвление огнем утверждаю. Казнь приказываю совершить завтра, после обеда. Палачу приготовить все необходимое. Да будет так!

Конвойные, с опущенными глазами, подтолкнули троицу наших героев, со связанными за спиной руками, древками копий, и повели по площади столицы, вдоль расступающейся при их приближении, гомонящей недовольным ульем толпы.

Их не сбросили в поруб, как обычно поступали с заключенными. Их аккуратно опустили, предварительно развязав руки. Извинялись, пряча глаза. Осуждали приговор, но не смели не выполнить волю князя. Таковы реалии этого мира. Правитель всегда прав, а если ты в этом сомневаешься, то кинь вызов всей его дружине, посмотрим сколько времени ты после этого проживешь.

Сырой колодец пяти метров в глубину, бревенчатými, подгнившими бревнами уходит вверх, где в квадратном проеме лаза, светлым пятном проглядывает удивительно синее небо. Говорят, что из глубины колодца, даже днем видны звезды. Не верте. Это ложь. Нет никаких звезд. Наш герой теперь в этом точно уверен. Там только отчаяние.

Он сидел, прижавшись к холодной влажной стене подняв голову к остаткам видимого неба и вспоминал:

Утро они встречали у тлеющих улей харчевни. Туман, от протекающей недалеко мелкой речки, сливался с дымом от пепелища, и белым, сырым одеялом укутывал победителей, обещавшего войти в легенды сражения. Недалеко всхрапывали лошади. Они вернулись вместе с показавшимся, над вспыхнувшим рассветом горизонтом, краем солнца. Никто их не стреножил. Не было необходимости спутывать ноги верным четвероногим друзьям, да и нечем. Все добро, сложенное в телегу, уничтожено пожаром. Но оно того стоило.

Приближающийся топот копыт они услышали за долго до того, как в зоне видимости показались всадники. Шишок мгновенно скрылся в норе какого-то зверька, заявив, что: «Меньше видят крепче здоровье».

Впереди вооруженной до зубов, быстро приближающейся, сотни княжеской дружины летел Вул. Его встревоженное лицо мгновенно преобразилось в счастливое, едва он увидел поднимающихся на встречу друзей. Спрыгнув прямо со скачущей лошади, и спотыкаясь, он бросился их обнимать, пытаясь обхватить всех сразу. Он не пытался ни о чем расспрашивать, а просто был счастлив и не скрывал этого. Все разговоры потом.

Следом подъехала дружина, окружив друзей кольцом. Сотник, среднего роста дядька, о таких еще говорят: «Поперек себя шире», — Внимательно посмотрел по сторонам, не слезая с лошади, хмыкнул в кулак и пробасил:

— Лихо вы удумали с упырями. Уважаю такое. Надо запомнить на будущее.

— Запомни, запомни, Ермоха. Тебе оно надобно, а лучше запиши. У тебя с памятью нелады всегда были. — Дед как обычно начал брюзжать. Вот такой он во всем. Везде себе

приключений найдет. Всегда и всем недовольный.

— А ты кто таков? Что-то я не припомню, что бы мы братину с тобой пили и целовались, и чтобы после этого ты меня Ермохой по-дружески называл.

— О чем я и говорю, что голова у тебя дырявая. Звать я тебя так стал, когда ты у меня на конюшне от кнута бегал, ратную науку изучая. Надо бы тебе еще разок память освежить, да вот беда кнут сгорел.

Сотник недоуменно всмотрелся в лицо наглеца, посмевшего так разговаривать с князем человеком, да еще при должности немалой. Потом в его взгляде появилось выражение узнавания, и наконец радостная улыбка от неожиданной встречи. Слетев с вздрогнувшего о неожиданности коня, воевода сжал утонувшего в его объятьях старика, хлопая того по спине:

— Вот это встреча. Тебя и не узнать. Постарел, измазанный весь да подранный. Ты даже не представляешь как я рад тебя видеть.

— Так с чего ж мне как самовару медному выглядеть. Чай не с братской попойки иду, и не от вдовушки одинокой. Вона тут меня как приветили. — Дед показал перевязанную лоскутом тряпки с просочившейся кровью руку

— Ты все такой же гонористый, старый хрыч. Ничего, кости целы, остальное до свадьбы заживет. — Рассмеялся сотник. — Давай, хвастайся, скольких тут упырей пожег?

— А кто же их считал. Стая крупная была. Видимо всю местную деревню обратили. Вот мы их всех тут и попалили.

— Да. С таким ульем мне и сотней не справиться бы было. А вы эвон как. — Ермоха задумчиво почесал затылок. Сильны, ничего не скажешь. Ждите от князя награду. Правда он в последнее время странный стал какой-то, нелюдимый, но за такой подвиг наградит. Тут и не сомневайся.

Еще сутки провели наши герои около пепелища. Пока дружинники разгребли остатки пожара, пока повытаскивали обожженные трупы, да пересчитали их (оказалось шестьдесят шесть), пока сожгли их уже до конца, на остатках харчевни, сложив в погребальный костер. А то, как же не сжечь? Люди ведь до обращения были, живые души, как же их к предкам согласно ритуалу не отправить? Не дело так-то. На все это времени много понадобилось. Но все когда-то заканчивается. Прибыли наконец и наши путешественники на место. Только вот без податей, да порванные все, как тати бездомные.

Столица княжества Федограна впечатлило. Конечно, это не современный город, застроенный бетонными высотками, отражающими солнечные лучи стеклами бесконечных окон, заасфальтированными дорогами, и тротуарами, где каждое дерево обложено по кругу искусственным камнем, изображающим из себя клумбу.

Столица княжества Ураславского, это песня деревянного зодчества, во всей своей красе.

Высоченный частокол необхватных бревен из лиственницы, ровных как карандаши, заточенные прилежным школьником, оборонял Уйшгород от врагов, по периметру. Сторожевые башни, с любопытными лучниками, несущими сторожевую службу, на площадках, крытых куполом из дранки алькеров (место лучника на башне), осыпающих со скуки проезжих шутками, и перемигивающихся с проходящими мимо девицами. Бравые, веселые воины охраняли дорогу, отсыпанную гравием, проходящую по деревянному мосту, мимо распахнутых дубовых, окованных медными листами, ворот, в город.

Сам Уйшгород отличался от Новгора, размерами и отсутствием деревянных тротуаров, вместо которых использовался песок или гравий. Вот все вроде то же самое. Те же вроде бы

деревянные дома, с глазницами слюдяных окон. Те же печные трубы, и даже терм-дворец такой же, только раза в три больше. Но все, в то же время, по-другому.

Ставни на домах, и все наличники покрыты замысловатой резьбой с вычурным растительным орнаментом, все крыши застелены черепицей, в отличии от покрытых дранкой Новгородских. Сразу чувствуется, что население города живет в достатке, и на много зажиточнее, чем в ставшим родным Федору Новгоре. Но наверно в этом нет ничего удивительного. Столица любого государства, всегда лучше обеспечена, чем областной центр, а уж тем более районный. Хотя наверно некорректно применять такое административное деление по отношению к этому миру. Тут городом считается все, что обнесено частоколом, а столица находится там, где проживает князь, и может располагаться даже в охотничьем лагере, лишь бы он был обнесен забором, и управлялся высшим должностным лицом княжества. То же самое и с административными центрами поменьше: где воевода, там и областной центр, где староста, там районный.

Терем князя. Что тут сказать. Здание огромное, стоящее на высоком фундаменте, сложенном из камней, исключительно серого цвета. Бревенчатое строение, на котором резчики по дереву проявили все свои таланты в полную силу. Это чудо стояло по центру круглой площади, отсыпанной желтым песком.

Их встречал сам князь. Высокий худощавый мужчина с властным «породистым» лицом. Кудрявые, длинные русые волосы, опускались до самых плеч, из-под отороченной куньем мехом войлочной шапки красного цвета, обшитой бриллиантами как бисером. «Кавказский» нос, пухлые, словно обиженные губы, кучерявая борода, естественный атрибут всего мужского населения того времени, и глаза. Пустой взгляд князя. На это сразу обратил внимание Федор. Не на красный, увешанный самоцветами кафтан и такого же цвета высокие сапоги без каблучков, а на глаза, в которых не было жизни.

Дождавшись на высоком крыльце, когда гости подойдут к первой ступеньке, опустят головы в поклоне, и не дожидаясь, произносимых в таких случаях, приветственных слов, владыка княжества лениво махнул рукой, и отстраненно произнес:

— Арестовать татей, и в поруб до завтрашнего суда. — Неторопливо развернулся, и скрылся в дверях терема.

Все, кто присутствовал при этом, а таковых было немало, замерли, переглядываясь с неммым вопросом в глазах: «Что происходит?».

Первым в себя пришел Сотник. Ермох, именно так его звали все, величать его Ермохой он позволял только самым близким людям. Он подошел к гостям и положил куку на плечо Яробуда:

— Только не глупите. Я знаю твой взрывной характер, старый вояка. Возьми себя в руки. Тут какая — то ошибка. Не разобрался князь, погорячился, с ним такое в последнее время часто происходит. Посидите до утра. Мы вам туда и соломки свежей и покушать принесем, даже медку, для веселья. Завтра все решим. Разберется княже, извинится, да еще пуще задуманного наградит.

Яробуд злобно метнул глазами, но сдержался. Молча кивнул головой, и всю троицу, в сопровождении подбежавших на приказ кивнувшего им головой сотника, отвели к провалу мрачного поруба. Их аккуратно спустили на веревке. Как и обещал Ермох, обеспечили постелью в виде душистой сушеной травы, и обедом, спущенным на своеобразном подносе-лифте. Глиняные горшки с наваристыми на мозговой косточке, щами, куски запеченной рыбы с белым благородным мясом, от одного вида на которое текла слюна, и здоровенными

ломтями душистого ржаного хлеба, ну и конечно обещанный сотником бочонок меда и четыре деревянные кружки и ложки.

— Без обид ребятки. — С извиняющейся улыбкой, не смотря в глаза произнес сотник, заглядывая через проем лаза в поруб. — Приказ есть приказ. — Он исчез, оставив после себя гнетущую неопределенность.

Есть не хотелось несмотря на то, что с утра не было ни крошки во рту, а время далеко перевалило за полдень, и уже начинало темнеть. Яробуд выдернул из бочонка зубами пробку и разлил со вздохом по кружкам мед. Выпил, не обращая ни на кого никакого внимания, и не ожидая, что к нему присоединятся остальные, взял ложку, и откусив изрядный кусок хлеба, шумно причмокивая, приступил к обеду.

Федор, недолго думая, и не смотря на отсутствие аппетита, рассудив, что: «Есть надо, хотя бы для сохранения сил», так же опрокинул в себя хмельное, и поддержал деда в его начинании. Спустя минуту уже вся троица колотила деревянными ложками в своих персональных глиняных горшках. «Аппетит приходит во время еды». — Думаете это банальная поговорка? Нет это непреложная истина, подтверждением которой на данный момент являются наши герои.

— Эй там, наверху! — Рывкнул Яробуд, подняв голову, когда все принесенные продукты перекевали в раздувшиеся животы. — Посуду заберите!

Ответа не последовало. Даже шороха не было слышно.

— Параскева-Пятница! (Властительница разгула в славянской мифологии). Они даже охраны не оставили. Совсем не уважают. — Пробурчал дед. — Давайте спать. Если сейчас начнем рассуждать: «Что и почему?», то не выспимся, так и ни в чем и не разобравшись, а завтра, я думаю нам предстоит неприятное дело. Давайте еще по кружке, для снов приятных, и на боковую... — Он задумался, а потом словно очнувшись, махнул рукой. — Хотя каких, к Морене приятных. — Зарылся в сено и замолчал.

Сон не шел. Федор долго ворочался, ему все мешало и кругом чесалось. Так всегда бывает, у любого человека, когда вроде бы надо уснуть, а хочется заняться чем-то интересным, когда эти две несовместимости: «необходимость и желание», конфликтуют между собой зудом во всем теле и не только в нем.

Но толи хмельное подействовало, то ли усталость накопилась за суматошный день, но наш герой уснул. Провалился в сон без сновидений, и только крепкие и жесткие руки оборотня вернули его в реальность, но это было уже утром.

Их по одному вытащили из поруба, и повели на площадь к терему князя, где уже собралась гомонящая толпа. Видимо слухи о их подвиге успели распространиться среди горожан, как и несправедливое, по отношению к ним, решение: «Посадить в поруб», вот и пришел народ посмотреть: «Чем это все закончится?».

Собравшиеся, словно волны, расходились с гулом от продвигающейся под конвоем, к княжескому крыльцу, пленников. Самого властителя еще не было. Они остановились напротив входа.

Князь задержался и появился нескоро, заставив народ поволноваться, потому его выход был встречен неодобрительным гомоном, однако мгновенно смолкшим, когда он поднял руку. Окинув пустым взором площадь, Сослав остановился на пленниках, и Федору показалось, что в его глазах, на мгновение вспыхнул злобный красный огонек. Хотя, возможно, это отразился луч солнца.

Столь недружелюбно встреченные гости, не стали склонять в приветствии головы, что

являлось в этом мире страшным неуважением. Однако князь не обратил на это никакого внимания, как и на то, что подобный недружественный жест, был воспринят толпой одобрительно.

— Сегодня будет слушаться дело татей, сжегших харчевню на Мощенном тракте, и погубившим при этом шестьдесят человеческих душ. — Произнес он громким, но монотонным, механическим голосом, и вновь поднял руку призывая к тишине взорвавшуюся криками толпу. — О их злодеянии я услышал от вполне заслуженного человека, не верить которому у меня нет причин. Но так как имя его я назвать не могу, и свидетелем он так же являться в таком случае не может, то ради торжества справедливости я спрашиваю вас, жители Уйшгорода: «Есть ли среди вас видоки этого преступления?» — Он замолчал и обвел взглядом застывшую в молчаливом ожидании толпу. — Я жду.

— Как не быть, конечно, есть. — Раздался скрипучий насмешливый голос. — Все как на духу расскажу.

У Федора и его друзей отлегло от сердца: «Вот оно. Сейчас все разрешиться. Нашелся тот, кто все видел и донесет до князя всю правду.» — Он даже улыбнулся в предвкушении того, чего так ожидали услышать все присутствующее жители города — истину.

Небольшого ростика, с длинной перепутанной с колючками лопуха и другого лесного мусора бородой, дедок, пробирался через толпу, увлеченно распахивая и обругивая нерасторопных, не успевших отодвинуться при его приближении жителей, локтями. Одетый в короткую, до середины бедра, покрытую разноцветными заплатками, холщевую рубаху, без штанов, обутый в потрепанные лапти на голую ногу, он уверенно двигался в сторону князя, что-то бормоча себе под крючковатый, как у совы, нос. Огромная шляпа, как блин, желтого цвета, надвинутая на лоб, почти до бровей, потрепанным краем, скрывала глаза. Двигался он какой-то нервной походкой, постоянно подпрыгивая, словно его кто-то пинал сзади.

Он поклонился князю на столько низко, что выставил на обозрение, взорвавшейся хохотом толпе, тощую голую задницу, показавшуюся из-под задранной рубахи. Словно не замечая этого, он развернулся, и поклонился уже толпе, показав свои чресла уже властителю города. Тот не заметил или стерпел подобное оскорбление, что было недопустимо, и только что хохотавшая над проказой деда толпа, задохнулась возмущенным криком. Словно не замечая всего этого видок заговорил:

— Видел я этих татей вот как вас сейчас вижу. — Он замолчал, зашевелив губами, словно пробуя на вкус слова, которые сейчас будет говорить. — Рыбак я тамошний, Фяфан, значит. Наблюдал все собственными глазами. — Он потыкал двумя раздвинутыми пальцами себе под шляпу, словно показывая, чем именно он все это видел. — Рыбку я ловил в речке, ерши у нас дюже жирные. Приехали эти. — Он ткнул пальцем в Федора. — И давай местных крестьян в харчевню зазывать. Мол, поить всех будут сегодня по поводу хорошего настроения и разгулявшейся от меда души. Я тоже было угощаться кинулся, но тут такой, значит клев начался, что ну никак не оторваться. Спасла значит меня рыбка от лютой смерти. — Он всхлипнул противным голосом. — А наши-то, наши, все как один медку на дармовщинку... — Он зарыдал в голос, брызгая из-под шапки слезами. — Сгорели души неприкаянные. До сих пор их крик жалостливый в ушах стоит. — Он сел прямо на песок и взвыл, раскачиваясь из стороны в сторону. — Что же это такое деетсяааа...

— Князь сурово осмотрел притихшую толпу и вынес вердикт. Виновны!

Глава 17 На поиски клеветника

Их уводили под крик толпы.

Как всё-таки подвержен человек влиянию противоречащей здравому смыслу лжи. Даже совсем недавно, прославляемые герои, могут оказаться в глазах толпы убийцами и поддонками, и для этого надо всего лишь оболгать, и сделать это можно очень, даже, просто, надо лишь честно смотря в глаза сказать: «Я все видел сам», даже доказательств не надо. И вот уже общество ненавидит того, кого совсем недавно носило на руках, о ком слагало легенды.

Какой-то замызганный старик, наплевав на правила приличья, явно надсмехаясь над всеми и оскорбив князя, наврал, и ему поверили, а того, кто освободил дорогу от улья, засевших там упырей, совершив подвиг, прокляли и посадили в поруб ждать жуткой казни. Никто даже не позаботился их выслушать. Они теперь нелюди. Убийцы.

— Знаете ребятки, а я ведь на костер, как кусок отбивной, не пойду. Не пристало воину вот так-то помирать. — Яробуд сидел и смотрел, не мигая на противоположную стену. — Они меня, воспитавшего почти всех воевод и сотников в княжестве татем назвали, в поруб посадили как последнего... — Он задохнулся словами, и махну обреченно рукой. — А я ведь дурак до последнего в справедливость верил. На княжий суд надеялся. — Он вздохнул и замолчал, все так же не отрывая глаз от стены. Слеза скатилась по бороде и упала на землю, застланную соломой. — Какому-то сморчку поверили, а мне нет. Пусть теперь не обижаются. Я хоть и стар уже, но одними только зубами паре этих сволочей глотки порву. А там и к Морене не обидно будет в гости идти. Зажился я на этом свете.

— Я, то же просто так помирать не согласный. Я этим курам, головы покручиваю, а-то раскудахтались: «Тати! Виновны! Сжечь их!». Папка мне всегда говорил, что с моей медвежьей силой и косолапостью, только ломать можно, строить нее получается. Не способный я. Вот я им шеи и перелوماю. — С виду спокойный Бер перебирал желваками скул, пережевывая бушующую в душе обиду. — Девку только жалко, а так-то, я помирать не боюсь.

— Какую девку — Все посмотрели на него с удивлением.

— Так я же помолвлен, с соседкой. Говорил же вам? Ждет меня она. Вот мне и обидно, что не дождётся. Расстроится поди, что я на свадьбу не приехал. — Он тяжело вздохнул и замолчал.

После таких слов наступила тишина. Все смотрели на увальня пытаюсь понять, то, что он сказал, а потом одновременно, грохнули хохотом, едва не попадая на землю.

— Вы чего? — Увалень, не понимая, что произошло перевел взгляд от одного на другого. — Чего смеетесь то? — Он внимательно оглядел себя, отряхнул одежду и пожал плечами. — Дурни. — Констатировал и улыбнулся сам.

Ответить ему было некому, смех давно перерос в истерическое очищение души от несправедливой обиды. Пленники колотили друг друга по плечам, и давились хохотом не останавливаясь. Думаете так не бывает? Бывает. Могу вам это точно сказать. В моменты отчаяния душа ищет спасительного выхода и находит его иногда в таком вот странном виде. Так, что не осуждайте их.

С упоением предавшись очищающему душу хохоту пленники не услышали, как наверху зашуршала земля. Тень на мгновение заслонила вечерние сумерки, постепенно

затягивающие небосклон, пожала недоуменно плечами и исчезла, и после этого, вниз скользнула веревка. Но они, самозабвенно смеясь, ничего не заметили, и потому прозвучавший внезапно голос заставил вздрогнуть и повернуть головы. Держась одной рукой и удивленно моргая глазами, висел шишок.

— А чего это вы? Как-то не похоже, на то, что радуетесь моему приходу, и ржете от восхищения созерцания моего светлого лика? Или вот эту веревку заметили? Вроде тоже непохоже. Может расскажите?

— Ты! — Удивленный столь неожиданному появлению, Яробуд, мгновенно стал серьезным. И проигнорировав заданный ехидным тоном вопрос, спросил сам. — Ты как тут оказался?

— За вами пришел. — Ответил нежданный гость равнодушно, и спрыгнув на землю пожал плечами, словно говоря: «Что тут тебе непонятного старый дурень». — Ладно, чего вы так тут смеетесь, потом расскажите. Будет еще время, когда я вас вытащу отсюда. Хотя, говоря честно, сгораю от любопытства.

— Как это тебе удалось...? — Дед не уточнил, о чем спрашивает, но и так стало понятно, когда он подергал за свисающую веревку.

— Ты спрашиваешь: «Не я ли тот благодетель, что вам дорогу на свободу сюда принес»? — Отвечаю со всей ответственностью: «Нет не я». Это сынишка сотника местного постарался. Ой, вот только не надо так удивляться.

— Ермохи?!!

— Да, его сынишка. Чего тут такого? — Илька пожал плечами, а потом вдруг улыбнулся и затараторил. — Вы не представляете, что сейчас в караулке дружины творится. Если бы не сотник, они бы переворот в городе устроили. Никто там не верит в вашу виновность. Говорят, что князь сумасшедший, и его самого надо на костер отправить. Говорят, что обвинять вас, и не верить Яробуду, это также как в самом себе врага видеть. Ох и бузили они там.

— Чего же тогда нас с такой злостью и презрением в поруб скинули? — Зло стрельнул глазами старик.

— Вот ты дурень. Сединой покрылся уже, а ума не нажил. Кто кричал-то на площади? Молчишь? Вот и правильно делаешь. Тебе кто ни будь из дружинников слово плохое сказал? Вот! Несколько баб с торговой площади, которым лишь бы горло подрать, да несколько местных дурачков, своим умом жить неумеющим, которым сказали: «Кричи», — вот они и горлопанили, пока команду: «Фу», от более умных не получили. Хотя, правды ради скажу: «Громко у них это получилось. Душевно. Даже я чуть не поверил». Дружина же молчала вся. Видел я как они глазами зыркали, когда княжеский приказ исполняли. Но так куда им деваться? Хочешь — не хочешь? Тут тебя не спрашивают. Иди и работай. На то ты и служивый человек. Вот они и исполнили, а потом в караулке все собрались и бунт затеяли. Хорошо, что воевода вовремя подошел. Не то разнесли бы город по бревнышку. Уж больно сильно разозлились.

Но Ермох молодец, все устроил как надобно. Вот ведь голова! Почти как у меня. Объяснил дружине, что не дело это князя менять. Понять надо, что хворый он. Сначала, дескать, надо разобраться, что за недуг такой на него напал, да вылечить попробовать, а уж только потом решения принимать. Сказал, так же, что приказ о вашей казни, он выполнять не намерен, неправильно это, и не честно — героев в кострах сжигать. И что тут поступить нужно хитро.

Вот он и придумал вас из поруба по-тихому вытащить. Сына своего послал веревку скинуть. Всем патрулям да караулам приказал меду хмельного напиться, так чтоб попадать значит, и спать до утра. Вот же затейник, даже я до такого бы не додумался. Им потом, конечно, прилюдно влетит за это, ну да ничего, они на такое согласны, честь дороже. Тем более, что наказывать их сам воевода и будет. Вот умора.

Кстати. Лошади ваши уже оседланы, сумами с провиантом да оружием нагруженные, у ворот, что к лесу ведут привязаны. Дорога от патрулей свободна. Главное на какого ни будь дурачка крикливого да глупого, из горожан местных, не наткнуться. Но я уж тут сам постарался, все местные домовые предупреждены и, если что, мне мякнут. Даже самый главный из них учувствует. Гордитесь.

Я так думаю, ночи дожждаться надо, и тогда уже уходить.

— И от куда ты все это знаешь? — Усмехнулся Яробуд.

— Так я же шишок. — Гордо задрал голову кромочник. — Мне положено. Да и слышал я все сам, вот этими вот ушами. — Он подергал себя за мочку. — Еще и поговорил опосля с воеводой. Вы бы только его глаза видели, когда я к нему из-под лавки вылез... Еле уболтал, чтобы он меня тапкам не прихлопнул. Нервный он какой-то. Но это наверно потому, что я его разбудил перед этим неаккуратно, с полки шлем сбросил на голову, громко как-то это получилось, неаккуратно.

И еще. Встретится воевода с вами хочет. Поговорить, да дела обсудить, что значит дальше делать, будите. Он поутру на опушку леса приедет, вроде как в погоню за вами. Говорит, чтобы значит не пугались. — Шишок рассмеялся.

— Вот же балабол. — Улыбнулся Яромир. — Это, что ты рассказал, конечно все хорошо, даже можно сказать: «Просто замечательно». Но вот какой я хочу вопрос задать. Может ты знаешь, что это за рыбачек такой нас оболгал? Очень уж мне с ним поговорить хочется.

— Ха. Нашел рыбачка. Он воды пуще смерти боится. Лешак это из сосняка, что с права от тракта, Сучком его кличут. Одно непонятно: «Что он тут делал?». Лешаки городов не любят, душно им тут, а этот пришел. Пошутить то их племя любит, так-то оно так, и то, что он тут сотворил, как раз по его поганой натуре выходка, только сдается мне, что он не по своей воле сюда заявился. Зубы на вас кто-то точит. Или может на кого-то одного из вас.

— Если найти его нам поможешь, то и узнаем, кто его подослал. Или не поймать кромочника этого?

— От чего же не поймать-то? Очень даже нетрудно поймать. Тем более что я с вами подружился, и пока раздружиться не собираюсь.

Он такой же оборотень, как и наш друг, только не в волка оборачивается, а в пень. — Усмехнулся шишок, и махнув рукой, на возмущившегося такому сравнению оборотня, продолжил. — Ох до чего же ребятки с вами интересно. Еще из поруба не вылезли, уже нечисть лесную ловить намереваемся. Не зря я к вам пристал, ох не зря. Будет что вспомнить, если доживу.

Из поруба вылезли, когда совсем стемнело. На их удачу еще и ночь была безлунная. Только звезды на безоблачном небе. Тьма кромешная. Шли гуськом, пробираясь вдоль стен домов. Первым шишок. Приглядывался прислушивался и даже принюхивался, часто останавливаясь и замирая на одном месте. На одном из перекрестков, прямо посередине дороги сидел здоровенный черный кот, и вылизывал заднюю лапу громко урча. Илька сделал рукой жест, означающий: «Замереть». Беглецы прижались спинами к бревнам дома, мимо

которого проходили, перестав даже дышать.

— Кис, кис, кис. — Тихонечко позвал Илька.

Кот перестал вылизываться, неторопливо поднял голову, и внимательно посмотрел в направлении затаившихся друзей. Поднялся и важно двинулся в их сторону. Подошел, сел напротив шишка, возвысившись над ним почти в два раза, положил ему лапу на плечо, и вдруг заговорил. Вот все удивились-то. Говорящий кот. Это ли не чудо.

— Еще раз услышу от тебя это поганое «кис-кис», сожру как мышь, нет как крысу, ты на нее больше похож, и сожалеть потом об этом не буду. Понял? — Он так посмотрел, что Федор вздрогнул. И было от чего. Глаза у него были человеческими, зелеными, с большими черными зрачками.

— Не злись Нафан. — Усмехнулся шишок. — Когда тебя таким вижу не могу сдержаться. Ты такой забавный, так и хочется погладить. — Кот в ответ раздраженно зашипел. — Ну вот что ты такой нервный. Я же пошутил. Познакомься лучше с моими друзьями. Это я про них тебе говорил. Настоящие герои. Логово упырей одной левой. Ты бы видел...

— Ты можешь помолчать балабол. — Остановил льющийся поток слов кот, и обратился к замершим у стенки беглецам. — Как вы только терпите его? Я бы давно убил. Разрешите представиться. — Кот встал на задние лапы и важно поклонился. — Нафан, глава местных домовых. Ну а вас я знаю, как кстати и все кромочники в городе. Наделали вы тут шуму. — Он усмехнулся, прижав лапой усы. — Это же надо, лешак ради вас сюда пожаловал. Невиданное дело. Чем вы так ему насолили? Вы можете так уж сильно не прятаться, у меня тут все под контролем. — Успокоил он, видя взволнованные лица беглецов. — Предупредят, если что-то пойдет не так. Пойдемте, я вас провожу до ворот.

Кот важно развернулся и мотнув головой, приглашая следовать за ним, важно зашагал по улице.

— Так, всё-таки. Что у вас с нечестью лесной случилось? — Поинтересовался он, когда они прошли поворот, и в конце темной улицы показались приоткрытые, освещенные факелом, ворота. — Это конечно не мое дело, но сами понимаете, когда отвечаешь не только за себя, но и за все племя, приходится вникать. Приход лешака в город событие неординарное. Хотелось бы разобраться.

— Мы пока сами не знаем. — Осторожно, подбирая слова ответил Яробуд. — Ни где с ним не сталкивались, не враждовали никогда. Вот хотим разобраться.

— Что-то мне не верится, но сделаю вид, что поверил. В последнее время в городе много странного происходит. Непонятного. Мне это не нравится. Давайте договоримся, что если что-то узнаете, то расскажите мне, если что-то проведаю я, то поделюсь с вами. Я умею быть благодарным. Но мы уже пришли.

Искать лешака отправились сразу, едва выехали за ворота. Яробуд сказал, что у него руки чешутся, на столько сильно он хочет поговорить с этой гадиной, и его дружно в этом желании поддержали все.

Сосновый лес — это конечно не сырые чащи ельника, с их вросшими в мох колючими нижними лапами, но тоже приятного мало, особенно ночью. Хорошо, что уже светало, и утро вступало в свои права меняя безлунную ночь.

Лошади ступали аккуратно, шагом, неся своих всадников. Шишок, сидя на плече у Федора, принимался и указывал дорогу, не переставая одновременно с этим говорить:

— Я его сразу почувствую. Его трудно не учуять. Он грибами пахнет. Только вы уж не подкачайте, если сразу не схватите, не поймать потом будет. Он бегаёт быстро, петляет как заяц, ещё морок наводит умеет. Смотришь, вот только, что он стоял, хватать, а то коряга. Так, что сразу кидайтесь и держите. Он вырваться будет, сильный гад, хотя вот так, сразу, и не поймешь, но скрутить можно. — Повторял он уже седьмой или восьмой раз подряд, Федор со счета сбился.

Хотелось спать. Усталость накатывала волнами, закрывая глаза дремой, ещё это монотонное ворчание шишка над ухом начинало раздражать. Мерная поступь Чепрака. Шаг. Ещё шаг, и ещё... Резко сменившийся голос шишка заставил вздрогнуть, едва не уснувшего парня.

— Чувствую. Тут он поганец где-то. — Зашипел тот зловеще, в самое ухо. — Ищи пень трухлявый, и непременно что бы шишка сосновая наверху. Верная примета. Как увидишь виду не подавай, езжай словно не знаешь про него. Как только приблизишься, прыгай и хватай. Только держи крепче, пока другие подспеют. Вон смотри справа, вроде он. Точно он. Давай туда, только потихонечку.

Федор неторопливо развернул коня в сторону, которую указал шишок. Пень он разглядел не сразу. Тот спрятался за муравьиной кучей. Остаток сломанного то ли ветром, то ли старостью, ствола сосны. Черное гнилое дупло по середине неровного края, со свисающей шишкой, словно вот-вот готовой скатиться на землю.

Парня передернуло, когда он увидел муравьиную кучу, одним боком опирающуюся пень. Удивился наш герой не большому муравейнику, не в нём дело. Муравьи. Таких он ещё не видел никогда в своей жизни. Размером с большой палец на руке, черные, с мощными челюстями, которые прекрасно было видно, (размер то у насекомых был не маленький). Он представил, как это чудо доисторической эпохи схватит его за руку и вздрогнул. Ему сейчас придется прыгать прямо туда, чтобы схватить пень, и придется ловить лешака прямо через муравейник, по другому никак не получится.

— Да не повезло. — Пробормотал в ухо шишок, то же осознав через что придется пойти парню. — Но ты ведь потерпишь? Да?

— Заткнись ты наконец. — Не выдержав зашипел Федогран и прыгнул.

Почему выбрали его, в качестве основного в поисках и поимке лешака, Федогран не знал, и считал, что Вул подошел-бы для этих целей лучше. Но Яробуд, когда давал такой приказ, ни с кем не советовался, он просто ткнул в него пальцем, посмотрев при этом с прищуром, словно подозревая в чем-то, и сказал: «Ты пойдешь», а приказы, как известно, не обсуждаются, они исполняются.

Влетев с головой в муравейник, наш герой обхватил пень двумя руками, и крепко прижал к себе. Сначала ничего не происходило, но длилось такое спокойное состояние буквально мгновение. Одновременно с осознавшим, что его поймали лешаком, моментально принявшим образ человека, и рванувшимся из сжимавших его рук с бешеной силой, тысячи муравьиных челюстей, наполненных кислотой, с дикой болью впились в тело.

Крик вырвался из горла Федограна, наполненный жутким страданиями и яростью. Руки дрогнули, но собрав волю в кулак, он ещё крепче сжал захват. Сучек постепенно преодолевая сопротивление, извивался ужом и вот-вот должен был вырваться. Извернувшись, и разворошив ещё больше муравейник, тогда парень обвинил шею врага ещё и ногами.

Сознание меркло, то ли муравьиный яд так действовал, или же организм не выдерживая боль, уходил таким образом от реальности. Ещё совсем немного и все, сознание не

спрашивая согласия покинет тело. Краем глаза, он увидел летящего прямо на него оборотня. Это словно послужило спасительной кнопкой выхода. «Конец игры», — выдохнул парень облепленным насекомыми ртом и отключился.

Глава 18 Выбор

В себя он пришел от дикого холода и стука собственных зубов. Открыл глаза, и увидел взволнованные глаза оборотня, смотревшие с тревогой, но мгновенно сменившееся на радостные, едва Вул заметил, что Федор пришел в себя.

— Очнулся, брат?!! — Улыбка растеклась по такому близкому, уже практически родному лицу. Вул протянул руку. — Вставай, напугал ты меня. Это же надо такое выдержать. В муравьиной куче. Как подумаю, мороз по коже. Даже не знаю выдержал бы я сам такое? Ну и воля у тебя, брат.

На не слушающихся ногах, сотрясаясь от озноба, опершись на сильную руку товарища, он поднялся из ледяной воды.

Прозрачный ручей, струящийся продолжением, находящегося в двух шагах выше по течению, родника, весело журчал вниз по склону залитой солнцем опушки соснового леса, омывая холодом ступни.

Рядом паслись стреноженные кони. Много боевых не расседланных лошадей. За их спинами, лагерь с суетящимися вокруг костров людьми. Крики и смех. Все то, что окружает военный лагерь, с отдыхающими после боя или дальнего перехода воинами. Немного правее, так же у костра, Яробуд и Ермох, разговаривают с прислоненным к стволу сосны, обмотанным так, что из-под опутавших его тело веревок торчит только голова, Сучком. Тот явно недовольный морщит лоб, но отвечает на вопросы. Что говорят не слышно, слишком далеко.

— Идем к костру. Тебе надо согреться. — Оборотень заботливо накинул на голого Федограна суконный серый плащ.

«Интересно»? — Подумал наш герой: «Откуда он его взял? У нас же из одежды ничего не было. И сам вон с иголки одет, хотя босой, как всегда, не любит, брат мой, волк, обувь». — Федор даже улыбнулся своим мыслям: «И Яробуд? Старик тоже в обновках. Неужели это сотник их так придел? А вот Бера, что-то не видно?»

Увалень словно услышал мысли.

— Брат! — Медведь бежал и орал, пинками разгоняя мешающих лошадей, и уворачиваясь от целящихся в него копыт, недовольных таким отношением к себе животных. — Очнулся, брат! — Могучие руки сдавили с хрустом плечи. — Я говорил, что поможет мой метод. Я говорил, что в воду ледяную надо. Меня так мамка лечила, от укусов этой погани мелкой, когда я на спор в муравейник голову засунул. Если мне помогло, то и тебе должно было помочь. Этот старый ворчун еще сомневался. — Увалень мотнул головой в сторону обернувшегося на крик Яробуда. — А то все: «Дурак да дурак», будет теперь знать...

Тепло растекалось по душе. Не тепло от согревающих солнечных лучей, хотя и это тоже, а тепло искренней радости заботящихся за него друзей. Никогда в его жизни такого с ним не случалось. Мама с папой тут не в счет, они самые близкие люди от рождения. Но вот люди, называющие себя: «друзьями», никогда не проявляли столько искреннего, не показного внимания, отделяясь фальшивой заботой с пустыми глазами, и натянутыми улыбками. Здесь все по-другому.

Яробуд встретил стоя. Внимательно посмотрел в глаза, обнял и резко оттолкнул.

— Садись, сынок.

Это его: «сынок», прозвучало так по-домашнему, что грудь у парня сдавило. Так старый, суровый вояка никого еще не называл, на его памяти. Чувствовалась в интонации деда, в его взгляде и даже в гордо расправленных плечах, гордость за своего ученика.

— Садись погрейся. Сейчас каши с мясом да взвару ягодного принесут. — Он повернулся в сторону лагеря и рявкнул. — Обед сюда быстро. — И снова повернулся к Федору. — Садись, садись. Тут тебе обновки сотник привез, так ты оденься, не ходи голышом-то. Невместно.

— Силен воин. — Хлопнул по плечу как-то незаметно подошедший Ермох. — Уважаю. — Он встал напротив и посмотрел прямо в глаза. — Когда все успокоится тебя к себе в сотню возьму, и сразу в ратники. Таких в новиках держать только портить. Мне такие вояки нужны. Это ничего что молод.

Между ними резко вклинился учитель, растолкав локтями и повернувшись к Ермоху, скрутил ему дулю в самый нос:

— А вот это видел. — Сощурил он глаза. — Нам такие самим требуются. И рассмеялся. — Выкуси. Хватит трепаться. Вон парню поест уже принесли, а он еще голый, как новорожденный сосунок. Ну-ка воин! Бегом одеваться! — Дед рявкнул так, что Федор вздрогнул. На столько внезапно тот сменил тон с шутливого на звериный. — Минуту тебе на все. — Развернулся и прохромав к костру сел, вытянув руки к огню.

Сотня ушла, оставив после себя идеальный порядок, даже костровища были укрыты дерном, предварительно до этого снятым. Стоял тут лагерь или нет, теперь было непонятно, на столько все было тщательно убрано и замаскировано. Они свою задачу, догнать беглецов, поставленную князем выполнили, а то, что вместо поимки одели и накормили, знать местному правителю необязательно, тем более что они везли ему трофей: «Нечаянно захваченную, во время погони нежить, которая может, и даже очень хочет, рассказать много интересного».

Беглецы сидели вокруг костра, все пятеро, и молча смотрели на огонь, изредка подбрасывая веточки из-под ног в затухающее пламя.

— Так кто же вы всё-таки такие? — Яробуд наконец задал волнующий его вопрос. — Почему с вашим появлением, в моей жизни, неприятности стали сыпаться на голову с завидным постоянством?..

Но договорить не успел. Костер вдруг как-то внезапно ярко вспыхнул, и окутался дымом, а из леса вышла рысь. Она, мягко, словно плывя, передвигая лапы по траве, смело шла в их сторону. На ее шее сидел, как всегда с трубкой, торчащей из спутанной бороды Чашун, и хмурил густые брови.

— Не успел. — Вместо здравствуйте, выдохнул он с сожалением облако дыма, спрыгивая с животного напротив поднявшихся при его приближении друзей. — Вот досада. — Он толкнул в бок внимательно наблюдавшую за ним рысь. — Все, приехали. Иди назад, в лес. Не нужна больше. Когда понадобится кликну.

Словно ожидая чего-то подобного, мощный зверь резко развернулся и прыжками скрылся в ельнике, а неожиданный гость прошел мимо замерших хозяев, и уселся у костра:

— Чего застыли словно морок поймали. Садитесь. Говорить будем. — Поворошив задумчиво угли, он поднял глаза, и пристально посмотрел на Яробуда. — Что воин? Много вопросов, и ни на один нет ответа?

Тот кивнул в ответ, и присел рядом на корточки.

— Может ответишь ты? — С ехидным прищуром, в котором застыл вопрос учитель,

установился немигающим взглядом на гостя, и не менее ехидно добавил. — Дух жизни.

— Тебе, как всегда, все надо по полочкам разложить. — усмехнулся тот. — Да вот беда. — Он сделал паузу, и продолжил уже с другим тоном, в котором присутствовали нотки раздражения. — Я сам многого не знаю, и потому не понимаю. Хочу разобраться во всем, так же, как и ты. Потому давай без тайн. Откровенно. Задавай свои вопросы, я отвечу. Потом моя очередь.

— Кто они? — Уточнения не понадобилось, потому что палец старого воина уткнулся в грудь Федора.

Чашун кивнул? Принимая вопрос.

— Думаю от вас это больше не имеет смысла скрывать. Вы доказали свое право все знать, дружбой и верностью друг к другу. Я расскажу:

Люди пока этого не замечают, но мир меняется. — Он вдруг сделал паузу и внезапно крикнул куда-то за спину Федора:

— Вылазь, ошибка Стрибога, хватит из себя крысу изображать.

— Никакая я не ошибка, я лучшее его творение. — Вышел из-за сидящего парня обиженный шишок. — Сам ты ошибка.

— Думай что хочешь, но прекрати прятаться. Ты уже на столько сильно влез в творящиеся здесь дела, что отсидеться в норке не получится, достанут и там. Так что беги отсюда, пока не поздно. — Илька никуда не побежал, а насупившись сел рядом с Федором. — Но я отвлекся. Вы, конечно, знаете сказку про Федограна и Ратмира?

— Ага. Мне ее мамка всегда перед сном рассказывала. — Заулыбался довольный собой Бер.

— Я не сомневался. — Буркнул недовольно дед, выпустив облако дыма. — На этот вопрос можно было не отвечать.

— Как? — Медведь непонимающе хлопнул глазами.

— Заткнись! — Рывкнул на него Яробуд. — Говори дальше дух жизни.

Тот кивнул головой, не обращая внимания на обидевшегося увальня.

— Потомки этих легендарных героев перед вами. — И поднял руку, останавливая поток вопросов, готовых сорваться с губ. — Я говорю вы слушаете.

Вул правнук великого волколака, из когда-либо живших на земле, а Федогран — далекий потомок еще более знаменитого, своего, богатыря-тезки, на столько далекий, что можно сбиться со счета перечисляя колена их родства. Огромных трудов стоило мне его перемещения сюда. Сразу отвечаю на вопрос: «Зачем?»

Как я уже говорил: «Мир меняется». Это происходит очень медленно. Причиной этого, является захват двумя полубогами, Кацикином и Горыном, выхода силы из горы Аргоран, от скрытой в ее недрах, скрижали создателя вселенной, бога Рода. Зачем им это надо не знает никто. Есть только мои догадки, и они, к сожалению, подтверждаются. Но об этом поговорим в другой раз.

Так вот с тех самых пор божественная сила, перестала поступать на землю, а все духи и боги стали постепенно угасать, теряя волю и сущность, а в месте с этим и веру людей в них.

Но к чему я все это говорю. Федогран и Вул, должны освободить гору Аргоран, от засевших там предателей. Это их предназначение. Для этого рожден, с одобрения Деваны, богини-покровительницы всех оборотней и волков Вул, а также, перемещен сюда, с помощью темной материи мироздания и прямой поддержке Перуна — Федогран. Я не буду вдаваться в подробности как это было сделано. Примите все как есть.

Теперь же, по стечению обстоятельств к ним присоединились вы. Никто этого не ожидал. Потому, вы сейчас должны будете решить, как вам поступить дальше. Отойти в сторону, естественно за это никто вас не осудит, или пройти путь с героями до конца, возможно сложив на этом пути голову.

— Чего тут думать? — Вскочил медведь. Я братьев не брошу!

— Сядь! — Рывкнул на него Чашун. — Мы еще не закончили разговор. Я хочу сначала услышать все, что с вами приключилась. Все решения и выбор потом. Я слушаю. — Дед окутался клубами дыма, из которых сверкнули на Яробуда, красными искрами глаза.

Тот задумчиво кивнул головой. Поковырял корягой уголья в костре и медленно заговорил, словно подбирая слова.

(Весь его рассказ я тут пересказывать не буду, дорогие мои читатели, все, что произошло, я уже подробно описал раньше, и потому не стану вас утомлять повторением всех приключений наших героев, опишу лишь то, что вам неизвестно, то, что наш главный герой, пропустил, и не мог знать, находясь в бессознательном состоянии).

— Подбил лешака к такому поступку цмог (болотный дух в славянской мифологии). Он разыскал его в лесу, и предложил разыграть людей прямо в городе. Говорил, что это будет веселая шутка, которая никак не навредит никому, потому что безобидна, и что он, перекинувшись курицей, уже все разузнал. Что князь, решил сам пошутить над своим героями, сотворившими невозможное, вроде бы как решив наказать их, для виду, а на самом деле, когда они расстроиться и впадут в отчаяние, наградить. Да так, как никого ранее не награждал. Только ему, для лучшего розыгрыша нужен помощник, который его поддержит. Уж он для такого ничего не пожалеет. Вот этот дурак и согласился. Когда же понял, что на самом деле произошло, сбежал в лес и спрятался.

Чашун кивнул головой, задумчиво выпустив струю дыма, смешавшуюся с костром.

— Это все? — Голос его позвучал глухо.

— Нет. Есть еще одно наблюдение. Может, конечно, мне показалось, но князь изменился. Он теперь другой. Не знаю, как это поточнее объяснить, но такое ощущение, что от него осталась только оболочка. Внутри сидит кто-то и управляет им как куклой. Глаза у него другие.

— Вселень. — Подпрыгнул Чашун, хлопнув себя полбу ладонью. — Вот я старый дурак. Мог бы и сам догадаться. Вселился гаденьш в князя, подавил волю, и теперь управляет. — Дед резко сел и задумался, как обычно окутавшись дымом. — Знать бы кто его послал, зачем? Сам он на такой поступок не способен, такое только приказу может сделать, это порождение подлости. Мне нужно как-то встретится с князем, тогда я смогу помочь и выгнать всельня, заодно и узнать, кто его хозяин.

— Еще есть цмог. — Напомнил осторожно Яробуд.

— Есть конечно, но попробуй его в болотах найди. Болотника можно было бы попросить, но мы с ним уже лет двести не разговариваем, если не больше. Поссорились из-за ведьмы одной. Красивая была плутовка. — Усмехнулся в бороду дед и выпустил дым в виде сердечка. — Но в общем-то это к делу это не относится, давно было. Испортил я ему в ярости болото... — Он махнул рукой. Ладно, хватит об этом. Другие дела есть, а на счет князя я еще подумаю.

Чашун оценивающе обвел взглядом собравшихся вокруг костра друзей. Голос его стал строг и серьезен.

— Сейчас вы сделаете свой выбор. У Федограна и Вула не спрашиваю, за них судьба все

решила, и назад дороги нет. Остальных предупреждаю, что сказанное сейчас вами слово, определит дальнейшую судьбу. Что бы вы не решили, это будет только ваш выбор. — Он еще раз окинул всех угрюмым взором. — Говори ты, Яробуд.

Старик встал. Посмотрел задумчиво в глаза духа жизни и внезапно улыбнулся:

— Ты же и так знаешь мой ответ? Я с этими мальчишками почитай жить заново начал. Они все мне теперь как сыновья. С ними пойду. Обузой не буду, да и меч мой лишним не будет, да и совет старческий пригодится, чай еще из ума не вышел. Ответ мой будет таков: «Плечом к плечу»

— Хорошо сказал. Не ошибся я в тебе. — Выдохнул облако дыма Чашун, и перевел взгляд на Бера. — Ну а ты как, молодой человек?

— Я с братьями до конца, можно было и не спрашивать. — Буркнул тот обиженно, и вдруг улыбнулся вспомнив, что не сказал самого главного, что рвалось из души, и рявкнул во все горло. — Плечом к плечу!

— Оглушил Перуново создание, я думал гром грянул. — Рассмеялся Дух жизни. — Хоть ты тут человек, нежданный, волею судьбы к этой компании прибившийся, но я рад этому. Мать Мокошь (богиня плодородия и судьбы у древних славян, жена Перуна), просто так ничего не делает, и ее воле противостоят глупо, так же, как и с мужем ее спорить. Будь, по-твоему. — Он кивнул головой в знак одобрения выбора парня. — Итак, все решено вами — решено самостоятельно и без давления. Назад дороги нет. Сейчас нам предстоит небольшое путешествие с неприятной встречей в конце.

— Стоять. — Выскочил шишок, замахав руками от возмущения. — Как это сделан?! Меня что тут нет?! Почему меня никто не спрашивает?!

— Так ты же всегда одиночкой пакостливой был. Я потому тебя и не спрашивал, знал ответ. Ты только нагадить можешь, а тут дела серьезные, трудов будут стоять немалых. Не выдержишь ты. Сбежишь. — Голос деда прозвучал холодно и скептически.

— Много ты про меня понимаешь. — Обиделся Илька, забавно отвесив нижнюю губу. — Я, так как с ними, еще и не жил никогда. Прятался по углам, сплетни подслушивал, да пакостил от скуки, а вот что бы так, по-настоящему, да еще так весело... Нет, никогда. — Он с вызовом посмотрел на духа жизни и выкрикнул: — Плечом к плечу и до конца, Морена меня побери.

— Ох удивил ты меня. Не ожидал. Не ожидал такого от тебя. Но видимо действительно тут без матери богини не обошлось. — Чашун засмеялся, мотая головой, и было видно, что он доволен. — Принимаю твое слово. — Он вдруг стал серьезен, с словно выше ростом. — Но, если предашь и бросишь. Берегись. Ты меня знаешь. Лучше сразу сдохни. — И вновь стал довольным и милым дедушкой. Словно только что не плевался ядом в затихшего и сжавшегося в страхе коротышку.

— Ну что же. Хорошо. С этим разобрались. Теперь к делу. — Он вновь сел и окутался дымом. — Впереди у нас встреча с Ягирой.

При этих словах Яробуд нахмурился, а Илька удивленно присвистнул.

— Да. Не удивляйтесь. При переносе сюда нашего богатыря. — Дед мотнул головой в сторону Федора. — Пришлось воспользоваться ее помощью. После этого у нас возник конфликт, который едва не перерос в драку. Слава Перуну, вмешался. Но пришлось принять ее условия: «За год Федогран должен стать воином». Год прошел, пора выполнять договор, и предъявлять нашего героя.

Как она будет проверять выполнение договора я не знаю. Скорее всего гадость какую-

нибудь устроит, как всегда. Надо быть готовым. Отказаться нельзя, договор засвидетельствовал сам бог, и потому сам будет следить за его выполнением. Так, что собирайтесь и по коням.

Чашун встал. Крякнул по-старчески, и вдруг засвистел, так, что иголки с елок посыпались. Из леса показалась рысь, и прыжками приблизилась к путникам.

— Ну с богом. — Произнес дед.

— Плечом к плечу. — Эхом ответили ему друзья.

Глава 19 Волот

Все та же поляна. Все тот же костер рядом с поваленным деревом. Сидит старуха, опершись острым подбородком на кривую палку-посох, и не мигая смотрит на огонь. Она словно спит с открытыми глазами, не обращая внимание на приближающихся гостей.

В сгущающихся сумерках темный ельник, выпускает, на поляну, одного за другим, угрюмых всадников. Все замерло, в ожидании чего-то необычного и страшного. Даже ветер не шевелит кроны деревьев, словно взяв паузу, чтобы не пропустить предстоящего представления. Хрустит хвоя под копытами лошадей, и больше не звука, вечно гомонящие птицы, и те смолкли, даже мошка, и та попряталась в траве, боясь нарушить тишину.

— Садитесь. — Старуха повернула голову к спешившимся около нее всадникам, сверкнув кровавым отражением пламени в глазах. — Поговорим.

С ней рядом пристроился Чащун, отпустив перед этим в лес рысь, остальные остались стоять, держа на поводках всхрапывающих лошадей.

— Отведите коней подальше и стреножьте, нечего животину пугать. Мы тут на долго. — Скомандовал дед, окутавшись клубами дыма, и повернулся к Ягире. — Мы выполнили твои условия и привели воина, в которого вырос за этот год немощный юноша. Свою зрелость он доказал поступками. Договор выполнен. Ты должна подтвердить это.

— Этого мало. — Глухо прозвучал голос старухи.

— Чего тебе не хватает, дух смерти? Что ты задумала?

— Я должна все видеть сама, разговоры — это перемалывание воздуха. Сплетни из труса способны создать героя, а из великого воины наоборот — труса. Тебе ли это не знать, старик? Федогран сразится здесь, перед нами, прямо на этой поляне. До смерти. Так как я люблю. Я должна видеть собственными глазами, во что он вырос. Соперник его скоро подойдет. Если мальчишка победит, то договор выполнен, я это признаю. Если же нет, то его душа и тело будет принадлежать мне. Все согласно договору. Ты чем-то недоволен? — Она посмотрела на поморщившегося Чащуна. — Говори, пока есть время. Я могу забрать твоего пацана еще живым, прямо сейчас.

Ее скрипучий смех гулким эхом прокатился по поляне, отражаясь от замерших в ожидании елок, и застыл довольной улыбкой на бледных губах. И вновь тишина, нарушаемая лишь встревоженным всхрапыванием обеспокоенных лошадей. Чащун кивнул подошедшим к нему спутникам, приглашая присаживаться рядом, и укутавшись дымом, словно одеялом, погрузился в себя, угрюмо рассматривая огонь. Ему нечего было ответить.

Безлунная ночь накатила на небо, усыпав его миллиардами звезд. Федор восхищенно смотрел в верх на это чудо. Прожив до шестнадцати лет, он раньше их не видел. Нет он смотрел конечно на них в своем, потерянном навсегда мире, но не видел так как здесь, вот так, задрал голову, и погрузившись в бесконечность. Никаких мыслей в голове, только восторг. Реальная жизнь где-то далеко, а здесь...

Все изменилось очень быстро. На поляну, тяжело вступая кованными сапогами, с огромным топором на плече вышел гигант.

— Волот!!! — Удивленно воскликнул колдун. — Не может быть! Как ты ту оказался?

Великан, появившийся в этот момент, в свете костра, был представителем некогда многочисленного племени, когда-то густо населяющим эти края. Увы их время давно кануло в вечность, оставив только воспоминания о них в древних сказках. На поляну вышел

последний выживший лесоруб-воин. Где его нашла ведьма? Останется навсегда загадкой.

Скрипучий смех Ягиры, словно жуткое приветствие зазвучал одновременно с вспыхнувшим пламенем костра, залившим поляну кровавым светом.

— Узнал дух жизни своего бывшего побратима?! И как тебе мой поединщик? Много ли у твоего сосунка шансов устоять перед мощью настоящего богатыря.

Федор завороченно смотрел на остановившееся неподалеку, огромное тело в блестящей спускающейся до колен кольчуге. Страх перед соперником не было. Только какая-то бесшабашная, накатившаяся волной, и так и оставшаяся в душе безрассудность. Может тому виной лицо застывшего в недоумении от происходящего великана. Смотрящего с высоты двух с половиной метров добрыми, светящимися лаской огромными голубыми глазами, на круглом румянном лице, с толстыми улыбающимися губами, и большим мясистым носом. Ничего не внушало в его облике страха. Он скорее походил на дедушку с седой бородой, пришедшего рассказать сказку на ночь, чем на грозного воина.

— Вот пришел дружище Чашун, посмотреть на нового богатыря. — Пробасил он глухим голосом, вырывающимся из его горла как из глубокого колодца. — Показывай. Который из них? — Он обвел подслеповатыми глазами застывших друзей. — Ягира сказала его Федограном зовут, и он потомок того самого героя, которого я когда-то знал в молодости. Прекрасный был воин, помню его.

— И потому, решил убить его правнука? Я ведь считал тебя другом, Кром — Дед стрельнул глазами и видимо от бушевавшей в нем злости даже забыв выпустить дым, как он это делал обычно.

— Почему убить? — Удивился великан. — Мне сказали только провести схватку, подтверждающую статус воина.

— Насмерть, насмерть, — Захохотала Ягира.

— Не было такого уговора. — Глаза великана начали наливаться ярость, и на такое преобразование было страшно смотреть.

— Читать было надо внимательнее. — Старуха упивалась произведенным на волота эффектом своей подлости

— Я вообще читать не умею. — Процедил он сквозь зубы. — Ты сказала тренировочный бой, и я согласился. — Его губы сжались в гневную полоску.

— Кровью, ты договор скреплял? — Ведьма взмахнула неизвестно от куда появившимся в ее руках свитком.

— Ну я. — Он сделал шал назад, задохнувшись словами, как будто его ударили в грудь.

— Вот и исполняй. Убей сосунка. — Еще громче захохотала старуха.

— Ты меня обманула. — Огромный топор просвистел в том месте, где была голова ведьмы, но прошла сквозь шею, не причинив вреда.

— Давай. Не глупи. Исполняй начертанное. — Она гневно сверкнула глазами.

— Как же так? — Окутавшийся дымом Чашун, малюсенький, едва возвышавшийся над носком сапога великана дедок, с горечью посмотрел снизу в верх в глаза расстроенного, и готового заплакать от накатившей на душу безысходности, друга. — Как ты мог подписать такое, да еще кровью. — Дед опустил вниз голову и тяжело вздохнув, развернулся и пошел в сторону костра, бурча дымом что-то невразумительное.

Остановился рядом Федором, пробормотал: «Прости. Я такого не ожидал», прошел дальше, и сел на ствол, не глядя никому в глаза.

— Это же просто убийство! — Взревел Яробуд. — Как может новик справиться с

богатырем. Пацан против воина-великана? Я вместо него пойду. Так будет хотя бы немного честнее. — Он попытался броситься в драку, выхватив из ножен меч, но был остановлен, схватившим его вытянувшейся рукой Чашуна.

— Сидеть- Начала расти в верх, словно резиновая Ягира, превращая посох в плеть. — Договор был на счет Федограна. Перун свидетель. Или ты, конюх, хочешь противиться воле богов?

— Остынь. — Рывкнул раздраженно дух жизни, успокаивая Яробуда, придержав его за плечо и не глядя в глаза. — Это судьба. Мы не в праве вмешиваться. — И добавил, не поднимая головы, непонятно кому, уже другим, обреченным тоном. — Иди, покажи на что ты способен, сынок. — Федор все понял.

Волот расслабленно стоял напротив своего соперника, и угрюмо морщил недовольное лицо.

— Что же делать, — рассуждал он тихим голосом, ведя диалог с собственными мыслями. Его обманули. Сделали это нагло и цинично, не оставив выбора. Он должен был убить вот этого вот паренька, который так сразу ему понравился. Он чем-то напоминал ему его погибшего сына. Может быть тем же упрямством в глазах? Он не знал ответа.

— Вон как смотрит, — бормотал он, — Ни капли страха. Знает, что сейчас умрет, а не боится, или делает вид, что ему всеравно. До чего же похож на своего предка и моего потомка одновременно. Они, тоже идя на смерть, смотрели вот так же уверенно. Парень, конечно, еще слабый, но уже богатырь, вон сколько воли во взгляде. Ему бы потренироваться еще, да силенок поднабрать...

Великан принял решение. Единственно верное в этом случае, как он считал. Он понял, как провести поединок, не нарушив договор. Теперь он знал, что нужно делать, и его губы расплылись в улыбке.

— Ну что, сынок? Давай посмотрим, какой ты воин. — Подмигнув он Федограну, и крутанул обеими руками топор так, что образовался светящийся круг. — Давай. Атакуй меня. Покажи на что способен.

«Издевается гад». — Подумал парень: «Такого действительно в честном поединке не завалишь, тут надо хитростью». — Решение пришло мгновенно, и также мгновенно было исполнено. Спасибо, всплывшей из памяти, подсказке Бера.

Прыгнув вперед, и обозначив атаку мечем в грудь великана, он вдруг резко упал, и заскользив по траве, попытался проскочить между расставленными ногами соперника, поразив того в промежность. Такой неожиданный финт получился у него только на половину. Он успел проехать по влажной траве лишь за спину врага, но вот взметнувшийся для удара меч на своем пути встретился, с противным скрежетом, с топором, а в голову обозначая удар, прилетело древко, все того же оружия.

— Молодец. Лихо ты придумал. — Засмеялся гигант. — Давай ка покажи еще что-нибудь.

Федогран медленно переставляя ноги, как учил его Яробуд, пошел по кругу, подбирая момент для новой атаки, иногда делая ложные выпады, на которые соперник не обращал никакого внимания, застыв в расслабленной позе, провожая его движения, только глазами.

— Мягче иди, что ты сжался как натянутый лук перед выстрелом. Устанешь быстро. Не сгибай так сильно ноги. И не тыкай в меня понапрасну своей железкой. За одним — двумя обманными движениями должен последовать настоящий удар, и в то место, в которое враг не ожидает. — Поучал гигант. — Вот, смотри как надо.

Он резко ткнул топором по направлению к голове Федограна. Тот, отшатнувшись, попытался отразить удар, но внезапно, вместо этого получил, довольно болезненный удар, древком в ступню. Стон произвольно сорвался с губ.

— Видишь, как надо? Терпи, не ной, не давай противнику усомниться в твоей воле. Ты богатырь, а не девка, не имеешь права показывать слабость. Ну-ка давай атакуй. Что мнешься?

Федогран взмахнул мечем, целясь в голову, но резко поменял направление и ударил в грудь.

— Уже лучше, но всё-равно не то. — Прокомментировал его действия противник, попуская удар в миллиметре от кольчуги повернувшись боком, и уходя от острого жала, перекатываясь как ртуть, всем телом за спину парня. Подзатыльник сотряс голову Федора, отвешенный тяжёлой рукой. — Скорости совсем нет. Увалень, а не воин. Ну-ка соберись.

Вновь медленное движение на полусогнутых ногах вокруг кажущегося расслабленным великана.

«Что он тянет, гад? Может же убить в любой момент. Играет сволочь, забавляется. Хочет, чтобы я свое отчаяние показал? Не дождётся». — Думал парень, передвигая, по кошачьим мягко, ступни, словно глядя траву.

— Ты сражаешься только телом. Кто тебя этому учил? — Неожиданно спросил соперник.

— Яробуд. — Не ожидая сам от себя такого, растерянно ответил парень.

— Это тот калека с деревянной ногой? — Хмыкнул противник, кивнув в сторону костра головой. Федор представил, как растекается краска стыда по лицу учителя, и промолчал, нахмурившись.

— Ясно. — Засмеялся волот. — Можешь не говорить, выражение твоего лица — лучший ответ. Неплохо он тебя поднатаскал, но мало. И не всему. Ты сражаешься только телом. Все эти приемы и уловки конечно важны, но ты слишком открыт эмоционально, и слишком откровенно смотришь. Я еще до твоей атаки, по мимике и глазам, вижу, что ты собираешься сделать. Научись это скрывать, а также самому наблюдать за поведением противника, и анализировать. Предугадать его действия, это самое главное правило успеха. Важнейший его компонент. Думай. Но только не тогда, когда уже совершаешь какое-то действие, а когда готовишься к этому. Потом тело само все устроит на инстинктах. Наблюдай и думай.

Сейчас покажу тебе прием, который не раз помогал мне выходить победителем из схватки. Бей меня в грудь. Не бойся. Если бы я хотел тебя убить, то сделал бы это в самом начале.

— Ты что задумал, гад! — От костра послышался разгневанный голос Ягиры. — Убей немедленно пацана. Выполни договор.

— Заткнись тварь. Волоты не нарушают договоров. Все будет выполнено. Не мешай мне старая змея. Сиди и жди. — Гигант рывкнул так что с елок посыпались иголки, а лошади взволнованно захрипели, и забили копытами. Он посмотрел Федограну в глаза, и улыбнулся.

— Продолжим. Не обращай на нее внимания, она сейчас ничего не может сделать. Пока мы ведем схватку она бессильна, потому что не может вмешаться, таков закон богов. Но мы отвлеклись. Бей меня в грудь мечем.

И Федор ему поверил. Непонятно почему, просто взглянув в глаза, он вдруг понял, что этот огромный человек ему не враг. Он друг. Настоящий друг, который никогда не сможет предать. Но как тогда ударить его? Он не сможет даже попытаться нанести вред тому, кто

стал близким. Это неправильно.

— Бей я сказал. — Рывкнул волот. — Это всего лишь учебный бой. Тем более у тебя не хватит сноровки меня убить. Бей!

И Федогран ударил. Как смог этот гигант так изловчиться, с его-то ростом, но меч, звякнув о топор взлетел в верх над головой упавшего на одно колено соперника, а кинжал в другой руке уткнулся в грудь парня напротив сердца.

— Как тебе такие выкрутасы? — Засмеялся великан, вставая на ноги и пряча оружие в ножны. Запомни и потренируйся. Пригодится. — Он стал вдруг внезапно серьезен. — Давай еще раз. Бей. Снова, повторим прием для закрепления результата.

Федор кивнул головой, улыбнувшись. То, что это поединок до смерти одного из соперников он забыл, полностью поддавшись влиянию нового, неожиданно оказавшегося у него на пути учителя. Он ударил, а волот не сделал ни малейшей попытки отбить или увернуться. Меч, пробив кольчугу глубоко вошел в тело.

Великан закачался, и улыбнулся выступившей кровью на губах.

— Сына своего назови Кром, в честь меня. Пусть хотя бы имя останется. — Он упал на колени. Повернулся к костру и сказал застывшей от неожиданности Ягире. — Договор выполнен. Боги довольны.

Великий воин, последний в этом мире волот, умер с улыбкой на губах.

То, что происходило дальше, Федогран не видел. Он стоял над телом огромного, доброго человека, которого только, что убил собственными руками. Не хотел этого, но убил. Слезы текли по щекам, беззвучное рыдание рвало горло, опустошая душу. Он не видел, что в этот момент происходило на поляне вокруг костра.

Моментально вытянувшаяся до высоты двухэтажного дома ведьма, покрывшись рваными черными туманами из серых заплат платья, хлестнула посохом, превратившимся в мгновение в кнут-змею, и обвила его конец вокруг шеи нашего героя. Он даже этого не почувствовал, полностью погрузившись в свое горе.

Раздувшийся до размеров огромного шара, в одно мгновение, Чашун, ударом кулака выбил, из рук ведьмы, плеть, обратно превратившуюся в обычную палку, покотившуюся по траве и врезающуюся снопом искр в костер.

Яромир с открытым в яростном крике ртом, подскочил, целясь мечем в грудь колдуньи, но был сбит с ног, быстрым ударом морщинистой руки, и тряс оглушенной головой пытаясь прийти в себя. Мгновенно обернувшийся в волка Вул, рвал руку, прикрывающую горло Ягиры, а Бер, заливаясь слезами, молотил ее кулаками, не целясь, с единственной целью убить.

Молния, крест на крест разрезала вмиг почерневшее небо, и два огромных, сыплющих электрическими искрами, закованных в золотые доспехи, молчаливых воина, встали по бокам ведьмы, откинув как щенят в разные стороны, всех, кто на нее нападал.

— Договор выполнен! — Позвучал громовой голос из неоткуда. — Никто не смеет оспаривать его. — Уймись дух смерти, ты добила того, чего хотела, но проиграла. Прими это. И вы успокойтесь, воины. Вы потеряли жизнь, но выиграли схватку. Равновесие не нарушено. Не заставляйте меня вмешиваться еще больше, чем я сделал это сейчас, послав своих воинов.

Одновременным хлопком, оставив после себя только белесый туман, и запах озона, солдаты Перуна исчезли. Ягира молча подняла посох. Окинула всех ненавидящим взглядом, и зашипела, выплевывая в бешенстве слова:

— Это еще не все. Я не сказала своего последнего слова. Меня бессовестно и грубо прервал этот ничтожный, умирающий бог. Но ему моя месть еще впереди. Вам же я отомщу очень скоро, и так, что вы запомните этот день моего позора на всю свою оставшуюся никчемную жизнь.

— Иди уже отсюда, мстительница. Устали мы от твоей вони. — Махнул устало на нее Чашун. — Зови своего боевого осла и проваливай. — И больше не обращая никакого внимания на брызжущую слюной старуху подошел к мертвому волоту и упал на колени рядом с Федограном.

— Прости брат, что усомнился в твоей чести. Ты прожил жизнь достойно, и ушел к предкам героем. Ты навсегда останешься в моем, и также всех наших сердцах.

Искры взлетали к наливающемуся светом небу, где и таяли, угасая, сливаясь с заревом восходящего солнца, словно приветствуя приход в мир Хорса (бог солнца), салютом. Погребальный костер пожирал в гудящем пламени, последнего представителя некогда великого племени великанов. Огромного доброго человека, до конца оставшегося верным чести. Воином, погибшим от подлости, но не запятнавшим свое имя позором.

Они вывезли его тело из мрачного ельника. Чашун категорически отказался проводить обряд «Упокоения усопшего», на территории ведьмы. С ним согласились все. Не дело — это провожать в последний путь там, где подлость пустила свои поганые корни. Где казалось сам воздух пропитан ненавистью к чести и совести.

Крома везли на срубленных жердях, перевязанных между собой уздечками, и закрепленных между двух лошадей. Федогран не принимал в их изготовлении никакого участия, да в общем-то никто этого от него и не требовал. Парень сидел на поваленном дереве, полностью погруженный в свое горе, ковыряясь палкой в углях незатухающего костра и ненавидел себя.

Перед глазами стояла картина улыбающегося гиганта, сложившего свою голову ради него. Он, сейчас, готов был отдать все то небольшое, что имел, ради того, чтобы поменяться местами, с этим, практически незнакомым ему, но в одно мгновение, ставшим дорогим, человеком. Он не представлял, как сможет дальше жить, с таким грузом в сердце. Но назад время не вернуть.

Он сунул руку, убившую великана, в костер. Попытка, хотя бы так наказать себя за совершенное преступление, и получить прощение от терзающейся муками души, дала противоположный эффект. К внутренней, душевной боли добавилась боль от ожога — физическая, не такая сильная как первая, но все же еще одна боль. Он заскулил от такой несправедливости, стиснув зубы, и на глазах показались слезы.

На его плечо легла рука, и рядом присел, окутавшись дымом, Чашун. Во взгляде старика читалось понимание.

— На ка вот, сынок, отхлебни пару глотков, помочь конечно не поможет, но хоть слегка заглушит боль. — Дед протянул кожаную флягу с медом.

Федогран сделал глоток безвкусной жидкости. Не почувствовав ничего, сплюнул, и повернул голову к колдуну, посмотрев на него красными, влажными глазами.

— Почему? — Произнес он и поперхнулся комом в горле. — За что мне это? — Справился он наконец с дрожью в губах, не дающую говорить. — Я ведь был простой парень. Ходил в школу, любил девчонку, вернее гулял с ней, целовался, хулиганил в конце концов, и получал «ремня», за это от отца. Все было просто и понятно. А теперь? Зачем я здесь? Я монстр, убивший собственной рукой друга. — Он вновь осекся и отвернулся к костру. — Как я дальше буду жить?

— Хватит ныть! — Внезапно рывкнул клубами дыма Чашун, и плечи парня вздрогнули. — Распустил нюни: «Зачем? Почему? Ах я монстр! Прощения нет!», сопли подотри, богатырь недоделанный. Кром ради тебя погиб. Что бы ты дурак жил. Поверил он. Не мог по-другому поступить. Выбора у него не было. Смерть его ради будущего нужна была. Поверил, что ты продолжишь его дело, и потому ушел к предкам, вместо тебя. Прекращай девку, сомневающуюся в выборе жениха, из себя строить. Вставай и пошли. Пора

уже. Крона надо в последний путь проводить. Должен ты ему. Помни об этом.

На опушке леса разложили огромный костер, достойный великого воина. Весь сушняк по округе собрали, и стволы засохшие повалили. Федор включился в работу с остервенением рубя, доставшемся ему от великана топором, деревья, не замечая капающей крови с сорванных с ладоней мозолей, и не чувствуя боли.

— Не надо его сейчас трогать. — Донесся до него тихий голос колдуна, остановившего пытавшегося подойти к другу Вула. — Перетерпеть ему это надо, есть минуты в жизни, когда даже друзья становятся врагами, мешая совести пожирать боль. Он справится, поверь старому духу жизни, надо просто не мешать, и подождать. Он сильный. Молодой еще и глупый, но сильный. Кром сразу разглядел. Оставь парня. Не трогай.

— Велесе, Отче наш! Даруй покой душе Внучка Дажбожьего! Пусть прибудет с ним радость бытия вечного, в Свете Рода Всевышнего! Пусть обступят его Боги Светлые и защитят от тоски и печали Навной, пусть прибудет с ней Дух Рода Православного, чтобы прибывал он с Предками и Потомками в согласии! Мы добрым словом его помянули, деяния славим и перед Богами свидетельствуем единство рода нашего в трех мирах! Слава Богам!

Чашун дочитал молитву простирая руки к восходящему солнцу.

— Прощай брат. — Поклонился он еле тлеющим остаткам костра. Навек ты останешься в моем сердце. — Окутался дымом, запрыгнул на рысь и повернулся к скорбящим друзьям. — Пора. Ваш путь лежит в Новгород, к воеводе. Там вы сейчас нужны. А я в другую сторону. Надобно мне разобраться во всем, что в последнее время происходит. Прощайте. Даст Род, найду вас.

Он развернул свою огромную кошку, и скрылся в лесной чаще оставив после себя облако дыма. Постояв еще немного у догорающих углей, друзья поклонились в пояс останкам, вскочили на коней, и развернулись в другую сторону. Пора было возвращаться. Жизнь продолжается. Что их ждет впереди, даже боги не знают. Вот только Федор теперь стал другим. Боль потери и вины, легли на душу, пройдя по ней когтями совести, и сделав более черствой. Теперь он был готов ко всему. Но как же он ошибался, думав так.

Их встречал весь город, высыпав к воротам и криками радости приветствуя героев. Слухи о их похождениях уже достигли ушей любопытных кумушек, и уже с их подачи, гудящей волной прокатились повсюду, обрастая сплетнями и придуманными подробностями. Впечатляющая расправа над ульем кровососов, где с каждым пересказом количество упырей увеличивалось вдвое, впечатлило всех, сделав из наших путешественников былинных богатырей, а коварный поступок князя, добавляла к их облику печать борцов с несправедливостью.

Ревущая восторгом толпа по краю дороги и бегущие следом мальчишки с восхищенными глазами, провожали их до самого крыльца терема воеводы. Хозяин города встречал их в полном боевом облачении. Он обнял каждого гулко похлопывая по спине, исключением стал только шишок, который в виду своего маленького роста мог утонуть в огромных ладонях, и потому обошелся забавным рукопожатием, хотя это действие вызвало беззлобный смех толпы, на что мохнатый коротышка не обратил никакого внимания, гордо задрав подбородок.

Алина, встретив Федора у ворот города и провожала его до крыльца терема взявшись за стремя, показывая тем самым, завистливым товаркам, что это ее жених, герой, и никому его отдавать она не собирается. Никаких поцелуев между влюбленными не было, целоваться позволялось прилюдно только супругам, да и то только при встрече мужа из дальнего

похода. (Невместно поступать так-то невенчанным.) Только взгляды, глаза в глаза. И эти взгляды расшевелили наконец заостренную душу парня, показав ему то, ради чего стоит жить дальше.

Воевода накрыл огромный стол в горнице. Отвергнув сразу все разговоры о делах, он гостеприимно махнул рукой, приглашая присаживаться, и угощаться тем, что Велес послал, и разлив по глиняным чашам мед произнес тост.

— Еще совсем недавно, к нам в город пришли новые люди. Два неумелых мальчишки, один из которых более походил на скелет, а второй хоть и вышел статью, но был дурак дураком, да еще оборотень, про которого, до этого многие слышали, но не видели, и от того относились потому с подозрением. Отдал я их на воспитание к Яробуду, известному своим нравом злобным, на справедливый. Воину, воспитавшему не одного великого ратника. Скажу честно. Не верил я что получится из всей этой моей затеи, что-то путное. Теперь прошу принять мой низкий поклон с извинениями. — Митрох низко поклонился, мазнув рукой по полу. — Не прав я был. Богатыри получились истинные, не смотря на юный возраст. Беру в дружину их, но не новиками, а ратниками. Выпьем други за их здоровье. Любо!

— Любо! — Рывкнули все присутствующие за столом, и гремя доспехами вскочили, подняв в верх руки с полными меда чарками. Округа загудела праздником.

Гуляли весь день. Герои наши частенько выходили на крыльцо, где их встречали те, кто не поместился в воеводском тереме, но при это, не был обижен ни закусками, ни выпивкой. Столы стояли под открытым небом, и восторженная подвыпившая толпа горожан развлекалась обжорством и танцами под балалайку, в руках знаменитого мастера этого древнего инструмента — Куземы, вытворявшего такое, чему позавидовали бы современные представители шоу-бизнеса. Частушки лились из него нескончаемой рекой, заставляя иногда краснеть и бывалых воинов. Что уж там говорить о девках, «прыскающих» в кулак и опускающих глаза.

Расходились уже глубокой ночью. Общем решением, не смотря на всеобщие протесты, желающих пригласить к себе на ночлег героев, отправились на конюшню. Привычнее там, роднее что ли, словно домой вернулись, и не стеснили никого своим присутствием заодно.

Зарылись в свежее, ароматное сено, перекинулись порой слов и уснули, крепко, как и положено — по-богатырски.

Разбудил их не петух, как бывало обычно. Яробуд, ожидая от него подобной пакости, даже сапог рядом с собой положил, чтобы сказать: «Доброе утро», — хвостатому будильнику. Но не понадобилось. Не свет не заря поднял их посыльный от воеводы, который едва и не получил этим самым «будильником» в лоб, от не ожидавшего такого пробуждения, и злого потому, конюха.

— Митрох к терему кличет, рать собирает, беда у нас. — Выпалил скороговоркой молодой кучерявый парень, сверкая в лунном свете встревоженными глазами.

— Успокойся ты, шебутной. — Пробурчал Яробуд натягивая сапоги. — Что стряслось-то?

— Орда. — Выпалил тот, потом попытался видимо еще что-то сказать, но решив, что этого достаточно, махнув рукой, выскочил из конюшни вон.

— Это серьезно. — Нахмурился дед. — Давненько сюда степняки не хаживали. Последний раз я как раз ногу в драке с ними потерял. Помнишь Вул. — Обернулся он к оборотню.

— Конечно. — Кивнул тот головой и потянулся. — Знатная была битва. — Только больно уж суетливо все начинается. Зачем будить так рано. Они же не у стен города стоят. Или дозоры проспали?

— Вряд ли. У воеводы с этим строго. Но раз собирает спозаранку, значит повод для беспокойства есть. Пойдемте послушаем, что старшой скажет.

Как будто и не расходились. Опять весь город у крыльца. Только лица не радостные, а взволнованные, да бабы кое где носами хлюпают, да завывать пытаются, их мужья успокаивают, убеждая, что: «Ничего страшного. Все это не впервой. Бывало уже Отобьемся».

К воеводе подбегали воины, что-то говорили ему, и вновь убегали, получив задание. Суета и тревога витала в воздухе. Такое ощущение, что ее можно было даже потрогать. Только руку протяни. Все ждали, что скажет глава города.

— Беда у нас горожане! — Наконец заговорил он, подняв руку вверх для привлечения внимания. — Степняки малой ордой вошли в наши земли. Уже разорили дальний хутор и двигаются к городу. Я приказал всем селениям, что стоят у них на пути, бросать скраб и уходить сюда в город. Жизнь людей дороже барахла. Скоро беженцы будут здесь. Примите их как родных. Хлебом солью поделитесь, так как делали и завещали нам предки. — Толпа одобрительно загудела.

— Далее, что хочу сказать. Так как орда идет малая, то справиться своими силами должны. К князю я гонца, конечно, послал, но до прихода его рати, город наш уже окружен врагами будет, а все вокруг разорено. Решил я их в поле встретить, в честной сече. Думаю, справимся своей дружиной, но и от помощи ополчения отказываться не будем. — Снова гул одобрения. Воевода дождался тишины и продолжил.

— Потому всех мужчин прошу в строй становиться. Вперед их не пошлем, а вот тылы от поганых они прикроют, и мой поклон и уважение заслужат, так же, как и почет у всего города. — Он замолчал, и вопросительно посмотрел на затихшую толпу, словно каждому в глаза заглянул.

— А! Чего уж там! — Хлопнул шапкой о землю кузнец. Оборвав затянувшееся молчание. — Согласные мы. Показывай куда становиться. Ручеек желающих полился в указанное Митохом место, под стенания жен и дочерей.

Героев наших отправили в охранения на дороге, что вела к городу справа, рядом с деревней, со смешным названием «Пчелка». Огромная пасика, расположенная в поле, рядом с лесом, поросшим исключительно липовыми деревьями, раскрывала тайну названия поселения, лучше, чем это объяснил бы кто-то другой.

Тогда, после того, как всех желающих распределили, и назначили командиров, хмурый воевода, отозвал друзей, уже готовящихся встать в строй дружины, в сторону и поставил другую задачу.

— Мы там и без вас справимся. Ты, Яробуд, воин опытный, но калечный, и парни твои. Хотя и герои, но молоды еще в строю воинском стоять. Вула я у тебя, конечно, забрал бы, но он братьев не бросит, потому с вами пойдет. Дам еще троих ополченцев, и двух новиков. Они вас по дороге нагонят. Вы же незамедлительно выдвигайтесь. Задача ваша заслоном, по правой стороне встать. Вражина вряд ли там пойдет, ему круги нарезать не с руки. Но все же...

Если что, шли гонца, и не геройствуй особо, в город отходи. Понял?

Дед кивнул молча головой.

Сборы были не долгими. Нищему собраться, только подпоясаться. Оседлали коней, копыта с щитами к луке седла приторочили, даже харчи не брали, зачем, в деревне покормят. А путь до нее не долгий, к вечеру налегке доберутся.

В деревеньке из четырех домов состоящей, пришлось поскандалить. Местные наотрез отказывались уходить в город. Бросить ульи для них было смерти подобно. Мало ли косолапый зайвится медку отведать, он ведь окаянный не столько съест сколько разорит. Как потом жить? Мед да воск, это все, что у них есть. Он их, и поит, и кормит, и одевает. С сумой потом идти побираться? Нет уж, они тут останутся. Да и вряд ли тут орда пойдет.

Как не кричал на жителей Яробуд, как ногой деревянной о землю не стучал, не смог ни уговорить, ни напугать. Только детей малых согласились отправить, да и то только поутру. Кто же на ночь глядя в дорогу отправляется?

Обещанная воеводой помощь, что-то запаздывала, но друзья, перекусив тем, что «бог послал» в доме старосты, дожидаться не стали, а отправились место заставы присмотреть да обустроить. Хоть и мала вероятность, что тут враг объявится, но подготовиться надо. Мало ли что.

Хорошее место обнаружилось практически сразу. Да его и не искали особо. Местность знакомая. Мост через реку, не слишком широкую, но вполне приличную, перепрыгнуть с наскоку не получится, порешили основным местом обороны сделать. Хотели поначалу переправу эту деревянную спалить, но одумались: «Вдруг враг тут не пойдет, а ущерб крестьянам нанесут много». Решили: «Пусть стоит». Взяли в деревне пару возов, да баррикаду соорудили, перегородив наглухо проход. Покумекали, что еще придумать можно, ничего не придумав спать завалились. Ночь разделили на дежурства поровну, не на прогулке всё-таки, осторожность не помешает.

Из подкрепления, на утро пришел только кузнец, что первый шапку оземь бросил. Остальных воевода не дал, и потому слал извинения: «Там ему надобны, народу фланги прикрывать не хватает». Здоровенный чернобородый мужик, как-то сразу стал своим. С лысой бритой головой, копьем, щитом-капелькой, да с кувалдой, чуть большей в бойке, чем его кулаки, купил он друзей своим веселым нравом и природной добротой. Бездеспешный, не смогли на него кольчугу по размеру подобрать, а кожаные доспехи, что вроде бы в пору пришли в плечах, порвал, он излучал силу и покой.

Так и пришел в шелковой косоворотке, что жена второпях постирала, (согласно обычаю, на смерть в чистом идти надобно). Друзьям нашим даже неудобно стало, за грязную одежду. Но у них выбора не было. Времени наряжаться нет. Авось не обидятся предки, пустят их к себе, когда время придет.

Они появились, когда местную детвору на телеги сажали, для отправки в город. Их было много. Очень много.

Федогран обернулся назад и хмуро посмотрел на медленно удаляющуюся повозку, увозящую из деревни детей. Медленно, очень медленно, им не уйти от конных преследователей. Потом перевел взгляд на выстроившихся, но околице жителей, расширенными глазами смотрящих на приближающихся всадников орды. Паники еще нет, но вот-вот кинуться метаться, стоит только кому-то вскрикнуть.

Что-то подобное с ним уже происходило. Такие же застывшие лица, сильный враг, и отсутствие возможности избежать схватки, в которой нет шансов победить. Вот также он стоял, встречая пещерного медведя плечом к плечу с братьями. Федор улыбнулся. Теперь не тогда, теперь он не боялся ничего. Он задолжал Крому жизнь, увидел, что такое настоящая честь, теперь настал момент платить по счетам. Он готов.

Сотни три, может чуть больше или чуть меньше, точно не сосчитать постоянно перемещающихся по полю лошадей с угрюмыми людьми на спинах. Дикое племя в звериных шкурах. Нет никаких раскосых глаз, рисуемых воображением современного человека при упоминании слова «Орда». Типичные европейские лица, только грязные, со спутанными длинными, засаленными волосами. Кони без седел, всадники сидят, крепко сжав коленями бока животных. Сразу видно, что к такому способу они привыкли с раннего детства. В руках луки, топоры и кривые мечи. Едут медленно, экономят силы для решительного рывка.

— Все тут. — Пробурчал Яробуд, и пояснил, посмотревшим на него защитникам. — Вся малая орда на нас идет. Обманули воеводу. Он их на главной дороге ждет, а они с фланга. — Он угрюмо усмехнулся. — Хитрые, Мореновы дети. Хотят город взять, пока дружина в другом месте стоит. Разграбят и в степь уйдут. Ищи их там. И ведь получиться у них такое может. Мужиков то там почитай и не осталось. Одни бабы да дети.

— И что делать? — Бер рассеянно водил глазами по лицам друзей, пытаясь найти ответ.

— Тут стоять. Что мы можем еще. — Рывкнул дед.

— Гонцов надо, к воеводе и в город. — Федогран был спокоен. В его голосе не прозвучало ни нотки сомнения. — Пацанов, что постарше, из местных, на наших коней посадим. Домчат быстро. Кони сильные, ребятишки легкие. У них все получится. С заводными пойдут, нам лошади тут без надобности, заодно и жизнь скотине сохранят. Мы же пока, тут орду подержим. Дадим время деревенским в лес уйти. В город они уже не успеют.

— Ты прямо как бывалый ратник рассуждаешь. — С уважением произнес Яробуд. — Полностью согласен. — Сбегай устрой там все быстренько, и кузнеца с собой захвати, еще одну телегу притащите. Лишняя крепость нам не помешает, одну на другую поставим, еще одной подопрем. Чем больше помех супостату, тем дольше проживем.

Все сделали быстро. Враг любезно предоставил им время подготовиться. Отправили гонцов, и в город, и к воеводе. Пару пацанят для такого дела быстро нашли, не смотря на начинающуюся панику в деревне. Они и выглядели поспокойнее других, и посообразительнее казались, не должны подвести. Объяснили все и на лошадей усадили. Теперь все в божьих руках.

Уже не сомневающиеся, ставшие покладистыми жители деревни, побежали прятаться в лес, правда кузнецу пришлось некоторым особо рачительным хозяевам объяснить, что: «Жизнь дороже барахла, которое они намерены с собой взять». Такое объяснение, стоило

одному, особо неугомонному и задиристому мужичку зуба, но он потом поймет и простит, сейчас не время в объяснения пускаться.

Телеги притащили вместо одной — две. С таким-то помощником как кузнец, это было нетрудно. Выставили их прямо посреди моста, поперек, одну на другой. Еще одной, что раньше приготовили, подперли, и наконец последнюю, что осталась, подальше отволокли, в самый конец моста, последний рубеж получился, если, конечно, кому оборонять его станется.

Когда лица приближающихся степняков стали отчетливо видны, посыпались первые стрелы. От них прикрылись спереди телегами, а сверху сорванными с домов в деревне дверьми.

— Сейчас ближе подойдут и лавой бросятся, под прикрытием лучников. Носу высунуть не дадут. — Пробурчал недовольный дед, разглядывая в щель орду. — Порубят нас как кутят, а если высунемся, подстрелят. Ума не приложу, что делать. Если бы только в рукопашной сойтись, то долго продержаться смогли бы, а так... — Он обреченно махнул рукой.

— Знаете, братья, — Вдруг засмеялся шишок. — Мне ведь понравилось героем быть. Дай-ка мне Федогран твое огниво. Тот послушно отвязал мешочек от пояса и протянул, и только потом спросил:

— Зачем?

— Увидишь. — Хмыкнул тот и нырнул в крысиную нору.

— Вряд ли сбежал, скорее всего задумал что-то. — Ответил на недоуменные взгляды ребят Яробуд.

Дальше разговаривать стало некогда. Туча стрел покрыло пространство вокруг укрывшихся друзей. Они летели и летели без остановки, усеивая настил моста ковром оперений. Конной атаки пока не было, видимо враг решил издалека сначала нанести поражение, или запугать защитников, но безуспешно. Укрепления ставил опытный воин, стрелы втыкались близко, но не наносили урона. Несколько царапин не в счет.

Внезапно обстрел затих. И по мосту застучали копыта лошадей.

— Началось. — Буркнул дед. — Не высовывайтесь на долго, поднялись, ударили мечем и в укрытие. Старайтесь использовать врага как щит, держитесь в его тени, в спину своему они стрелять не будут. Наша сила в скорости и ловкости. Давайте братья. Плечом к плечу!

— Плечом к плечу! — Рывкнули в ответ голоса девиз, и завертелась круговерть схватки.

Поняв, что конно пробиться сквозь грамотно расставленные повозки не получится, враг спешил. Вот тут действительно туго приходилось нашим героям. Поднять голову на долго, не позволяли лучники. Стрела моментально вонзалась в то место, где только что появлялась какая-либо часть тела защитника. Только выработанная многочисленными тренировками ловкость спасала от неминуемой смерти. Бесконечное движение. Удар — пережат, блок и прыжок в укрытие. Складывалось такое ощущение, что они были везде. Выскакивали из под повозок, разили и скрывались вновь. Только кузнец, не имеющий таких навыков, оставался позади, за последней телегой, прикрывая тыл. Он уже не один раз спасал кого-то из друзей, отправляя к Морене своим молотом, особо прытких степняков, умудрявшихся запрыгнуть за спину наших героев, пытаясь поразить с тыла.

Но не надо думать, что защитники моста были неуязвимы, им то же досталось, и не мало. Все-таки противостояли им силы во много раз, превышающие их численность, и состоящие далеко не из любителей вышивать крестиком:

У Вула, очень быстро оказалось разрезано предплечье правой руки, и теперь оборотень

бился левой, защищаясь от напирającego на него огромного, взъерошенного с красным, потным лицом мужика, орудовавшего топором, одновременно всаживая раненой рукой, с набухшим кровью рукавом, кинжал в открывшийся бок другого, выкрикивающего лающую команду кому-то себе за спину, и отвлекшемся на краткое мгновение от боя.

В ноге Бера, чуть выше колена торчал обломок стрелы, которую увалень, с присущим ему спокойствием обломил, и поморщившись выкинул в реку, после чего снес высунувшуюся над усеянным, с торчащими внем стрелами бортом телеги, голову степняка, которая, противным чвакающим звуком упала под ноги, с мгновенно остекленевшими открытыми глазами, и откинув ее ногой в сторону, перекатившись через плечо, отбил кривое оружие, уже летящее в голову, сражающегося с двумя врагами одновременно, Яробуду.

Дед пострадал меньше всего. Шлем с его головы сбили стрелой в первую же минуту, и пока потерявший концентрацию старый воин, приходил в себя, второй стрелой порвали мочку уха. Кровь обильно капала на плече, и стекая по руке, в сжимавшую меч ладонь, делая рукоять скользкой, что доставляло неудобства, и потому он морщился и хмурил морщинистое лицо. В остальном же, кроме мелких царапин и синяков, он был невредим. Не считать же ранами торчащие в деревянной ноге две стрелы, которые он, походя, между отбитым оружием врага, и выпадом кинжалом в грудь другого, срубил мечем.

Глаза Федограна заливала кровь от раны над бровью, а также жутко болела нога. Нет раны в ней не было, просто он поскользнулся на чьих-то кишках, то ли подвернул ее, то ли растянув сухожилия, то ли вывихнув, но совсем был не расстроен от этого, ведь упав, он избежал неминуемой смерти, от воткнувшийся в то место, где он только что стоял, стрелы, наверняка поразившей бы его в голову, а перекатившись, мгновенно под телегу, успел полоснуть по бедру врага, который завалившись на бок и взревев от боли, удачно подставился под молот кузнеца, прекратившего страдания бедолаги, после чего довольные улыбающиеся губы мастера работы с железом сказали: «Давай еще».

Вот уж кто действительно жутко выглядел, так это кузнец. Весь в перемешавшейся на его теле крови, своей от многочисленных порезов, и крови и мозгов врага, сокрушенного огромным молотом, разбрызгивающим после каждого удара, жуткую жижу по всей округе. Словно демон смерти, он выскакивал из-под укрытия и бил, бил и бил, окрашивая местность в жуткий цвет смерти.

Вода под мостом, в начале схватки приобрела слегка розовый окрас, но постепенно, с каждой смертью и раной, все более наливаясь сочностью, побурела и стала густой, словно брусничный кисель. Страшная, уродливая картина. Но такова война. Вонь, грязь и боль, это те краски, которыми рисует великая художница смерти — богиня Морена.

Не добившись успеха, враг начал откатываться назад, унося раненых. Но это была не победа. Не оставят степняки попытки прорваться. Тем более, что теперь к их желанию пограбить, добавилась еще ярость мести, за первое поражение. И кому? Горстке дураков, возомнивших себя героями, и решивших, что смогут противостоять их сокрушительной мощи. Нет, они не уйдут. Они сейчас перестроятся, и уничтожат этот прыщ на пути, а головы этих "недовоинов", посадят на копыя, и продемонстрируют защитникам города, который идут грабить, для устрашения духа.

— В укрытие братья. Сейчас ливень начнется. — Прохрипел, глотая натруженными легкими воздух Яробуд, и, как всегда, оказался прав. Вовремя опытный воин предупредил об опасности. По повозкам и поднятым над головой дверьми застучали стрелы. Очень много

стрел.

Они сидели молча, тяжело дыша, прислонившись к перевернутой телеге, пристроив две двери над головами в разломанный борт под барабанную дробь сыплющихся с неба стрел. Усталость медленно расползлась по телам, безжалостно выдавливая адреналин, до этого момента, заглушавший боль и усталость.

— Руки трясутся. — Пробурчал, словно жалуясь кому — то, невозмутимо Бер, вытянув подрагивающую ладонь. — Не люблю этого. Когда пьешь мешает. Кружка о зубы стучит. Противно.

Все посмотрели в недоумении сначала на его руку, потом в непробиваемое никакими эмоциями лицо, и внезапно смех взорвал сердца, выплеснув всю накопившуюся боль наружу. Смеялись долго и самозабвенно, пока вытирающий текущие по грязным щекам слезы Яробуд не прекратил это безумие.

— Все, хватит! Уймись. — Сам давясь хохотом рывкнул он. — Не время сейчас. Еще ничего не закончилось. Посмеемся потом. Коли живы останемся. Шансов у нас к такому мало совсем. Соберитесь ужо. Сейчас снова полезут.

Отповедь старого воина подействовала. Смех, конечно, сразу не стих. Тяжело человеку резко сменить эмоции, тем более, когда они выстраданы. Но все же они успокоились.

— Почему они так в мост вцепились? Можно же было реку переплыть? — Федогран озвучил мысль, которая внезапно посетила его голову.

— Нет, не получится у них. Плавать не умеют. У них в степи, самый крупный водоем, это ручей из родника, и тот мелкий. Так что с этой стороны нам повезло. Можно им, конечно, брод поискать, тут есть один, но далековато, а времени у них на обход нет. Понимают, что воеводу уже предупредили, а тот не дурак, ждать не будет. Выхода у них нет, или сквозь нас быстренько пробиться или назад в степь уходить. Думаю, что сейчас навалятся. Эх, лучников бы убрать, вот уж кто нам мешает.

Внезапно со стороны врага обстрел прекратился. И слышались сначала одиночные, а потом быстро слившиеся в одно целое крики.

— Ай да шишок!!! — Восхищенно воскликнул высунувшийся посмотреть: «Что там происходит», Яробуд. А смотреть на что действительно было. За спинами орды полыхала трава, стеной надвигаясь на них. Ни о каком обстреле уже не могло быть и речи. Кони под наездниками взбесились. Не любит эта животина огня, сильно не любит, боится до смерти.

— Вот зачем ему огниво понадобилось. Ай да герой. — Восхищенно смеялся дед, потирая руки. — Как же он траву-то свежую так подпалить удосужился? Вот же кромочник. Ай да затейник. Выживем, расцелую эту морду волосатую. Клянусь расцелую. Приготовьтесь братья, сейчас полезут. Им теперь деваться некуда. Эх! Повеселимся напоследок. Плечом к плечу.

— Плечом к плечу! — герои поднялись из укрытия.

— Эй! — Раздался голос кузнеца, идущего к ним и подкидывающего с переворотом молот в руке. — Меня забыли. — Улыбка расползлась по его губам. — Я, то же хочу плечом к плечу.

Друзья переглянулись, посмотрев друг другу в глаза, и хлопнули, кивнув, словно соглашаясь с незадаанным вопросом, «по рукам»

— Как хоть зовут-то тебя воин? — Улыбнулся Федор. — А то в суете так и не познакомились.

Тот приосанился, расправил плечи, словно показывая товар лицом:

— Перл, я. Кузнец местный. Только шибаетесь вы други, я не воин. Крови шибко боюсь.

Глядя на залитого с ног до головы, этой самой кровью, которую он боится, человека, друзья не смогли сдержать смеха. Тот сначала не понял, что их так рассмешило в его словах, осмотрел себя, и тоже присоединился, заразительно хлопая себя по коленям.

— Давай брат, вставай рядом. Плечом к плечу. — Прохохотал Яробуд, выражая общее мнение. — В такой компании и помирать веселее. Сейчас вражины на прорыв пойдут. Луками они теперь вряд ли воспользуются, вон как плотно в кучу сбились, так, что смелее. Не давайте им через телеги перескочить.

Бой разгорелся по новой. Мельканье мечей, топоров и молота, слились в единой какофонии хаоса, брызгами крови. Река, только-только начавшая приобретать естественную, природную прозрачность вновь окрасилась в буро-красный цвет. Злобные лица, хищные улыбки, раскрытые в предсмертном крике рты, и запах смерти вокруг. Когда ведешь такую схватку, не замечаешь ничего. Есть только враг, которого надо убить, и есть друг, которого надо прикрыть и спасти. Своя жизнь не имеет значения в эту минуту. О ней не думаешь, если ты, конечно, не трус.

Первым пал Яробуд. Прикрывая Федора от удара меча, грозящего снести парню голову, он раскрыл правый бок, в который воткнулось короткое копьё. Напоследок срубив руку, которой был нанесен смертельный удар, старый воин рухнул под ноги, моментально сомкнувшимися над ним, телами мечущихся врагов. Взревевший в ярости оборотень, мгновенно перекинулся в волка и врезался в эту кучу, горя дикой жадной мщенья, смяв своим телом растерявшихся от неожиданности людей, которые, однако очень быстро пришли в себя и набросились на него со всех сторон.

Как не пытались прийти к нему на помощь, стоявшие спина к спине Бер с Федограном, у них ничего не получилось, слишком плотно их обступили, в узком проеме моста. Они бились в полном окружении, изнемогая от усталости и покрываясь все новыми и новыми ранами.

В самом конце моста стоял кузнец. Молот давно вылетел из скользких ладоней, но он яростно отмахивался оглоблей, вырванной из одной из телег, не подпуская к себе захватчиков, которые всеми правдами и неправдами пытались сбить его с ног, но у них ничего не получалось. Этот огромный человек, словно был сделан из железа, и никак не хотел падать.

— Вот оно счастье. Шепелявил неизвестно от куда взявшийся шишок на плече у одного из нападавших, вцепившись тому в ухо зубами, и пытаясь оторвать его от головы. — Всю жизнь мечтал подохнуть героем. — Не оставлял он своих попыток, уворачиваясь от кулаков воющего от боли врага.

— Гойда — Взорвался воздух кличем воеводской дружины, и сверкая доспехами на выручку нашим героям метнулась конная лава. Впечатляющее зрелище летящих над полем воинов с вскинутыми копьями, в стелящимся голубоватом дыму пожарища, словно не касающихся земли копыт боевых скакунов.

Они выстояли. Враг не смог пройти и разорить город, оперевшись в мост, ставший с этого дня легендарным. Маленькая кучка героев остановила орду. «Такого не может быть?». — Скажете вы. Тогда вспомните «Триста спартанцев», сомнения исчезнут.

Глава 22 Снова в дорогу

С учителем прощались тут же, у моста, отныне ставшего называться не иначе как Яробудовым, в честь великого ратного подвига, совершенного великим воином и его учениками. Подвиг этот обрстет со временем легендами, и останется в веках в виде сказок.

Извлеченный из завала бездыханных тел, Вул был жив, сильно изранен, без памяти, но жив. Оборотня вообще тяжело убить простым оружием, такова сущность кромочника, тем более потомка одно из величайших представителей рода волколаков — Ратмира.

Парень так и лежал в образе волка, когда его грузили на телегу, только едва слышное, редкое дыхание, говорила о том, что в его теле осталась еще слабая искра жизни. Его отправили в город, для лечения, сразу после того, как только дружина добила остатки орды.

В плен никого не брали. Может быть, если бы старый конюх остался жив, пощаду получили бы те немногие, что сдавались в плен, но слишком любили ратники старика, и потому простить его смерть не смогли.

Перед огромным полыхающим, погребальным костром, стояла на коленях вся дружина. Федогран, не скрываясь, и не боясь осуждения плакал, выливая со слезами скопившуюся в душе боль. Но он был не один такой. Даже суровый воевода, изредка смахивал слезу с глаз, хоть и пытался выглядеть невозмутимым. Но когда внутри все разрывает от горя, тяжело удержать себя от искренности, она сама находит выход, и стыдится этого не надо.

Бер, послав к Морене, всех кто пытался ему помочь вытащить из ноги обломок стрелы. Он так и ходил с ней, не морщась, словно не чувствуя боли в кровоточащей ране. Он собирал дрова для погребального костра. Лицо медведя даже не смотря на и так врожденную невозмутимость, теперь стало совсем, как застывшая восковая маска и ничего не выражало. Такое отсутствие проявления каких было чувств — это даже для него было слишком... Только когда запылало пламя, забирающее учителя в дорогу к реке Смородине, и Калиновому мосту, для перехода в мир Нави, скупая слеза скатилась по щеке, и все. Дальше он стоял на коленях, не шелохнувшись, все время пока горел огонь, и молчал.

Всегда нахального, и болтливое до зубовного скрежета слушателей, шишка, было не узнать. Илька еле слышно, не останавливаясь ни на минуту, себе под нос, бормотал молитвы богами все время находился рядом с покойным. Помогал обмывать труп в реке от крови, помогал как мог укладывать на вершину погребального костра тело друга, помогал складывать оружие на грудь уходящего к предкам воина. Спрыгнул он с поленьев только тогда, когда начало загораться пламя, и скрылся в норе какого-то зверька, не став дожидаться окончания, видимо не желая показывать всем своих чувств. Больше его никто не видел.

Кузнец ушел сразу после боя. Он не стал никому ничего объяснять. Поднял с земли молот, закинул его на плече, и молча ушел в город, даже не смыв с себя в реке кровь. Почему о так поступил никто не знает, да и не интересовался, чужая душа потемки.

Трупы врагов собрали дружинники и местные жители, сожгли, как и положено по заветам, на опушке леса, подальше от деревни и поближе к дровам. Просто так бросить не смогли. Пусть и вороги, но все же живые души. Обряд упокоения провести необходимо, как предки завещали, а дальше пусть с ними боги разбираются.

Сожгли Яробуда на следующее после сражения утро. За ночь обмыли, обрядили в чистое, как и положено. Одежду благодарные жители принесли: белую рубаху с вышитыми

красной нитью прощальными рунами, и белые глаженные порты. Все новое. Меч, с которым он никогда не расставался, в ножнах, на грудь положили, рядом с головой крынку хмельного меда и каравай ржаного хлеба, все как он любил, все в дорогу собрали.

Запричитали деревенские бабы:

Ой, я пришла-прикатиласе,
Ой, на прощально кострище,
Ой, вместо родимые батюшке,
Ой, хоть ты выстань двоюродных,
Ой, дай Яробуда повынесьти,
Ой, круцину поизбавити,
Ой, надожжитё, буйны ветры,
Ой, розьнеситё серы пеплы
Ой, с другоданныё батюшке.
Ой, развейтесь, прахом родного
Ой, отмахнись, полотенецькою,
Ой, отокройтёсь, оци ясны,
Ой, поднимитёсь руциньки.

И костер вспыхнул ярким бездымным пламенем сухих дров, с треском взметнув к небу искры, унося к предкам беспокойную душу.

В город возвращались с победой. Но не смеха ни шуток, не бравурных речей, вечных спутников таких мероприятий не было. Молчаливые, мрачные воины въезжали в ворота города, целовали, свесившись с коня, жен, и так же молча разъезжались по домам.

Взявшись за стремя, Федограна встретила Алина. Ее полные сострадания, карие бездонные глаза, омыли душу воина теплом и нежностью, слегка погасив боль утраты. Так вдвоем, они доехали до конюшни. Парень расседлал Чепрака, протер потные бока лошади, задал овса в ясли, но внутрь помещения так и не зашел. Не хватило сил, видеть то, где совсем недавно, еще живой друг кидался сапогом в ненавистного петуха. Почему-то этот краткий момент из жизни особенно сильно врезался в память, и также особенно сильно царапал душу.

— Давай просто помолчим. — Сказал он, глядя девушке прямо в глаза. Она кивнула, соглашаясь.

Они ушли из города взявшись за руки, и потом всю ночь просидели на опушке леса обнявшись. Смотрели на звезды, встречали рассвет, и вместе роняли беззвучные слезы в траву. Он вспоминая учителя, она сострадав вместе с ним. Это и была настоящая любовь.

На следующий день его позвал к себе воевода. Боярин сидел мрачный. Рядом, с одного бока крутил нервно в руке кинжал, отец Алины, Елей, с другого, не поднимающий глаз волхв Щербатый. Лишь легкий молчаливый наклон головы — знак встречи, и снова опущенные глаза. Тяжело далась утрата старого конюха, людям, знавшим его много лет.

— Проходи Федогран, присаживайся. — Глухо произнес воевода, не вставая, лишь слегка приподняв опущенную голову и посмотрев в глаза полным тревоги взглядом. — Сейчас Бер подойдет и поговорим, новости у меня нехорошие.

Медведь не заставил себя долго ждать, и прихрамывая на раненную ногу, вошел в двери,

и поклонившись на три стороны, молча занял место рядом с другом, кивнув в ответ на угрюмые приветствия.

— Говори Щербатый. — Больше никого не будет. Здесь собрались только те, кому положено знать. Не надо людей пугать попусту. — Произнес воевода.

Тот кивнул в ответ и заговорил, с трудом подбирая от волнения слова:

— Вул очень плох. От ухода оборотня за кромку, держит только воля. Он борется, метаясь в горячке, и не давая утащить себя слугам Морены, но долго он так не выдержит. Вытянут они из него жизнь, выпьют досуха. У всего есть свой край, скоро он наступит и у вашего друга. Не справится он без помощи. И тогда конец. Лекарства от этого нет, ведь не человек он.

— Ты не стал бы тогда нас звать, и рассказывать все это, если бы не было выхода. — Угрюмо произнес Федогран, глядя в ставшими виноватыми глаза волхва. — Говори, старик, что надо сделать, мы согласны на все. — Он повернулся к внимательно слушающему медведю, словно спрашивая одобрения.

— Говори. — Согласно кивнул головой тот.

— Хорошо. — Волхв пожевал губами, словно пробуя на вкус то, что хотел донести до слушающих его людей. — Вы, конечно, знаете про цветок папоротника?

— Тот, что цветет на Ивана Купала, и открывает клады? — Федогран понимающе кивнул головой, вспомнив эту сказку из детства, которую читала ему бабушка, когда-то давно.

— Причем тут Купала? — Возмутился знахарь. — Купала к папоротнику не имеет никакого отношения. Цветок цветет каждую ночь перед рождением новой луны, и ему абсолютно наплевать, что об этом думают люди, и тем более какой-то там Купала. И на счет кладов, все не так однозначно. Он показывает не золото, и прочее там барахло, он показывает дорогу к мечте, а у каждого она своя, и найдя цветок, выпадает шанс исполнить свое сокровенное желание. — Поначалу вскинувшийся было старик, быстро успокоился, взяв себя в руки, сел на место, и продолжил, уже другим голосом:

— Так вот. Это единственный способ отогнать от оборотня слуг смерти, и не дать им утащить его за кромку. Это его единственный шанс остаться в живых. Завтра как раз день, когда луна не появится на небосклоне, и папоротник зацветет. Его очень тяжело найти, но я знаю способ, как это сделать. Ваша задача: найти сорвать, и с помощью цветка отыскать «Слезу Морены», это и будет тот клад, а котором мы говорили. Жалко, что шишок сбежал, его помощь как раз бы пригодилась.

— И ничего я не сбежал. — Из-под стола вылез Илья и забравшись на стол, сел прямо на крышке, скрестив по-турецки ноги. — Одному мне побыть было надо, вот и ушел. Душа немного оттаяла, и я вернулся. Неужели вы могли подумать, что я способен вас бросить. Я клятву дал, и не нарушу. Говори, что делать надо?

— Ты Баюна знаешь? — Волхв посмотрел на шишка очень внимательно, словно говоря: «Не ожидал от тебя такого. Уважаю».

— Конечно знаю. — Хмыкнул тот. — Болтун он редкостный, тот кот. Валяется все время под березой, пузо на солнышке греет, и свободные уши ждет. Один раз попался ему, так целую неделю оторваться от его баек не мог, думал от жажды и голода помру, а все слушал не отрываясь, ловя каждое слово. Наваждение, да и только.

— Да, эта зверюга морок своими сказками сильный наводит. Но, он единственный, кто точно покажет дорогу к цветку. Он его чувствует, а чтобы он не заболтал вас до смерти,

слово заветное ему шепнете: «Должок Велтувернуть надобно», он покладистым станет и тихим.

— А Велт, это кто? — Поднял глаза медведь.

— Это не вашего ума дело. — Буркнул волхв и пригрозил пытавшемуся что-то сказать шишку кулаком. — С вас слова заветного достаточно. Баюн покажет цветок, а цветок покажет дорогу к схрону. Но и там все не так просто. «Слезу Морены» охраняют две навьи. Ни обмануть их ни запугать не получится, только договорится. Что они запросят я не знаю. Только от вас будет зависеть согласиться с их требованием и забрать слезу, или уйти не солоня хлебавши. Вот в принципе и все, что я хотел вам сказать. Время у вас мало. Нужная ночь продлится только трое суток, а до следующей ждать тридцать дней, а столько оборотень не выдержит, утащат его за кромку.

— Мы выезжаем немедленно. — Друзья встали из-за стола, и пошли на выход. Но Федор остановился и обернулся, обратившись к Елею. — Извинись, батюшка, перед моей невестой, за непоседливого жениха. Обещал я ей сегодня встретится, но как видимо не судьба. — Он поклонился в ноги будущему тестю и выскочил на улицу, услышав в спину ободряющее слова:

— Храни тебя Перун. Сынок.

Друзья мимоходом заскочили в харчевню, где быстренько перекусили кислыми щами, и покидав в котомки по краюхе хлеба, луковице да шмату соленого сала, бросились к конюшне, отвечая на бегу, на приветственные, уважительные поклоны, редких прохожих. Там запрягли лошадей, надели кольчуги, перепоясались мечами, но были остановлены подбежавшим, раскрасневшимся и тяжело дышащим, кузнецом.

— Фух. — Выдохнул он. — Едва успел. Мне воевода шепнул, что вы в поход собрались, правда не сообщил куда и зачем. Ну да я не любопытный, он не сказал, я и вас пытать не буду. Тут подарки вам на память да в благодарность за подвиг да братство со мной, приготовил. Вместе все же супостата били. — Он развернул тряпицу и на солнце сверкнули два меча. — Примите, не побрезгуйте. От всего сердца. Давно уже их сработал, хотел князю в Уйшгород передать, но после всего, что случилось, решил вам отдать, недостойн он оружия такого, потерял он мое уважение. Ну что застыли, скидывайте с себя ржавые железки. Перепоясывайтесь.

Такого названные братья не ожидали, как в общем-то и никаких подарка не ожидали. То, что увидели они было истинное чудо, даже шишок, обосновавшийся на плече Федограна, и теперь искренне считая, что это его законное место, выдохнул восхищенно: «Хох».

Действительно было на что посмотреть. Сверкающее, хищное жало клинка, голубоватое с отливом и с пробегающими в лучах солнца искрами по четко очерченному ребру жесткости, далее по долу, вспыхивающие и гаснущие в отполированной гарде в форме спящего ажурного дракона, на столько искусно сделанного, что казалось он сейчас проснется и плюнет пламенем в противника. Черная матовая

шероховатая рукоять, из кожи буйвола с красными нитями прошивки, для лучшей хваткости, и навершие в виде языка пламени. Такое чудо, ничего кроме восхищения вызвать не могло.

— Нет. — Попытались отказаться друзья, посчитав себя недостойными такого оружия.

— Ваши это отныне мечи, не смейте отказываться. Не гоже подарок от чистого сердца поднесенный отталкивать. — Настаивал кузнец.

— Ты что дурак. — Укусил за мочку уха Федора шишок, и увернувшись от

попытавшегося его раздавить кулака, перескочил на другое плечо. — Ты посмотри какая прелесть, это же мечи настоящих богатырей из легенд. Только посмей отказаться, я тебе тогда все мочки отгрызу.

Что оставалось делать? Только благодарить довольного собой Перла, и брать подарок.

— Не сомневайтесь, тут многослойная сталь, еще моим прапрадедушкой способковки сработан, любую железку на раз перерубает. Проверено. — Улыбался он, помогая опоясываться друзьям. — У меня в кузне еще один такой же лежит, как знал когда ковал, Вула дожидается. Поправится оборотень подарю, он тоже достоин такого клинка.

— Федогран. — Позвал тихий, неловкий, застенчивый голос.

Красная от стыда девушка стояла, наполовину выглядывая из-за открытой створки ворот конюшни.

— Алина! — Кинулся к ней парень, забыв про все на свете и сжал в объятьях. — Любамоя.

— Отпусти, неловко, люди смотрят. — Попыталась она его оттолкнуть, еще больше залившись румянцем.

— Пусть смотрят. — Улыбнулся он. — Ты моя невеста и скоро женой станешь. Плевал я на всех.

— Я простится пришла. Батюшка сказал, что уезжаешь ты, по делам важным. — Она посмотрела ему в глаза. — Я буду ждать.

И он не смог устоять, поцеловал такие близкие и манящие губы.

— Дурак. — Оттолкнула она его кулачками в грудь и убежала, скрывшись за стеной конюшни. — Я буду ждать тебя! — Прозвучал ее удаляющийся голос.

— Ай да богатырь. — Рассмеялся кузнец. — Уважаю. — Он вытянул руки словно отстраняясь расставленными ладонями. — Никому не скажу, клянусь Родом. — Захохотал он подмигивая. — Ну лихой парень. — Махнул рукой и не прощаясь ушел в след за девушкой, и еще долго слышался его смех.

— Не принято, так-то. До свадьбы. — Улыбнулся медведь. — Но ты здорово придумал, я свою зазную тоже поцелую до свадьбы, когда со слезой вернемся. Вот скандал то будет. — Он громко рассмеялся и запрыгнул в седло. — Поехали, что ли.

Из ворот города всадники выехали уже далеко за полдень. Солнце медленно скатывалось к горизонту удлиняя тени. Шишок задав направление в сторону гор, сообщил: «Переночуем в лошине у родника, куда доберемся ближе к полуночи, а Баюна, завтра к вечеру найдем в березовой роще у подножья лысой горы». И продолжил дальше бормотать, что-то неразборчивое, кляня носом в дреме.

Рядом, склонив голову на грудь посапывал Бер, а вот Федор витал в облаках. Он первый раз поцеловал свою невесту, и был счастлив. Пусть она и оттолкнула, и обозвала дураком, но сделала это так нежно, что душа у парня пела. Он рисовал воображаемые сцены семейной жизни. Называл уже по именам будущих детей, споря сам с собой, и улыбался, мечтательно щуря глаза. Он даже не заметил, как стемнело. На безлунное небо высыпали миллиарды звезд. Чепрак сам спустился в овражек, захлопав копытами по заросшему мхом ручью, и остановился около отражающего ночные небесные бусины, лужицы родника, всхрапнул, давая понять, что приехали, и терпеливо замер, ожидая. Когда его распрягут и отпустят в поле, пощипать свежей травки. На сегодня он свою работу закончил и хочет отдохнуть. Завтра будет новый день.

Глава 23 Как цветет папоротник

Горы! Вы были, когда ни будь в горах, ну или хотя бы видели их из далека, не на картинке, а в живую? Поверьте, на слово, это совершенно другой мир. Не хочу обидеть никакой другой пейзаж, нарисованный нашей матушкой землей: ни леса, ни степи, ни пустыни. Но горы — это то, что стоит в этом списке отдельной строкой. Их можно не любить, можно бояться, можно даже ненавидеть, но не восхищаться ими невозможно, остаться к такому равнодушным может только холодный труп.

Первое, что испытывает человек, при виде этого чуда — шок. Мгновенный сбой всего организма. Дыхание на единый миг останавливается, и уже глубоко втянув воздух, бесчувственное на то мгновение тело, запускает давнее сбой сердце, но уже в другом, учащенном режиме. Воздух! Он тут другой, отличающийся от всего того, чем ты дышал ранее. Мягкий, наполненный ароматами растущих только здесь трав. Он наполняет через легкие саму душу восторгом.

Это невозможно описать словами, дорогой мой читатель. Это надо видеть. Надо, хотя бы единожды вдохнуть полной грудью, и широко открытыми глазами это чудо, чтобы понять состояние нашего героя, когда перед ним, впервые в его жизни, открылись во всей красе подножья гор.

Журчащий, искрящийся солнцем ручей, в изумрудной долине, и впереди в туманной дымке, заснеженные вершины. Объединение несочетаемого. Зелень лета внизу и снег зимы в дымке облаков, все в одной картине, нарисованной затейницей природой. А впереди березовая роща, словно обручальное кольцо на пальце невесты, окружает одинокую, голую скалу, с редкими порослями мха в трещинах. Вы видели березовую рощу современного мира? Стройные березки, раскачивающие высоко над головой кронами на ветру, словно наполняя собой лес воздухом простора и свободы? Здесь то же самое, только деревья такой толщины, что обхватить их смогут не менее трех человек, взявшись за руки, а высота такая, что кружиться голова, когда смотришь вверх.

Друзья ехали вдоль перекатывающегося по позеленевшим камням ручейка, играющего струями прозрачной воды с длинными извивающимися водорослями-змеями, и медленно приближались к лесу, слушая наставления словоохотливого шишка:

— Главное, постарайтесь не смотреть ему в глаза. Это будет трудно сделать, так как они у него, мягко говоря, впечатляющие. Но вы все равно постарайтесь, во всяком случае хотя-бы не впасть в ступор, и быстро отвести взгляд. Это важно, потому что таким образом, эта мохнатая сволочь считывает желания и мечты, а потом формирует из этого, свой рассказ.

Как только подъедем, и он выйдет на встречу, не дайте ему заговорить. Хотя, разговор он все равно начнет первым, но пока не заслушались, его необходимо прервать. Лучше всего это сделать неожиданным вопросом, который он не ожидает, и который собьет его с толку. Эту говорливую скотину надо непременно остановить.

— А что происходит с тем, кто слушает его сказки? — Бер задал вопрос, который его очень сильно волновал. Он слышал от мамы и бабушки про этого легендарного кота, про то, что от его рассказов невозможно оторваться, но никогда не слышал, о том, что стало с теми, кто его дослушал до конца.

— Хороший вопрос. — Усмехнулся шишок. — Вот только ответить на него сможет только благодарный слушатель этого кромочника, а таковых пока еще никто не встречал.

Так что думаю, все они разделили судьбу пойманных котами мышей.

Медведь даже передернулся неприятным ознобом, и его поддержал в этом Федогран, представив себя той самой мышью, пожираемой хищным зверем.

— Что-то мне сразу расхотелось с ним общаться. — Пробубнил Бер, натягивая повод, придерживая коня, и привстав на стремянах. — Вон там, между стволов, что-то чернеет. — Вытянул он руку, указав, куда надо смотреть.

— Это он и есть. — Илька засуетился на плече Федора. — Дрыхнет, как всегда, гад, пузо на солнышке греет. Помните, что я вам говорил, и о чем предупреждал. Не опростоволосьтесь, если не хотите повторить судьбу мышки.

То, что увидели наши путники в дальнейшем, на кота походило исключительно фигурально. Черное, клубящееся непроницаемое облако, размерами с уссурийского тигра, лежало положив колыхающуюся туманом на легком ветру, голову, на огромные лапы, и урчало.

— Это кот? — Нервно хохотнул Федор.

При этих словах морда приподнялась и открылись глаза. Изумрудные, огромные, с вертикальными светящимися красным светом зрачками, совершенно неестественно выглядевшими, словно на вас посмотрела грозная туча. Вдобавок к этому еще и открылся кровавого цвета рот, с белоснежными иголками кошачьих зубов.

— Как я рад вас видеть. — Замурлыкал нежный, убаюкивающий баритон, и друзья, не смотря на все предупреждения утонули в гипнотическом взгляде. — Наконец-то благодарные слушатели посетили меня. Я счастлив. Вы сейчас насладитесь волшебной историей. Всей душой окунетесь в мир сказочных грез, в мир тайных порывов души, в мир...

Договорить ему не дали, прервав неожиданным вопросом. Федограна, почти уже уснувшего в гипнотическом сне разбудил шишок, и сделал это, кардинально жестко. Он прокусил ему мочку уха сразу три раза, действуя на манер швейной машинки. Нестерпимая боль прострелила кожу.

— Не подскажешь, как пройти к библиотеке? — Брякнул наш герой первое что пришло ему на ум, почему-то вспомнив эпизод из фильма Гайдая.

— Что? — Кот обескураженно сверкнул красными зрачками, которые внезапно помутнели и стали любопытными, и сел, как-то по кошачьи, по-домашнему наострив уши. — Это ты про что?

— Болтать говорю хватит. — Вытирая капающую с уха кровь и грозя кулаком Ильке, ответил Федогран. — Мы тоже поговорить умеем, но не для того сюда приехали.

— Я что, уснул? — Потер блуждающие, непроснувшиеся еще глаза Бер. — Такая сказка снилась. Зачем разбудили? Мама пироги приготовила, я только рот открыл, укусить хотел, и тут вы. Тьфу напасть.

— Хорошо, что с нами рядом проснулся, а не в брюхе у того сказочника. — Нервно хохотнул шишок. — Богатырь, фаршированный пирожками — мечта людоеда.

— Это ты что ли, Илька? — В глазах кота появилось узнавание — Опять пришел, вот же неугомонный, решил, что если я тебя один раз отпустил, то второй раз получится? — Хищная улыбка расплзлась по губам-грозным тучам продемонстрировав хищные клыки, и вдруг схлопнулась. — Подождите, а про какую «блильбитеку» ты спросил? — Любопытные глаза воткнулись в нашего героя.

— Кто тут сказочник — я или ты? — Усмехнулся Федогран. — Вот и придумай, что это такое. — Рассказывать этому чудовищу ничего не хотелось, да и не поймет он всё-равно

ничего.

Кот задумался, морща зашевелившиеся черные тучи на морде, и зажмурил глаза.

— Интересная мысль. — Наконец выдал он заключение, и махнул на путешественников лапой. — Идите, отпускаю, думать буду.

— Как это идите? — Мстительно усмехнулся Федогран. — А поговорить?

— Идите, не мешайте, завтра заходите, поболтаем, сейчас думаю я. — Огрызнулся недовольный кот и намерился свернуться «бубликом»

— Э, нет. Не для того мы сюда приехали, чтобы до завтра ждать. Дело у нас важное. Помощь нужна. Тут тебе передали, что: «Должок Велту вернуть надобно» ...

От того, что произошло дальше, лошади под наездниками захрапели и попятились, спотыкаясь копытами о траву, взбрыкивая и пытаясь подняться на дыбы.

Кот мгновенно увеличился в два раза, раздувшись мистической шерстью клубящихся черных облаков и зашипел, выплевывая из пасти языки голубоватого пламени. Глаза зверюги выкатились из орбит надувшись воздушными шарами, окрасились в неестественный синезеленый цвет, и засверкали искрами в округлившись черно-могильных зрачках. Жуткое зрелище пробежало ознобом по спинам незваных гостей Баюна.

— Он еще жив, этот поганый жрец Велеса? — Прозвучало глухое шипение, и друзей окатило трупным запахом из клокочущей пасти. — Когда же наконец Морена приберет его к себе. Никогда не прощу того, что он едва не сделал меня домашним питомцем своего «Скотьего бога». (Так иногда именовали бога Велеса). Только принесенная клятва: «Выполнить одно желание этого ведуна, или желание того, кто скажет заветные слова», спасло меня тогда от унижения. Говорите, что вы от меня хотите? Немедленно! Наконец то исполню клятву, и избавлюсь от этого нестерпимого ожидания.

Неимоверных усилий стоило Федору успокоится самому, и обуздать рвущегося в бегство коня. Первая попытка, что-то сказать у парня не удалась, из горла вырвалось лишь глухое шипение. Но вспомнив про умирающего Вула, ждущего помощи друзей, он разозлился на себя и рявкнул, так, что раздувшийся кот моментально принял свой естественный вид.

— Ты, что! Кошка драная! Напугать нас решил! Не на тех напал! Показывай немедленно, где папоротник цветет! Нам его цвет нужен. Дорогу покажешь и вали на все четыре стороны.

— И это все? — Совсем успокоившись спросил Баюн. Получив утвердительный кивок, он хлопком превратился в обычного, крупного, черного кота, совершенно обыкновенного, такого, которые мурлыкают дома на коленях у многих среди нас. — Стоило из-за этого, такой шум поднимать. Исполню вашу волю. — Он улыбнулся. (Вы видели, когда ни будь улыбающегося кота. Забавное зрелище, уверяю). — И с того момента, больше я ему ничего не должен. Так и передайте. — Прорычал он грозно, что совсем не соответствовало выражению морды. Идите за мной.

Он, гордо задрал голову и хвост, прошел через березовую рощу в сторону гор, и вышел в долину, где немного в стороне темнел ельник. Дорога заняла около двух часов.

Еловый лес кардинально отличался от березового. Сумрак, даже в солнечный день, был неизменным его спутником. Влажные, прелые иголки хрустели под копытами лошадей, а вокруг высокие, выше голов, поросли папоротника. Кот уверенно вел куда-то, все глубже и глубже в чащу, перепрыгивая через поваленные стволы деревьев, и подныривая под пожелтевшие, на половину с осыпавшимися иголками, нижними лапами елей, поросших мхом. Наконец он, потянув носом воздух, остановился около одиноко стоящего

разыскиваемого растения и сел, облизнув усы.

— Этот сегодня в полночь зацветет. — Мурлыкнул, мотнув головой, и развернулся. — Пора мне. Я вас проводил, нужное место показал, а дальше сами. Я свой долг отдал. Удачи не желаю. Смелости вам побольше, и не поседеть, в столь раннем возрасте. — Он ехидно рассмеялся и исчез, прыгнув под свисающую к земле лапу ели.

Маленькая угрюмая, поросшая по кругу колючими деревьями полянка, а посередине на чахлам ковре из словно скошенной травы, с кляксами низкого, словно замороженного в своем развитии можжевельника — куст папоротника. Гнетущее впечатление добавляли еще пробивающиеся, в словно наполненном пылью помещении, через редкие просветы в кронах елок, куцые лучи солнца.

Друзья расседлали лошадей, развели в сторонке костер и сели перекусить, расстелив перед собой прихваченную Бером холстину. Настроение было подавленное, и разговаривать не хотелось. Шишок, как это у него частенько бывало, убежал куда то, и пожевав в «сухомять», запив разыгравшуюся икоту, водой из фляги, не сговариваясь завалились спать, положив головы на кулаки.

Разбудил их взволнованный Илька.

— Слушайте сюда братья. Я тут с местным лешаком поговорил, интересный я вам скажу дядечка... Но об том потом. Так вот сорвать этот цветочек, не так просто. Не пускает он к себе просто так. Только один из всех, кто пришел, подойти к нему попробовать может, кто именно сам цветок выбирает. Только избранный шаг сделать достоин, остальные, словно в землю врастают. На все — про все три минуты будет. Распускается он ровно в полночь, цветет ярко, так, что глаз светом режет, и всего-то горит эти самые, три минутки, а затем выгорает, пеплом осыпаясь. Так-то вот.

Ну и наверно самое главное. Из тех, кто на памяти лешака, подойти пытался, всегда, после цветения, оказывался валяющимся на земле, без разума оставшись, и без цветка заветного. Что там с тем бедолагой приключалось неизвестно, не мог рассказать он ничего, а только мычал в ответ и слюни пускал.

— И что ты предлагаешь? Бросить все и сбежать? — Зло посмотрел на шишка Бер, процедив слова сквозь зубы.

— Дурак ты, богатырь. Я предупреждаю, что бы готовы были ко всему. Я ради Вула и разумом своим рискнуть готов, так как брат он мне. А ты — сбежать... — Обиделся тот.

— Хватит собачится. Спасибо Илька за предупреждение. Не знаю кто из нас сдвинуться с места сможет, но волю свою в кулак собрать надо будет. Все выдержать. Другого пути нет. — Произнес тихо Федор, но в его голосе звучала такая уверенность, что зародившиеся было сомнения развеялись. — Будем ждать, и когда придет время все вместе сделаем шаг. Плечом к плечу, а уж кому выпадет испытания пройти, то и пойдет до конца.

— Плечом к плечу. — Ответили ему друзья.

Ночь вступала в свои права в этот день на удивление медленно. Наверно так всегда бывает, когда что-то ждешь. Солнце, не торопясь спряталось в иголках почерневших елок, звезды вытаивая из темнеющего неба, все больше и больше наливаясь светом, засеяли ночное небо миллиардами мерцающих искр. И вот, внезапная вспышка яркого зарева взорвала сгустившийся мрак. Величиной с ноготь большого пальца источник пульсировал разноцветными кругами, слепя и прокатываясь разноцветными волнами радуги, по поляне.

Друзья встали, рядом друг с другом щуря глаза.

— На счет три. — Произнес как можно бодрее Федогран. — Плечом к плечу.

— Плечом к плечу. — Ответили ему оба брата.

— Раз. — Все замерли.

— Два. — Дрожь побежала по телам.

— Три.

У него получилось. Словно прорывая, ставшим густым как кисель воздух, он сделал первый шаг. Пространство наполнилось криками боли и отчаяния, а разум парня, словно развалился на две противоположные половинки.

— Дурак, куда тебя понесло! Сгинешь! — Кричала одна из них.

— Там умирает Вул. Ты обязан идти вперед. Подгоняла другая.

Вперед появилась мама, такая домашняя и беззащитная, она встала со стула протянула руки, и улыбнулась:

— Сынок. Куда ты пропал. Мне так плохо без тебя. Иди скорее ко мне, обними.

— Он не придет. — Захохотала возникшая над ней, из мрака, Ягира, и намотав волосы родного человека на кулак, резким рывком оторвала голову, покрывшись брызнувшей кровью. — Ему какой-то там названный брат дороже матери. — Прокаркала ведьма и растаяла.

— Вот, смотри, что ты наделал. Из-за тебя уже погибла наша мамочка. Вернись немедленно назад. Дальше будет еще хуже. — Захныкал с сожалением первый голос.

— Не верь! Это морок! Вспомни оборотня! — Загремел убежденьями второй.

Федор, разрывая воздух сделал с трудом следующий шаг.

Из пылающего костра, порывом ветра выдуло пепел, и на парня бросился, заноса для удара меч, материализовавшийся в одно мгновение Яробуд. Его глаза пылали огнем, а кричащий открытый рот зиял жутким провалом мрака.

— Я не пущу тебя дальше щенок. Ты недостойн звания богатыря! — Ревел он.

— Беги! — Завопил страхом первый голос.

— Вперед. Ты должен! — Скрежетал скулами второй.

Замирая сердцем, Федогран сделал следующий шаг, и клинок меча пролетел сквозь вжавшуюся в плечи шею, не причинив вреда, и растаял вместе с призраком конюха.

— Дальше будет еще тяжелее. Вернись пока не поздно. — Предупредил дрожащим голосом первый голос.

— Ты выдержишь, ты сильный, вспомни о чести. — Подбодрил второй.

Еще шаг. Вот уже он, слепящий шарик, только протяни руку.

Алина упала перед ним на колени, заламывая в отчаянии руки.

— Остановись. Любый мой. Если ты его сорвешь я умру в муках. Разве ты хочешь этого. Подумай о наших неродившихся детях. Они никогда не появятся на свет. Разве мы об этом мечтали? — Слезы градом покатались из ее глаз, а дрожащие руки в мольбе потянулись к лицу Федограна.

— А если это все правда? Скулил первый голос. — Если ты своими руками убьешь свою любовь и жизнь. Одумайся. Беги отсюда. Спаси ее.

— Вперед! Ты обязан закончить начатое, за спиной остались братья, ты не можешь их подвести. Сорви цветок, развеи призраки. — Взревел второй голос, и разрывая воздух и саму душу.

Федогран сделал последний рывок.

Боль прострелила руку электрическим разрядом, в глазах потемнело, а ноги перестали слушаться и начали быстро неметь, продвигаясь волной от кончиков пальцев, все выше и выше, охватывая бесчувствием тело. Еще немного, и Федор превратится в безвольное, хлопающее глазами растение.

Он сделал последнее что от него требовалось, уже практически ватной рукой рванул на себя, срывая полыхающий, слепящий ярким светом цветок, и упал в изнеможении, сначала на колени, а затем перекатившись на спину, и застыл пластмассовой куклой, устремив к черному небу стеклянные глаза.

Резкий пронзительный крик умирающего невидимого, существа, прокатился по поляне, словно сам воздух завыл, прощаясь с жизнью. Сет погас, погрузив округу в непроглядный мрак. И наступила могильная тишина.

Жизнь медленно возвращалась в тело, покалывая по коже иголочками нервов. Стали проявляться исчезнувшие до этого звезды и на их фоне, расплывчатый силуэт лица Бера, что-то беззвучно кричащего открывающимся неммым провалом рта. Пощечина сотрясла безвольно мотающуюся голову. Одна. Вторая. В пустые легкие вместе с криком и болью ворвался тягучий наполненный ароматом хвои, лесной воздух, и мир наполнился цветом и звуком.

— Ну наконец-то! — Зазвучал взволнованный голос друга, и Федор, со стоном, сел, вытянув ноги. — Ну и напугал ты нас, брат.

— Рассказывай скорее, что там было? — Шишок, мгновенно взобравшийся на плечо, задергал за ухо, с любопытством пытаюсь заглянуть в глаза. — Не томи, сторю от любопытства.

— Ужас там был. — Буркнул пересохшим ртом Федогран. — Попить дайте.

Одним глотком выпив половину протянутой медведем кожаной фляги, парень наконец ощутил, что жизнь возвращается в тело. Не торопясь, сделал еще один глоток.

— Давай. Скорее рассказывай. — Суетился Илька, топчась на плече. — Не тяни.

— Заткнись. — Рывкнул на него наш герой, и разжал ладонь, в которой должен был быть зажат цветок папоротника. Вздох разочарования сорвался с губ. Цветка не было. Он поднял виноватые глаза. Как же так? Столько пережить, пройти через ад, и ради чего. Жуткая обида на такую несправедливость сдавила грудь. Неужели все зря.

— Не смог? — Бер, толи задал вопрос, то ли констатировал факт. — Обидно.

— Я сорвал. — Федор, не отрываясь смотрел на пустую ладонь. — Я чувствовал его прикосновение. Оно как удар молнии. Я слышал его предсмертный крик. Почему... — Он не договорил и поднял глаза. — Почему его нет?

Случайно, краем глаза, он заметил в ночной темноте что-то необычное. Повернул голову. Так и есть, не померещилось. Толщиной с паутину, едва заметная сверкающая нить света убегала, прерываясь местами, в глубь леса. Осознание, что это такое, всколыхнуло уже отчаявшегося парня.

— У нас получилось, воскликнул он, и вскочил на ноги, едва не сбросив с плеча шишка. — Я вижу путь. Я знаю куда идти.

— А я не вижу. — С обидой в голосе заворчал, вцепившийся в рубаху на плече коротышка. — Не скачи так и не ори, я едва не упал.

— И я, тоже не вижу. — Завращал головой Бер, приглядываясь и щуря глаза. — Куда

смотреть-то? — Федор протянул руку. — Нет, всеравно ничего не вижу. Идти сам. Сможешь? Или тебя нести надо? — Он сказал это так, что стало совершенно понятно, что медведь готов взвалить на плече друга и нести столько, сколько понадобится.

— Смогу. — Уверенно мотнул головой Федор.

Здоровяк протянул руку, помогая подняться, и улыбнулся.

— Тогда веди.

Тонкая паутинка света, указывающая путь, не собиралась выбирать дороги ради комфортного путешествия. Она ныряла под поваленные деревья, перепрыгивала через колючие кустарники, перелетала через бурлящие ручьи, шла напрямую через болота, через чвакающую, пузырями топь.

В трясине едва не утонул Бер, которого, уже начавшего захлёбываться, вытащил с помощью срубленной неподалеку молодой березки Федор, но оступившись сам едва не провалился в воняющую сероводородом жижу.

Они шли всю ночь, ведя лошадей на поводу, и боясь потерять тонкую, светящуюся, едва пульсирующую нить из виду. Через лес, через степь, и снова через лес, через топь болот и снова в непроходимые чащи елового бурелома.

Наконец, когда край неба окрасился едва розовой ниткой восходящего, пробуждающегося от сна бога солнца — Ярила, след цветка папоротника привел их к самому подножью гор, к высокой отвесной, неприступной скале, на которую невозможно было подняться, но тут словно сжалившись над измученными путниками, мерцающий проводник провел их по козьей тропе в обход.

Мрачный зев черного провала пещеры в неприступном, взметнувшимся к небесам граните, открылся перед ними сразу за поворотом, за каменным завалом сошедшего недавно оползня. Первым нырнул Илька, но спустя мгновение, выскочил с выпученными от ужаса глазами.

— Они там! — Зачастил он, нервно оглядываясь назад. — Сидят разговаривают.

— Кто. — Спросил Бер недоуменно, с присущем ему невозмутимым видом посмотрев на шишка.

— Навьи, конечно, кто еще, там может быть, что тут непонятного. Они же клад охраняют.

— Ааа... — Протянул медведь. Так бы и говорил. — Он хрустнул позвонками, устало потянув спину. — Чего тогда раскричался-то? Мы вроде их и искали? Пойдем посмотрим, что это за навьи такие, а то много слышал о них сказок, а видеть еще не видывал. Интересно мне.

Он неторопливо протиснулся в лаз, цепляясь широкими плечами края холодного камня, и растворился в темноте пещеры. Шишок нырнул за ним следом, мотнув головой Федору, приглашая следовать за ними. Но тот спешить не стал. Кто его знает, что ждет внутри? Он, не торопясь поправил кольчугу, подтянул ремни шлема на подбородке, перевязав потуже узлы. Отвязал ножны, и отбросил в сторону обнажив меч, и только тогда последовал за друзьями.

Выеденная в граните временем, ветрами и водой дорога петляла тесной змеей в непроницаемой темноте. Ощупывая руками камень холодных и влажных, покрытых скользкой плесенью стен, осторожно переставляя ноги, наш герой продвигался вперед. Чем дальше он заходил, тем глубже могильный холод, проникал в душу, пытаясь заморозить сердце, тем сильнее холодный разум кричал: «Беги! Здесь живет смерть!». Но долг и честь

отогревали холод, и он шел вперед. Все глубже и глубже проникая в чрево горы. Тусклое пятно света за спиной давно скрылось за изгибом каменной кишки, оторвав нашего героя от действительности...

Но вот, за очередным поворотом, мелькнул еле заметный огонек, и тропа пошла резко под уклон, стало сразу заметно светлее. Вот он наконец, входит в сокровищницу Морены, охраняемую ее верными, неупокоенными душами. Федор кошачьим мягким шагом, так как учил его когда-то Яробуд, выставив изготовленный для атаки меч, ступил в освещаемый двумя факелами зал.

В мрачном склепе, с тающими в неизвестности невидимого свода стенами, стояли две девушки, а напротив них, с видом оглушенных от свалившегося на них счастья, двое его друзей, с открытыми ртами, и капающей из уголков губ слюной. Они влюбленными, пожирающими глазами, смотрели на объекты своей страсти, и покачивались, словно травинки на ветру.

Две рыжеволосые красавицы близняшки, с зелеными колдовскими глазами, яркими сочными губами, и острыми, слегка напоминающими клюв хищной птицы носами, совершенно не портящими их облик, встретили нашего героя обворожительными улыбками. Если бы не всплывший в ту же секунду в его памяти облик Алины, то он бы моментально влюбился сам, в эти волшебные, стройные создания, укутанные черными кожаными плащами. Это были нави — верные слуги богини смерти, и они его ждали.

— Вот наконец и пришел наш герой. — Словно песня соловья прозвучал голос одной из них. — Мы уже заждались, и истомились. Зачем ты прислал этих двух никчемных созданий нам с сестрой? Мы сегодня не голодны, один из забредших сюда охотников накормил нас. — Они синхронно кивнули куда-то в сторону, где, внезапно осветившись направленным лучом света факела, появился сидящий улыбающийся провалом отвисшей челюсти, скелет человека. — Но всеравно мы благодарны за заботу. Проходи, порадуй нас разговором.

Черные плащи, оказавшиеся перепончатыми крыльями, распахнулись, открыв уродливые, покрытые блестящей хитиновой кожей извивающиеся тела, опирающиеся на змеиные хвосты, и нежные, смотрящиеся здесь совсем не естественно, белоснежные женские руки, с ярко окрашенными в красный цвет, длинными ногтями на пальцах.

Сглотнув пересохшим горлом несуществующую слюну, Федогран, заговорил, пытаясь выглядеть уверенно.

— Вы ошиблись. Это не угощение. — Он указал на своих сводных братьев острием меча. — Это мои спутники. Мы вместе пришли сюда по следу цветка папоротника, за «Слезой Морены».

— Цветок выбрал тебя, и испытал именно тебя, а не их. И потому ты, а не они, оказался достоин попытать счастье стать обладателем сокровищ. Они же не смогли оторвать даже ноги от земли. Поэтому недостойны, и являются лишь кормом. Но мы видим, что они дороги тебе, и дадим шанс, спасти никчемные жизни. Но обо всем по порядку. Присаживайся.

Одна из них махнула крылом, и около Федора появился сгусток мрака, приобретя форму стула с высокой, ажурной подрагивавшей тьмой спинкой, а за спинами навий материализовались два сотканых из звездной ночи кресла, с мерцающими звездами. Они с достоинством опустились, наполовину утонув в тумане, и Федограну ничего не оставалось делать, как только последовать их примеру.

— Итак ты говоришь, что тебе нужна «Слеза Морены». — Они заговорили одновременно, слившись одинаковыми, убаюкивающими, грудными трелями в

божественном дуэте. — Но может ты ошибаешься? Это не искреннее твое желание, продиктованное сердцем? Подумай. Может это подлая Честь, виновница многих несчастий? Она всегда убивает последовавшего за ней, поверившего в правоту, героя, заставляет того поступать так, а не иначе. Не отвечай пока. — Остановили они, синхронно вскинув руки, его попытку возразить. — Сначала выслушай. Мы предложим тебе три варианта награды, а ты подумаешь и выберешь, причем две из них не требуют платы, но вот одна не сможет достаться просто так, ее надо будет заслужить.

Первая — самая простая и самая желанная для многих, кто сюда приходил. Ты получишь горы злата и самоцветов, будешь купаться в славе и почестях, наденешь на голову княжий венец. Тебе будут служить воеводы и сотники. Стать твоими женами и наложницами будут мечтать все красавицы этого мира. Ты проживешь спокойную, долгую и счастливую жизнь, купаясь в блаженстве. И, заметь, ничего за это платить не надо. Выбирай, это самый прекрасный вариант.

Второй, более сложный и менее привлекательный, но мы знаем, что для тебя он тоже ценен. Поэтому предлагаем. Ты возвращаешься назад, в свой мир, и навсегда забываешь, что тут произошло. Всех друзей и невесту, все невзгоды и трудности, произошедшие с тобой за последнее время. Все чем был наполнен этот год, проведенный в чуждом тебе мире. Ты сможешь снова целоваться в подъезде с Ленкой. Сможешь обнять маму, и поговорить с отцом. Вновь пойти в школу, и играть в свои, как ты их называешь, онлайн игрушки. И все это, заметь, не требует никакой платы. Думай хорошо. Второго шанса не будет.

И наконец третий, самый простой для нас, но требующий огромной платы с твоей стороны вариант. Это то, зачем ты сюда пришел, это сокровище, охраняемое нами в этой пещере — «Слеза Морень».

Что мы хотим за нее? Мы скажем, но только после того, как ты сделаешь выбор. Не торопись с ответом. Подумай, как следует. Взвесь все за и против. У тебя есть только одна попытка. Не упusti своего счастья.

Перед глазами Федограна всплыли по очереди две картины. Сначала тронный зал, с сидящим, утопающим в пуховых подушках, им самим. Одетым в бархатный красный халат, и такого же цвета юфтевые сапоги, и с бриллиантовой короной на голове. Два негра-раба махая опахалами доносят до блаженствующего в неге лица наполненный благовоньями воздух. Прекрасные девушки, в полупрозрачных накидках-хитонах на голое тело, извиваются в эротическом танце под божественную музыку флейты. Справа, сундук с откинутой массивной крышкой, наполненный золотом, слева, такой же с бриллиантами. Покой и умиротворение и осознание собственного величия, наполняют душу. Он вершит суд над своими вассалами, стоящими перед ним на коленях.

Картина неожиданно тает, меняясь, уходя бесцветной, подрагивающей дымкой, на другую.

Федор сидит на своем любимом стуле на колесиках, в наушниках, у мерцающего экрана ноутбука. Он самозабвенно сражается с кучей зомби, быстро двигая мышкой по коврику. В ушах звучит голос Ленки, с придыханием предлагающий встретится вечером в парке, под третьим фонарём на лавочке. В дверях улыбающаяся мама, вытирает мокрые руки полотенцем, он знает, что она пришла с кухни, где мыла посуду, а за ней грозящий пальцем отец. Такие родные, близкие люди, по которым он так скучает. Сердце сжала тоска по дому. Надо всего лишь захотеть, и он снова будут рядом с ними, в привычном уютном мирке.

Но картинка резко схлопывается новым видением: плачущей над бездыханным трупом

волка невесты. Угрюмые лица названных друзей...

Морок проходит.

— Я выбираю третий вариант. — Он резко встает со стула. — И еще. Честь не может быть подлой. Моя честь, это в первую очередь моя совесть. Я не смогу жить осознавая, что за мое счастье заплатил жизнью друг. Я выбираю третий вариант.

— Хорошо. — Склонили головы навьи, принимая выбор. — Мы готовы озвучить плату за «Слезу Морены»:

— У нас есть две сестры, заплутавшие в поисках перехода через кромку, две страдающих души. Одна, из них живет в березовой роще в одном дне пути от сюда. Это мавка Березения (лесной дух), вторая русалка Сола, которая живет в хрустальном озере, что на пути в дикие земли. Найди их, навести, и помоги избавиться от зла, которое терзает им душу и не дает спокойно жить. Затем возвращайся за наградой.

Твои друзья подождут тебя здесь, у нас в гостях. Им сейчас хорошо, не стоит беспокоить. Ну а если ты сбежишь и не вернешься, то у нас будет чем за трапезой помянуть несостоявшегося богатыря.

Ну а чтобы тебе было полегче, и чтобы не плутал по пути, вот тебе спутник-проводник, Коломрак, он доведет тебя кротчайшим путем до самого нужного места, и заодно с сестрами нашими познакомит, посоветует иногда, да и проследит, чтобы ты одумался и сбежал.

У ног Федора закрутился сгусток мрака, размером с футбольный мяч. В нем открылись красные глаза и бесцветный, безгубый рот.

— Зови меня Мор. — Произнес тот хриплым злым голосом. — Я только для друзей Коломрак, а с тобой мы не знакомы.

— Не бухти, старый слуга тьмы. — Прервали его навьи одновременно. — Этот богатырь заинтересовал нашу богиню, и это ее воля, послать тебя с ним. Исполни. — Их голос наполнился холодом и властностью, а глаза сверкнули гневом.

— Слова богини закон для меня. — Смягчился его голос, но глаза стрельнули пламенем. — Он будет доставлен до места в кротчайшие сроки. Что с ним буде дальше не моя забота. Я лишь сторонний наблюдатель?

— Нет. — Закачали головами навьи. — Вы пройдете весь путь до конца, какой бы он не был. Идите. — они махнули синхронно крыльями, оканчивая разговор, но, когда Федогран уже почти скрылся в черном зеве пещеры, их слова ударили в спину раскаленным кинжалом. — Но помни воин, твои друзья не протянут долго без пищи и воды, а тут нет прислуги, чтобы ухаживать за ними.

После мрака пещеры, свобода ослепила героя ярким светом полоснув по глазам, а насыщенный ароматами горный воздух опьянил закружившуюся в одночасье голову.

Федор спутал ноги кобылы Бера, чтобы она не убежала, прицепил на пояс ножны, вложив в них меч, подтянул ослабленные подпруги Чепрака, и вскочил в седло, хлопнув по передней луке ладонью, приглашая навязанного себе проводника устраиваться рядом.

Тот усмехнулся бесцветным ртом.

— Этот конь слишком медленен для меня. Я прогуляюсь не торопясь пешком. Ты только не отставай.

Он закрутился мраком, и внезапно резко сорвался с места, покотившись по тропе вниз оставляя после себя тающий на солнце, черный туман. Пришлось Федору включаться в гонку, посылая лошадь в галоп, и надеяться, что та не слетит на одном из поворотов в пропасть.

Очень быстро они вылетели к подножью гор, и понеслись по долине. Чепрак хрипел, покрывшись пеной, но не сбавлял темп. Только когда он споткнулся, Федор остановил коня и спрыгнул на землю. Скрывшийся за горизонтом в это мгновение Коломрак, внезапно вернулся материализовавшись сгустком мрака у его ног.

— Утомилась лошадка? — Ехидно прохрипел он.

Федор не ответил, даже не посмотрел в его сторону протирая сорванным пучком травы мокрую шкуру друга.

— Ну-ну. — Засмеялся проводник. — Братья могут и подождать, пока ты нянькаешься со своей зверушкой.

Он как-то очень резко вдруг замолчал и зашипел, словно закипающий чайник. Федогран обернулся и замер от увиденного. Мор бурлил клубящимся мраком и таял. Причиной этому был тонкий, видимый невооруженным глазом луч ярко-желтого цвета, исходящий прямо из солнца и воткнувшийся в проводника. Еще мгновение, и от того останется лишь грязная лужица. Кто тогда покажет нашему герою дорогу к сестрам?

Решение пришло мгновенно Федогран прыгнул, закрыв грудью, словно щитом спутника.

Глава 25 Аспид

Луч света ударил легким ожогом в грудь, и это не фигуральное выражение. Федогран действительно ощутил, и острую резкую боль и сильный толчок в солнечное сплетение. Что бы не упасть, он сделал шаг назад. В глазах потемнело, перехватило дыхание. Собрав волю в кулак, парень выхватил меч, и готовясь отражать нападение, слегка согнул для устойчивости ноги в коленях, и сосредоточился. Но атаки не последовало.

Напротив него, из, словно обрезанного, солнечного луча, вышла высокая стройная девушка, в своеобразном греческом хитоне, едва прикрывающим колени. Переливаясь радугами весеннего ливня, полупрозрачная красавица обиженно надув губки, внимательно, оценивающе осмотрела парня с ног до головы сиянием томных глаз, гордо вскинула упрямый подбородок, махнув искрами золотых кудрей, рассыпавшихся по плечам, и заговорила грудным красивым голосом, произнося слова, по слогам, словно первоклассник, читающий книгу.

— Как смел ты смертный, остановить меня, дочь бога, Инглию (дочь бога солнца, Ярило). Отойди, и не мешай мне уничтожить этот сгусток тьмы. Я охочусь за ним уже сто пятьдесят шесть лет, и вот, когда уже практически добиваюсь цели, появляешься ты, и вмешиваешься, спасая это порождение мрака. Уйди с дороги.

Федогран упрямо мотнул головой и крепче сжал меч.

— Что?! — Из глаз дочери бога вырвались лучи направленного в лицо Федограна света, ослепив парня. Губы сжались в зловещую нитку. Сейчас она ударит всей своей божественной мощью, сметя это упрямое препятствие на пути к цели.

— Я не могу позволить тебе его убить. Он единственный, кто может мне помочь спасти друзей. — Сощурившись, воин упрямо сдвинул брови к переносице и выставил меч острием в грудь девушки. — Тебе придется сначала убить меня.

— Убить тебя? Это очень легко сделать. — Она рассмеялась так, что у Федора по спине побежали мурашки. — Но будет несправедливо, сжечь яростью того, кого обманули! Тьма никогда не помогает, она на это не способна. Ты слишком доверчив, воин. Отойди в сторону, и не мешай. Тебе приказывает богиня. — Девушка сделала шаг вперед коснувшись грудью жала меча, которое от этого прикосновения полыхнуло пламенем, но не расплавилось, а впитало божественный огонь в себя словно губка. — Инглия недоуменно опустила глаза на оставшимся целым оружие, и вновь подняла, посмотрев растерянно в лицо нашего героя. — Кто ты Богатырь?

Ответить Федогран не успел.

— Ты опять своевольничаешь, несносная девчонка. — Шкворчащий, словно на разогретой сковородке, голос прозвучал неожиданно громко, сразу со всех сторон, словно само пространство заговорило, со стоящими напротив друг друга противниками. За спиной Федора заскулил Коломрак:

— Это конец.

— Отец. — Девушка подняла к небу голову. — Я поймала Мора, а этот смертный не дает его убить.

— Ты снова вмешиваешься в жизнь мира Яви, нарушая баланс, и раскачивая кромку. — Зашипел раздражением голос. — В последний раз такой поступок привел к жесточайшей войне на земле, и ссоре богов. Если ты не уймешься, мне придется наказать тебя и запереть

на пару веков в черной материи. Не зли меня дочь.

Этот богатырь делает то, что еще никогда не делал ни один смертный. Он соединяет все три разделенных кромкой сущности Яви, Нави и Прави, в единую нитью своей судьбы. Ему благодворят все боги и духи, в которых еще остались ценности этой вселенной, завещанные самим создателем мироздания — Родом. Его поддерживают и Морена, и Перун, и Яровит, и даже я — Ярило. На него возложены все наши надежды. Не смей мешать ему на пути.

— Но отец!

— Я все сказал. Немедленно возвращайся, я с тобой поговорю в чертогах, нечего тешить уши смертным нашей ссорой. — Девушка недовольно фыркнула, и мгновенно исчезла, став лучом света. Она беззвучно унеслась к солнцу, растворившись в сиянии, словно ее и не было никогда.

— Фух. — Выдохнул сзади облегченный вздох. — Я думал это конец, и что меня сейчас развоплотят. — Колобок мрака беззвучно выкатился вперед, и посмотрел в глаза Федора. — Я понимаю, что ты это сделал не из дружеских чувств, и уж тем более, из-за любви ко мне, но все равно спасибо. Отныне я твой должник.

Федор вытер пот со лба, внимательно рассмотрел изменившийся меч, в котором, словно под стеклом, бушевало пламя, осторожно коснулся его, ожидая ожога, но почувствовал лишь могильный холод, вложил в ножны и взял Чепрака под уздцы. Постоял немного задумавшись, и неторопливо повернулся к Коломраку.

Тот с затаенной надеждой следил за его действиями немигающим взглядом. Он видимо ожидал радостной реакции, от парня: «Как же, сам представитель тьмы теперь ему должен». Но не дождался, лицо парня не выражало никаких чувств, словно ничего и не произошло, словно не было сверкающей богини, не было противостояния с ней и голоса самого солнца из великого «неоткуда». Ответ его прозвучал спокойно и устало:

— Я не верю тебе, Мор. Не сотрясай просто так воздух пустыми клятвами. Показывай, куда надо идти. У меня нет времени. — Он отвернулся и пошел прочь от застывшего в недоумении кромочника. Тот подождал немного, и словно очнувшись, догнал воина и молча покатился рядом у ног, уже не убегая вперед, и лишь показывая направление.

Ближе к вечеру пришли в березовую рощу. Светлый воздушный лес, на фоне медленно темнеющих гор, белые мерно покачивающиеся от легкого, теплого, летнего ветерка стволы деревьев, все вроде бы как обычно, но что-то не так. Скорбь чувствуется в идеалистической картине. Тревога витает в воздухе. Федор почувствовал это сразу. Такого с ним никогда еще не было. Что-то изменилось в последнее время. Изменилось само восприятие им окружающего мира. Он не понимал, что это такое, пытался разобраться, копаясь в душе, но ничего не получалось. Он с тревогой огляделся.

— Что?.. Чувствуешь?.. — Усмехнулся Коломрак. — На то ты и богатырь — человек с богом в душе, с триединым, в сущности. Это только вы людишки думаете, что богатырь, это только воин сильный да непобедимый, мышцей могучей-наделенный, а на самом то деле богатырь — это тот, кто видит истину, кто бога чувствует, в этом его главная сила и мощь. Поймешь еще, что к чему. А сейчас иди в глубь рощи, и позови мавку, скажи ей, что от сестер привет привез, и что в беде ее помочь сможешь. Да коня тут оставь, без надобности он там. Только нервничать будет да мешать.

Федор привязал Чепрака к ближайшему дереву, и пошел. С каждым шагом напряжение росло, появилось легкое ощущение тревоги, но не его, кого-то другого, невидимого, оно витало в воздухе, и нарастало все сильнее и сильнее, чем дальше он заходил в лес. Когда это

чувство стало невыносимым он позвал.

— Березения. Я привез тебе вести от сестер, они беспокоятся. Они прислали меня, чтобы я помог в твоей беде. Выйди, поговори со мной.

Легкий ветерок, словно вздох пронесся по кронам, воздух задрожал, пробежав мелкой рябью, и из ствола, напротив, вышла девушка с грустными голубыми глазами. Материализовалась легким облачком из белоснежного дерева. Изможденное лицо и капельки слез, с слегка зеленоватым отливом, в уголках глаз, будто кричавшие о ее горе застыли на длинных светлых ресницах. Легкая полупрозрачная шаль, прикрывающая белоснежное обнаженное тело, слегка колыхалось на ветру, играя крапинками березового рисунка, а неуложенные пряди белокурых волос, спадающих на оголенные плечи, придавали аристократическому лицу своеобразный шарм домашнего уюта и ласки. Она была прекрасна.

— Кто ты, богатырь, сумевший поговорить с навьи и остаться в живых? — Голос ее прозвучал трелью весеннего ручейка. — Сестры никого не выпускают из своей пещеры, они озлоблены на этот мир.

— Я Федогран. Мне нужна «Слеза Морены», которую охраняют твои сестры, и еще, у них в заложниках остались мои друзья. Я должен выполнить требование твоих сестер: «Помочь тебе», чтобы получить, то, что ищу, и освободить дорогих мне людей.

— Помочь? — Она задумалась и горько вздохнула, смахнув слезу. — Тебе не справиться с «Червем Сумрака», подтачивающим мои корни.

— Почему бы не попробовать? Нельзя же вот так вот сразу опускать руки.

— Ты просто погибнешь.

— Я уже столько раз умирал, в последнее время, что привык к этому. Один раз больше, один меньше, да и выбора у меня нет. Или, попробовать помочь тебе, или уйти, и всю жизнь мучаться позором, осознавая, что мог спасти друзей, но струсил и сбежал. — Он улыбнулся, и она улыбнулась в ответ. — Можно нескромный вопрос? — Березения кивнула. — Почему вы такие разные с сестрами?

Она задумалась, внимательно посмотрела ему в глаза, вздохнула, видимо споря внутри себя со своими сомнениями:

— Почему бы, собственно, нет. — Прозвучал ее грустный голос.

— Мы жили в одном горном селении на краю высокого водопада, роняющего свои вода на острые отточенные временем скалы. Четыре сестры, рожденные в один день. Две черноволосые близняшки Наина и Полуна, и две их полные противоположности белокурые Сола и я — Березения. Четыре противоположности. В нашей деревне коров водил на пастбище молодой статный парень Лель. Он всегда проходил мимо нашего дома, и надо же было такому случиться, что мы, четыре сестры влюбились в него одновременно. Это было какое-то наваждение. Мы, как дуры, лезли из кожи, пытаясь привлечь его внимание, соревновались в нарядах, в прическах, даже дрались друг с другом, споря, кто из нас краше. Но он не обращал на нас никакого внимания. Он любил другую — приемную дочку кузнеца Снегуру.

У них все шло к свадьбе, а мы бесились от осознания этого, и ненавидели все сильнее и сильнее соперницу. Кому пришло первой в голову мысль обратиться к ведьме я уже не помню, такое ощущение, что мы одновременно высказали такое предложение, и одновременно его поддержали. Ягира словно знала о наших намерениях заранее, и встретила нас на пороге своей избы с нескрываемой злорадной улыбкой на губах. Она пригласила нас в дом, заботливо напоила чаем, внимательно выслушала кивая головой и сочувствуя, дала

маленький кулечек, с порошком без запаха и вкуса. Рассказала, что это отворотное зелье, которое надо подмешать в чарку невесты с обрядовым медом, который та должна выпить, перед тем как сказать жениху заветное: «Да» и стать перед богами и людьми его законной женой. Выпив зелье, девушка обязательно откажет парню, а тот в отместку немедленно выберет одну из нас и тут же возьмет в жены. Какие же мы были дуры.

Незаметно подмешав в чарку порошок, мы заняли первые места в свадебной процессии, и стали ждать результата, сгорая от нетерпения, и поглядывая друг на друга с нескрываемым превосходством, думая, что сейчас отвергнутый жених выберет именно ее.

И вот этот момент наступил. Волхв, восхвалив Ладу покровительницу семьи и детей, протянул чашу Снегурке. Та поклонилась ему в ноги, согласно древнего ритуала, взяла чашу, улыбнулась жениху, и сделала глоток. Мы перестали дышать в ожидании, но она не отказалась от замужества, она умерла, упала на землю, а ей на грудь рухнул, рыдая Лель, и тоже затих. Сердце парня не выдержало, слишком сильна была его любовь.

— Я слышал совсем другую историю о Снегурочке. — Задумчиво произнес Федор, когда девушка прервала рассказ.

— Людям свойственно искажать правду. — Горько вздохнула она и продолжила:

— Мы в ужасе осознали, что только, что натворили своей злобной ревностью, и бросились бежать, заламывая в отчаянье руки. Первой с обрыва прыгнула Наина с криком: «Я не хочу с этим жить!», и мы последовали за ней, решив, что такая смерть нам поможет оправдаться перед богами и людьми, за глупость, которую мы совершили. Но мы снова ошиблись. Нас не пустили в Навь, через Калинов мост, и наши души остались у кромки неприкаянными. Нам нет пути в мир смерти и нет возможности вернуться назад.

Близняшек подобрала Морена, сделав своими слугами, а меня с Солой богиня добра и женского счастья Мокошь, сделав берегинями. С тех пор мы по разные стороны добра и зла, но не перестали, от этого, быть сестрами, и волнуемся друг за друга. Мы никогда не сможем больше объединиться и нам нет прощений за совершённое по глупости преступление. Ведь мы не просто убили девушку и парня, мы убили саму любовь.

Она смахнула слезу и замолчала.

— Теперь же еще одна напасть свалилась на меня. Видимо боги считают, что я недостаточно страдаю. Этот червяк, Аспид, не просто подрывает мои корни, он выедает мне душу.

Мавка заплакала, прикрыв глаза краем шали. Грудь Федограна сдавило от жалости к обманутой девушке, и злости к подлой Ягире, которая и ему принесла немало бед.

— Я помогу тебе. — С юношеской горячностью воскликнул он, выхватывая вспыхнувший огнем ярости меч. — Где найти Аспида??!

Она с надеждой посмотрела ему в глаза.

— Он в пещере, в центре рощи, он все время там спит, когда не занят капанием ходов под лесом или не летает по округе. Ты без труда его найдешь. Иди все время прямо, пока не увидишь гору свежевскопанной глины. Это и будет его логово.

— Он еще и летает???

— Конечно, он же Аспид, крылатый червь. Для чего же ему боги крылья сотворили?

Найти логово действительно не составило труда. Огромная гора свежей, шевелящейся, словно живой, глиной, из-под которой раздавалось довольное сопение. Федогран обошел кучу по кругу, и остановился задумавшись. Лезть наверх было бы огромной глупостью, надо вытаскивать это чудище на свет, а дальше... Что будет потом он совершенно не представлял,

так как не знал кто ему будет противостоять. Призвав в помощники бога-Авось, он крикнул, первое, что пришло в голову:

— Есть кто дома!

Гора вздрогнула и затхла, затем вновь зашевелилась и раскидав глину высунулась огромная темно-коричневая птичья морда, со здоровенным клювом тукана, красного цвета с желтой каемкой по краю своеобразных губ. Темно-зеленый глаз, моргнув поперек зрачка кожаным веком, внимательно уставился на гостя:

— Ты кто такой? — Каркающий голос неприятно резанул по ушам. — Что надо?

— Я Федогран, и хочу, чтобы ты убрался отсюда по-хорошему, оставил в покое мавку. Вот и все.

Голова по птичьей, забавно склонилась, сверкнув черным зрачком, повернулась другим боком, и вдруг рассмеялась так, что закачались кроны берез.

— Каков наглец! Пришел, разбудил и требует невыполнимого! Меня Аспида поучает что делать! Личинка указывает крылатому созданию богов, как тому поступать. Придется проучить.

Комья глины взорвались, осыпав Федора землей и в небо взлетел монстр. Тот, кто дал ему название червь, был большой шутник. Чешуйчатое вытянутое тело, словно с картинки изображающего дракона, огромные красные перепончатые крылья гипертрофированной летучей мыши, и синие четыре черепаши лапы.

Поднявшись высоко в небо, и сделав в воздухе кувырок через голову, Аспид камнем кинулся вниз, сложив крылья.

— Ну давай повоюем, попугай переросток. — Подбодрил себя усмешкой Федогран.

Огромный красный клюв обиженно щелкнул, в том месте, где мгновение назад была голова. Воин перекатом ушел в сторону невредимым и рубанул полыхающим мечем по пролетающему в ураганном потоке воздуха, петушину хвосту чудовища. Раздался разочарованное промахом клокотание, и на землю упали пылающие перья.

Аспид вновь поднялся высоко в небо и вновь пошел в атаку, прищурился в ненависти глаза. И вновь промах, и вновь обгоревшие перья на земле, разочарованный клокот и третья попытка. Вновь безуспешно. Ловкий юноша не позволил мощному клюву нанести смертельный удар, и на этот раз жуткий пылающий меч распорол еще и синюю лапу, брызнув кислотной зеленой жижой. Вот тут червь испугался. Четвертое его падение из-под облаков закончилось в куче глины, где, ввинтившись в сырую пещеру, словно шуруп в мягкую древесину, он с чваканьем скрылся из глаз.

— Нет! Не уйдешь закричал богатырь и прыгнул следом в темный зев провала, размахивая пылающим мечем, словно факелом.

Глава 26 Перевал

Пылающего меча, вполне хватало, для освещения мрачного тоннеля, пробитого крылатым змеем. Сырые, изрезанные трещинами сдвинутых пластов красной глины, своды, в свете языков огня казались измазанными кровью. Свисающие, порванные нечеловеческой силой корни деревьев словно исковерканные кости рук с истерзанными кистями, тянущиеся в безголосой мольбе о помощи. Гулкие капли падающей воды в полной тишине, как страдающие удары умирающего сердца, бьют по нервам.

Оказавшись в такой жуткой обстановке, способной привести в суеверный трепет любого человека, Федогран не растерялся. Он решил, что торопится не стоит: «Спешка приводит к глупым действиям. Надо все делать быстро, но с холодным рассудком, без суеты и нервозности», — вспомнил он слова Яробуда.

Медленно, по кошачьи переставляя ноги, он пошел вперед, отодвигая мечем, свешивающиеся у него на пути обрывки корней, и внимательно прислушиваясь, к любому шороху, что впереди, что сзади себя. Еще одно, новое, незнакомое чувство, помогало нашему герою. Это не воспринимаемая в нашем мире серьезно, игнорируемая всеми научными сообществами — интуиция. Это непривычное чувство очень сильно, в последнее время выросло в Федогране, гармонично сплетясь с другими способами восприятия мира. Оно еще было очень слабо, его нужно еще было растить и лелеять, но оно существовало, и помогало в поисках врага.

Тоннель уходил все дальше и дальше. Он не углублялся и не поднимался уровнями, он шел ровно, но разветвлялся замысловатыми лабиринтами, практически на каждом шагу. То с лева, то справа зиял черный провал очередного хода, из которого, в любой момент враг мог нанести неожиданный, закончивший бы все противостояние, смертельный удар. Поэтому приходилось двигаться очень внимательно. Присматриваясь, прислушиваясь и даже приносясь подчас. Рисковать Федор не имел права. Его жизнь теперь принадлежала не только ему, и он это прекрасно осознавал. От него зависит и судьба друзей. Один из них умирает, а два в заложниках у навьи. Ему нельзя ошибаться.

Первую попытку атаки враг предпринял на одном из ответвлений тоннеля. Он выскочил сзади неожиданно из только что пройденного прохода, громко заклекотав, и зацелкав клювом, попытался ударить в спину. Слишком громко получилось, и это была ошибка, Федор успел развернуться и выставить перед собой меч. Аспид, надо отдать ему должное, не кинулся в смертельную атаку, а резко остановился и развернувшись, метнулся назад в провал тоннеля, где исчез в темноте. Богатырь не стал преследовать. Это было бесполезно. Крылатый червь у себя дома и прекрасно ориентируется в лабиринтах, а вот Федор не знает тут ничего, и может наделать ошибок, поэтому он медленно двинулся дальше, еще сильнее усилив внимание.

Началась смертельная схватка нервов. Проиграет тот, кто совершит всего лишь одну промашку, тот кто не справится с напряжением. Один необдуманый шаг, и кто-то из них навсегда останется гнить под землей. Одно суетливое, поспешное действие и смерть навсегда остановит сердце одного из двух, противостоящих друг другу соперников.

Очередная попытка Аспида, и снова шумная и потому неопасная, богатырь успевает развернуться и резко взмахнув мечем нанести небольшую рану, по вытянутому в злобном стремлении: «порвать соперника», клюву. Но враг быстр и ловок. он вновь скрывается в

темноте. Вновь медленное продвижение вперед. Нервы напряжены словно струны, и вот-вот готовы лопнуть безрассудством. Пот заливает глаза. Мышцы ноют от напряжения, их сводит болезненными спазмами, но Федогран упорно идет вперед.

Он учел все прошлые ошибки. Он двигался абсолютно бесшумно, аккуратно переставляя короткие черепахи ноги. Ни одна песчинка не посмеет скрипнуть под ногой хозяина подземелья, ни один свисающий с потолка корешок не коснется его змеино-го, ловкого тела. Он практически не дышит. «Он сейчас подкрадется, и одним быстрым ударом покончит с этой досаждающей ему личинкой, а потом поднимется и уничтожит березовую рощу, и эту мерзкую мавку, посмевшую послать к нему этого смертельно опасного врага», Аспид улыбнулся своим мыслям и прыгнул в предвкушении победы.

Интуиция помогла. Федогран почувствовал приближение червя. Медленно крадущийся монстр приближается сзади. Спешить нельзя, пусть думает, что про него не знают, пусть подойдет поближе, короткая схватка нервов закончится смертью одного из них. Федор должен выдержать. Он готов к этому. Он сможет. Пора.

Быстрый и резкий разворот тела с легким приседанием на правую ногу. Птичьи испуганные кошачьи зрачки в сантиметре от глаз, короткий от плеча, взмах огненного клинка, и струя зеленой крови в лицо заливает с ног до головы из обезглавленной шеи. Уродливая голова падает около ног, а Федор, в изнеможении садится рядом, устало сползая по осыпающейся стене на землю, прямо в раскисшую зеленую жижей глину. Плевать на все. Сил нет. Он закрывает глаза, и откидывается на стенку тоннеля, положив меч рядом. Ему нужно немного времени. Ему нужно успокоить нервы, унять пробегающую волнами, выходящего адреналина, дрожь в теле, и просто отдохнуть.

Назад он шел долго, петляя по глиняным лабиринтам, и опять ему помогла интуиция, данная ему в помощь богами. Только с ее помощью он смог распутать эти нескончаемые кружева бесконечных мрачных ходов, и наконец увидеть долгожданный свет.

Грязный, с впалыми от усталости глазами, с заплетающимися от усталости ватными ногами, он подошел ранним утром к той самой березе, где пообещал мавке помощь. Целую ночь длилась схватка и поиск выхода. Бессонная ночь натянутых струной нервов.

— Он больше не будет тебя беспокоить. — Федогран швырнул птичью голову. Та, шурша перьями, прокатилась по траве, и ударившись о дерево раскрытым клювом с вывалившимся толстым синим языком, замерла уставившись в наливающееся рассветом небо остекленевшими глазами, словно моля о прощении богов. — Я убил его. — Он устало опустился на землю и сел, вытянув ноги. Апатия навалилась на плечи невыносимо тяжелым грузом. Глаза начали сами собой закрываться: — Я немного полежу. — Прозвучал его тихий голос, и глубокий сон, наконец победил волю героя, своей ласковой и нежной силой сомкнув воспаленные веки.

— Не смей будить его. — Были первые услышанные нашим героем сквозь дрему слова, голос пытался греметь грозно, но нежные девичьи интонации в нем звучали слишком ласково. — Пусть поспит до утра еще есть время. Нечего в потемках блуждать. Успеете.

— Он вряд ли обрадуется такой задержке. — Этого собеседника Федогран узнал сразу, скрежетание Мора нельзя было ни с чем спутать. — Нам надо двигаться дальше, впереди у нас еще русалка и хрустальное озеро, путь не близкий по перевалу на другую сторону горы через ущелье... — Он осекся заметив, что спящий открыл глаза. — Ну ты и «дрыхнуть», сутки почитай, как мертвый. Тяжело видать тебе победа над Аспидом досталась. — В голосе сгустка мрака прозвучало уважение. — Поднимайся, тут тебе благодарные жители рощи

завтрак приготовили. Можешь у ручья умыться, полегче станет, потом поснедаешь, и дальше тронемся.

Прямо на траве, на опушке рощи, Федора ждал накрытый на расстеленной, белоснежной в темную крапинку, словно кора березы, скатертью, вегетарианский стол. Но не количество ни состав представленных тут блюд впечатляли, а то, кто всем этим его угощал. Белки, расхваливали, стрекоча без передышки, принесенные ими орехи, зайцы хвастались какими-то корешками, очень похожими на морковь, только желтого цвета, они ее даже умудрились отмыть в ручье, где еще недавно сам герой смывал с себя грязь, а рой пчел, надрывно гудя притащил небольшой бочонок густого, тягучего меда, с вкусом лета.

В берестяную кружку, сидящая напротив, улыбающаяся Березения наливала молоко, а смущенная лосиха отводила глаза в сторону, стесняясь расхваливающей ее девушки, делая вид, что она тут совсем не причем. И всех их Федогран понимал. Нет, он не различал отдельных фраз и слов, но он интуитивно улавливал саму суть разговора.

Он уже перестал удивляться происходящим с ним переменам, воспринимая это как данность. Видимо боги действительно помогали ему. Они ведь в этом мире были реальными, с ними можно было поговорить, договориться даже поспорить, как это делал с Перуном Чашун, и это не воспринималось никем, как что-то сверхъестественное.

Сколько всего неожиданного и нереального с ним произошло за это время. Боги, духи, какие-то кромочники. Голова идет кругом от чудес, окружающих нашего героя в этом забытом в веках, доисторическом мире, ставшим ему теперь родным.

Когда солнце окончательно взошло на небосклон, отмытый в ледяном ручье, до хруста кожи, накормленный до отвала зверьми и мавкой дарами леса воин оседлал Чепрака. Склонив голову в благодарственном поклоне, он уже хотел было запрыгнуть в седло, но был остановлен девушкой.

— Не торопись богатырь, хочу я одарить тебя, в благодарность за освобождения от напасти. Прими вот этот плащ. — Она развернула сверток, который все время держала в руках. — Он спасет тебя от зноя, в летнюю жару, от ливня, в непогоду, и от холода в стужу. Но самое главное, он сможет скрыть тебя от врага, когда это понадобится. Другого такого в этом мире нет, он единственный, изготовленный самой Мокошью, моей покровительницей. — Она накинула белоснежный воздушный плащ из незнакомого нетканого материала, на плечи Федограна. — Более достойного воина я не знаю, которого бы было достойно это чудо божественного промысла. Носи его с честью. — Слеза скатилась по щеке девушки, и она растаяла легкой рябью в дуновении теплого ветра. Словно и не было.

К полдню они с Коломраком пересекли степь и углубились в долину двугорбой горы, попирающей своими двумя заснеженными вершинами, близнецами, небосклон. По мере того, как путники поднимались выше по склону, который с каждым шагом становился все круче, лощина сужалась, превращаясь постепенно в скалистое ущелье, а ветер усиливался, и все чаще внезапными порывами пытался сбить с ног. Чепрака Федогран уже давно вел под уздцы, потому что конь мог повредить на скользких камнях ноги.

Снег, сначала легкой наледью, а потом все увереннее накрывал камни, и вот уже сплошным покровом устелил всю округу, слепя, на ярком солнце, до рези, глаза бликами. Федор, про себя благодарил Березению, за столь щедрый подарок. Легкий, практически воздушный плащ, не пропускал ледяные порывы ветра, и грел, завернутого в него парня не хуже мехового тулупа. Тьма застала их на самом верху, и заночевать пришлось в сугробе, наметенном между двух камней, о костре не приходилось говорить, из-за полного

отсутствия дров.

Проснулся Федогран от неприятного ощущения, что кто-то на него смотрит. Осознание происходящего было мгновенным. Богатырь резким толчком плеч, оторвался от земли в высоком прыжке, и когда ноги коснулись земли, в руках его уже пылал, разгоняя мрак ночи заревом пламени, меч.

Вокруг стояли высокие, мускулистые люди, с направленными на него наконечниками копий. На одном из камней сложив руки на груди, сидел воин, и внимательно разглядывал юношу умными карими глазами из-под густых бровей. Длинные светлые волосы до плеч, развиваясь от порывов ледяного ветра, обрамляли скуластое красивое лицо, с аккуратно постриженной бородой.

Несмотря на пронизывающий холод, он был одет только в кожаные черные штаны. Мускулистое, бронзовое от загара, покрытое белесыми следами застарелых шрамов тело, играло узлами мышц при каждом движении, готового в одну секунду сорваться в стремительной атаке воина.

— Кто ты, юноша? — Прозвучал приятный спокойный баритон его голоса.

— Кто вы? И почему напали на спящих путников? — Федогран решил не отвечать на вопрос, посчитав что оправдываться ему не в чем, и спросил в ответ сам. Словно ответив ударом на удар.

— Однако ты смел. — Рассмеялся собеседник. — Я уважаю смелость, если, конечно, это не глупость. Они так похожи, эти две сестры человеческого поведения. Я, пожалуй, отвечу тебе на вопрос. Но и ответ твой должен быть искренним. — Он легко, по кошачьи спрыгнул с камня и встал перед Федограном, практически уперевшись в мерцающий меч кубиками пресса. Возвысившись на целую голову, он посмотрел уверенным взглядом прямо в глаза. Широкие плечи, узкие бедра, все говорило о его огромной силе и ловкости. — Мы племя Дивь. Хранители горных пещер. Воины и кузнецы, и мы на вас не нападали, а лишь пришли спросить. Кто вы такие?

— Странная у вас манера знакомится, наставляя на гостей оружие. — Усмехнулся Федор, внимательно прислушиваясь к своим внутренним ощущениям, и оценивая боковым зрением обстановку.

Стоящий напротив воин рассмеялся и махнул рукой. Копья, нацеленные на путников, мгновенно опустились вниз, а кольцо окружения, рассыпалось на отдельных улыбающихся людей.

— Ты не ответил на мой вопрос?

— Я Федогран, ратник из дружины Новгора.

— Ты хотел сказать: «Новик»?

— Я сказал, то что хотел. — Огрызнулся парень, которому очень не нравился разговор с неизвестными людьми, больше похожий на допрос.

— Даже так? — Задумался собеседник. — Хотя плащ Мокоши и силу Ярило в мече, просто так не разбрасывают. Это дары светлых богов их невозможно ни украсть, ни подарить. Значит ты на стороне света. Объясни мне тогда путник, что здесь делает сгусток тьмы. — Палец воина указал на спрятавшегося за ноги Федора Коломрака.

— Какое это имеет к вам отношение. — Вновь ответил вопросом на вопрос наш герой, заслоня собой попутчика.

— Прямое. — Внезапно рявкнул собеседник со злостью, и копья вновь нацелились в грудь. — Один из таких вот прихвостней тьмы, захватил вход в пещеру с кузницей, и не

пускает туда никого. Или вы скажете, что не знаете Баш Челика (сербский мифический персонаж)?

Федогран пожал плечами, давая понять, что действительно не понимает, о чем его спрашивают.

— Знаю я этого отступника. — Закряхтел, выглядывая из-под ноги, Мор. — Он больше не подчиняется Морене, он ее предал. Попытался выкрасть посох смерти, а когда не получилось, то сбежал. У него теперь новый хозяин. Кто? Никто не знает. Мир меняется, ты наверняка сам это замечаешь, и почему это происходит я не знаю. Мы не имеем к вашим бедам никакого отношения. Пропусти нас вниз, в долину, дела у нас там срочные. Спешим мы.

— Я не верю тебе, создание лжи.

— Мне нечем тебя убедить. Но посмотри на Федограна. Его не просто так одарили боги. Они от него что-то ждут, и будут очень недовольны, если кто-то помешает их планам.

— Если ты прав и не имеешь никакого отношения к Баш Челику, а юноша и правда избранник богов, то помогите самым древним людям этого мира избавиться от напасти. Изгоните великана. Освободите проход в кузню, и мы проведем вас в долину.

— Это больше похоже на шантаж, чем на просьбу. — В голосе Федограна загремела сталь.

— Не воспринимайте это так. — Он опустил глаза. И стало видно, что ему непривычно оправдываться и просить. — Когда мы увидели плащ богини, то подумали, что сама Мокошь откликнулась на наши молитвы и явилась на помощь. Но когда пришли с дарами, то оказалось, что божественная вещь на плечах у какого-то парня, который спит в обнимку с посланником тьмы. Это какое-то объединение несовместимого. Потом этот юноша подскакивает и вытаскивает из ножен еще один артефакт — меч с силой солнца внутри. Это знак. Вы не просто так здесь. Боги хотят, чтобы вы помогли нам избавиться от беды. — Он с надеждой посмотрел в глаза Федора.

— Но у нас нет времени. Мы действительно очень спешим. Под угрозой жизни наших друзей. — Юноша растерялся от столь неожиданной просьбы.

— Мы проведем вас под горами в любом направлении, куда вы только захотите. Вы везде успеете, только избавьте нас от Баш Челика.

Не смог отказать Федогран. Толи сыграл роль авантюрный характер, то ли гипертрофированная совесть, то ли просящие глаза воина, не привыкшего унижаться, но переступившего через свою гордыню, а может все это вместе.

— Показывайте. — Вдохнул он и пошел следом за уходящими по козьей тропе воинами. Оставив Чепрака под наблюдением одного из воинов племени гор.

Глава 27 Баш Челик

Они шли около двух часов. Шли по непроходимым, петляющим между валунов, козьим тропам. Люди племени Дивь, с удивительной точностью находили такие места, где относительно удобно можно было бы преодолеть все с виду такие непроходимые преграды, и не свернуть себе шею об острые камни в одной из многочисленных пропастей. Где-то над было перепрыгнуть через пугающий до дрожи в коленях бездонный разлом, в самом его узком месте, главное только побороть в себе страх и головокружение от высоты. Где-то залезть на, казалось бы, неприступную скалу, уносящую свои гранитные или базальтовые стены высоко на встречу облакам, всего лишь ухватившись за незаметный выступ, закинуть тело, и подтянувшись на руках, запрыгнуть на скрытую от глаз, поросшую мхом и мелким кустарником, тропу.

Дивь были истинные повелители гор. Сильные, ловкие, опытные, как они сами себя называли: «железные люди». Самые древние, из всех выживших жителей планеты, после той, великой войны цивилизаций, прошедшей больше трехсот пятидесяти лет назад. Они были представителями древнего, доисторического, человечества, канувшего в веках, и не оставившего о себе даже легенд.

Вход в кузницу представлял из себя огромный грот, с выбегающим чуть поодаль, из его мрачного зева ручьем, который срывался брызгами водопада в ущелье, вдоль которого проходил узкий путь к входу. Они шли по тропе, с лева от которой: изрезанная временем, черная, отвесная, сверкающая базальтом скала, а всего лишь один шаг вправо, и на этом жизнь закончится, оставив после себя только предсмертный крик, сорвавшегося в бездну человека.

На узком выступе сидел монстр, словно с балкона, свесив короткие ноги над каменной площадкой, вернее тем, что от нее осталось. После произошедшего тут когда-то очень давно катаклизма, сформировавшего это ущелье, от этой самой площадки, остался только крохотный, изрезанный трещинами лоскут гранита.

Огромный монстр- кромочник, ростом превышающий пять или шесть взрослых мужиков, вставших друг другу на плечи, довольно ухмылялся, скаля кривые черные клыки. Это порождение ужаса, все тело которого поросло черной, с синим отливом, короткой щетиной, с крыльями перистых, черных, облаков мрака за спиной, с короткими, четырехпалыми лапами и кривыми стальными когтями, с обрывками цепей на запястьях, смотрело на приближающихся путников, маленькими непропорциональными широкой морде, красными глазами без зрачков.

Индюшачий нос — кишка, с шумом втянул воздух, а маленький беззубый, коричневый рот, зачмокал, словно младенец пустышкой.

— Наконесссц-то!!! — Раздался его шипящий, змеиный голос. — Раффффный мне соперффффник. Я так даффффно этого жсссду. Вфффсе эти труссссливфффые людишшшки, нечтожшшны. Выхфффади вфффперед. Сразиссссь ссссо мнойсссс! Ссссмерть решшшит, кто будетфффф владетьсссс вфффходом вффф кузсссницуффф.

Взмахнув ястребиными тучами в виде гипертрофированных, огромных совиных крыльев, Баш Челик шумно прыгну на узкую тропу, между Федограном и входом в грот, и замер, припав к земле, изобразив из себя разъяренного кота, с хрипом вдыхая воздух.

Мышцы перекачивались волнами под кожей кромочника, словно отдельная, не

связанная с телом часть организма, переходя спазмам в узловатую нервную дрожь нетерпения.

Пространство и время, замерло, в ожидании яростной схватки, чтобы потом взорваться овациями смерти, славя победителя, и смеясь над трупом побежденного.

«Слишком уверен в себе, и очень нетерпелив, глаза застилает злоба, а значит наверняка будет ошибаться. Этим нужно будет пользоваться». — Думал Федор, неторопливо доставая меч из ножен, и втыкая его в трещину скалы около ног. Снял с головы шлем, он будет только мешать в схватке, где важна не столько сила, сколько скорость и ловкость, и который не спасет от удара гипертрофированной лапы. Кольчугу тоже скинул. Ни к чему она, не уберезет от удара кулака-молота, способного раздробить камень.

Протянул вещи за спину, не оглядываясь и не спуская с соперника настороженных глаз. Чьи-то руки перехватили у него доспехи, и быстрые шаги удалились, оставив их с монстром вдвоем.

Баш Челик, еще сильнее задрожал от нетерпения, и засверкал налитыми кровью глазами. Юноша присел, потеряв ладони о камни под ногами, не столько для того, чтобы они не скользили на рукояти меча, сколько для того, чтобы заставить соперника занервничать и разозлиться еще больше. Парень улыбнулся самой милой улыбкой, на какую только был способен и положил руку на яблоко рукояти клинка.

— Потанцуем. Красавчик. — Выпалил он фразу, слышаную когда-то давно в кино, еще в прошлой, ушедшей навсегда жизни, и почему-то ассоциирующуюся им с началом драки. Его голос прозвучал одновременно с выхваченным из щели, полыхнувшим огнем ярости, оружием и прыжком жуткого монстра кромочника на встречу.

Черные когти со свистом разрезали воздух в том месте, где только, что находился Федогран. Пространство взорвал свистяще-шипящий крик разочарования. Воина там небыло, он пропал. Мгновение спустя, вновь рев ярости, но уже перемешанной с болью, взорвал ущелье, осыпавшимися камнями со скал. Изогнувшийся от спазма в спине Баш Челик, яростно заколотил лапами, пытаясь достать зацепившегося там воина.

Слишком уж он прямолинейно и грубо произвел кромочник атаку, полагаясь только на свою силу. Это была роковая ошибка, и Федогран не упустил такой шанс.

Уйдя в кувырок под летящей лапой (спасибо Волоту за науку), он словно распрямившаяся пружина, прыгнул вверх, одновременно разворачивая тело по направлению к врагу, и всаживая тому лезвие меча в спину.

Он его не убил, слишком коротким оказалось лезвие для смертельной раны, но он повис у него на спине, между взметнувшихся вверх крыльев, держась за рукоять воткнувшегося в какую-то кость монстра, оружия.

С двух сторон Федограна взлетели сгустки мрака с черными перьями. Баш Челик, с жутким криком, взмахнул ими, и ураганным ветром понесся в высь. Он поднимался все выше и выше, унося противников в бесконечное голубое небо.

Кромочник, всеми силами пытался избавиться от засевшей в его на спине, смертельной занозы. Он резко метался из стороны в сторону, махал лапами, не доставая, и подчас цепляя ими собственные крылья, то летел к верх ногami, то кидался камнем вниз, и резко взмахнув крыльями останавливался с разворотом. Ничего не помогало. Эта блоха вцепилась намертво, и не собиралась падать, кусая все это время огнем, его бедную спину. Он был в ярости.

Ничего не добившись, монстр стал быстро подниматься вверх, в надежде, что поганый наездник задохнется и потеряет сознание от нехватки воздуха, которого, как он знал, очень

мало там, где даже днем видны звезды. Но он перешел черту дозволенного, и тут же вмещались ненавистные светлые боги, вернее один, тот, что повелевал солнцем. Он опалил крылья мрака за спиной жуткой болью, выпустив убийственный луч света. Едва не потеряв сознание, Баш Челик, камнем кинулся вниз, уходя от летящего следом жара. Там ниже, его уже не достать, там внизу нет у богов права вмешиваться в дела Яви. Он успел.

Теперь он летел, рассекая становящимся на такой скорости густым, как кисель, воздух, в самый низ. Туда, где его когда-то создали, туда, где провел всю свою долгую жизнь до того самого, совершенного им предательства и последующего побега от гнева Морены. В тот мир, который пообещал ему во владенья, за измену, новый, сладкоголосый улыбчивый, зародившийся из лжи, рогатый бог севера. Какой же он был дурак, что поверил тогда.

Он мчался в самый центр земли, в который можно попасть только через черный провал жерла потухшего вулкана. Там он нырнет в пузырящуюся болью и страхом магму. Там ему не помешают светлые боги, там его мир. Он спалит в огне небытия этого богатыря и вновь сядет на свой выступ у грота, и будет ждать у входа. Никто не пройдет в пещеры лабиринтов гор, никто не прикоснется к сокровищам, спрятанным там. Никто, пока он жив, а он будет ждать нового героя — достойного соперника ему — непобедимому, вечно скучающему Баш Челику.

Вот уже он, черный зев вулкана промелькнул угрюмыми краями, проглотив в себя соперников. Вон впереди, быстро приближается оранжевое пятно пламени, вырастая из мрака протуберанцами вихрей испепеляющего жара. Еще чуть-чуть потерпеть эту жуткую боль в спине. Раскаленный до состояния жижи камень смоем со спины противную букашку. Освободит своего сына от вцепившегося в его шкуру, подлой хваткой, врага.

Не приняли его здесь. Даже родной мир мрака и смерти отверг предателя. Вырвавшийся из раскаленной лавы язык плазмы обуглил болью, вытянутые вперед, для стремительности полета, лапы. Резко развернувшись, Баш Челик метнулся назад и выскочил, под синее небо из черного жерла, вместе с плевком в него, изверженным магмой, вулканом.

— Давфффай договафффиватьсссс. — Прохрипел он наконец, поняв, что больше не может сопротивляться, разрывающимися от нехватки воздуха легкими. — Предлагаюссс помиритьсссс и раззззойтисссс, как буд-тоссс ничегоссс нессссбыло. Ты не можешшшшь меня убитьсссс, и я не могу убитьссс тебяссс. У насссс нет другого высссбора.

Монстр висел, неторопливо размахивая дымящимися мраком и гарью крыльями, и ждал ответа, но его противник не спешил. Он тоже чего-то ждал, затаившись на спине. До слуха доносилось лишь его тяжелое дыхание.

— Я не стану с тобой договариваться. — Послышался наконец тихий, но уверенный голос. — Нельзя верить тому, кто изменил. Кто предал один раз, тот предаст снова. Его обещания пустой звук.

И вот еще что. Ты не прав в том, что я не могу убить. Могу. Я буду просто ждать. Ты уже практически обессилел, ты теряешь кровь, которая, кстати, уже изрядно залила мне одежду. Теперь я думаю, как буду все это безобразие отстирывать. — Из-за спины послышался натужный смех. — А еще пламя меча медленно разъедает тебя изнутри. Скоро ты упадешь, и я добью тебя одним, завершающим ударом. Перерублю шею, и повешу уродливую голову, у себя дома в качестве трофея. Это будет очень красиво.

Федогран замолчал, добившись главного, враг вскипел панической яростью, задрожав всем телом. В таком состоянии всегда совершаются самые глупые ошибки. Но то, что произошло дальше, наш герой, и так держащийся из последних, оставшихся сил, за

выскальзывающую из рук мокрую от крови, рукоять меча, никак не ожидал.

Баш Челик резко взмыл в небо, и набрав достаточную, по его мнению, высоту, камнем ринулся к гроту. Почти у самого входа, он резко сделал кувырок, и прохрипев ненавидящем плевком: «Ссздохххни!» — Врезался спиной в отвесную скалу, ломая черные крылья и с омерзительным хрустом кроша вылезавшие из тела кровавыми пиками ребра. Он решил поставить точку в этом противостоянии, такой вот жуткой концовкой, убив себя и погубив ненавистного врага. Он проиграл бой, но и противник не будет праздновать победу. Все кончено.

Спасло нашего героя от неминуемой смерти чудо, которое можно объяснить только волей богов. Еле заметная, выеденная вездесущей влагой, сочащейся из трещины в скале, и ветрами выемка, неглубокая, но, в то же время, помещавшая в себя Федограна, приняла в себя готовое быть раздавленным тело, смягчив проросшим там мхом удар, и не позволила размазать парня кровавой кашей по камню.

На землю они рухнули одновременно.

Только парень упал, без сознания, тряпичной куклой, раскинув руки и замер, а вот Баш Челик, сделав кувырок, разбитым телом по каменному слону, свалился в ущелье в струях летящей туда же воды ручья, и унесся в своей спине, торчащий в ней меч.

Федогран довольно быстро пришел в себя. Встав на колени, и упираясь руками в землю, он пытался вдохнуть не слушающимися, отбитыми легкими, хотя бы один глоток воздуха. Оглушенный, он не видел, и не слышал, что к нему уже бегут восхищенные подвигом люди гор, и впереди них сгусток мрака, шипящий сорванным голосом:

— Я же говорил, а вы не верили! Он великий воин, он избранник богов!

Слух вернулся вместе с зрением после болезненного первого вдоха, наполнившего грудь. Мир наполнился красками, звуками и болью во всем отбитом теле одновременно. Он поднял удивленные глаза. Перед ним, склонив головы, стоя на одном колене, застыло племя Дивь.

— Вы чего? — Прохрипел он пересушенными губами, пытаясь встать.

В ответ тишина, только склоненные головы, положенные у правых ног копья, и не звука в ответ.

— Они восхищены твоим подвигом. Они не ожидали такой быстрой развязки и не верили в успех. Теперь приносят свои извинения за сомнения, и не поднимутся пока ты их не простишь. Это закон племени. Они очень щепетильны в вопросах чести. Кстати, меня тоже прости, я тоже сомневался в твоей победе, слишком уж сильный противник, этот Баш Челик.

Когда он встал напротив тебя, я подумал, что это конец нашему совместному путешествию. А ты вдруг прыг ему на шею, и «хрясь» — меч по самую рукоять. Красиво получилось, будет что на кромке рассказать... Сказочно красиво. Достоинно легенды.

— Заткнись балабол. — Скривился Федогран. — Чего тебя так понесло, вроде раньше не особо разговорчив был? — Дышать было тяжело, и слова давались с трудом. Он повернул голову к застывшим в поклоне воинам. — Я не держу зла на вас, и прощаю. Только встаньте наконец с колен и помогите подняться. Где этот ваш Баш Челик, и мой меч?

Дивь подошли и подхватив его под руки, помогли встать на ватные, не слушающиеся ноги. Ответил за всех смущенный вождь, опустив глаза и подбирая в нерешительности слова.

— Меч вместе с телом великана упал в пропасть. Я немедленно пошлю туда людей на поиски, но для этого понадобится время. Прости воин.

— Нет у меня его, времени этого, у меня один друг умирает, а двое в заложниках. Я пойду так. Вы говорили, что можете провести под горами, надеюсь вы помните про свое обещание? — Он посмотрел на вскинувшихся после его слов, и ставших мгновенно выглядеть обиженными воинов.

— Люди гор никогда не отказываются от своих обещаний. — Гордо вскинул голову вождь. — Твои слова и недоверие обидны для нас.

— Прости, я не хотел, просто навалилось все как-то в последнее время... — Федор не нашел слов, как можно коротко объяснить причины своего состояния. — И еще. Отведите пожалуйста Чепрака обратно в степь. Сейчас он будет мне только помехой, а здесь он пропадет. — Вздохнул он.

— Да, да. — Засуетился Коломрак. — К пещере навьи ведите, нам потом туда возвращаться. Вы же знаете где это находится?..

— Заткнись! — Рывкнул Федор.

— Все исполним, богатырь, все что мы обещали, и все, что ты просил... — Дивь осекся, он увидел то, что заставило его глаза вылезти из орбит.

От солнца отделился, вспыхивающий яркими языками пламени луч, и неторопливо, протуберанцем, опустился на дно ущелья, а через короткое время, показался над краем пропасти с мечем в пылающей жаром сюрреалистической ладони, без руки, сжатой в кулак, на рукояти оружия. Неторопливо, как в замедленной съемке, клинок приблизился к Федограну, и бережно опустился у его ног. Пылающий кулак выставил в верх большой палец, в столь узнаваемом жесте, и луч, с резким хлопком, скрылся в солнце, подмигнувшем одобрительно (как всем показалось), застывшим, с открытыми ртами, людям.

Такого никто еще из них не видел. Сам Ярило, удостоил своего внимания и заботы богатыря. Теперь будет, что петь в былинах. Будет чем хвастаться перед соплеменниками.

Под землю спускались, держа Федограна под мышки, наш герой еле переставлял ноги, а его глаза закрывались на ходу от усталости. Впереди прецессии бежал один из воинов и зажигал давно потухшие факелы, освещавшие путь, их мерцание убаюкивало, а восхищенное шептание идущих следом воинов, делящихся своими впечатлениями от пережитого дня, действовало как колыбельная песня. Как не боролся наш герой с накрывающим его, теплым бархатным одеялом — сном, но тот победил, и юноша повис на руках воинов племени Дивь, опустив подбородок на грудь.

Ему снился дивный сон:

Смеющаяся мама поцеловала его в лоб, и отошла назад, помахав на прощание рукой. Она взяла, появившегося из солнечного света отца, под руку, и уже вместе с ним пошла в расступающееся при приближении небо, по светящейся радугой дорожке, где впереди выплывал из небытия, цветущий майский парк с лавочкой, на которой сидела и целовалась Светка с незнакомым ему парнем.

Родители обернулись, взмахнув на прощание руками, рассмеялись и растаяли в светящемся мареве вместе с парком, а из появившейся на этом месте зари с улыбающимся солнцем, вышли радостные Вул, Бер и Илька, которым махали сидящие на зеленом лугу, и разговаривающие о чем-то Яробуд и Чашун.

А потом все пропало, и он окончательно погрузился в пропасть глубокого, лечебного сна.

Глава 28 Водяной

Костер потрескивал искрами, приятно согревая спину. Федогран проснулся мгновенно, словно вывалился из плотного пыльного мешка. Затуманенное Морфеем сознание, не сразу восприняло действительность. Вокруг темное звездное небо, с серпом новорожденной луны, отражающимся в дорожке мерцающего света, на мелкой ряби огромного озера. Рядом, полупрогоревший костер и довольный, улыбающийся сгусток мрака Коломрак.

— Мог бы еще поспать. Время есть. Солу с первыми лучами солнца звать надо. Ночью смысла нет, она Макоши служит, а та бог светлый... — Коломрак еще, хотел что-то сказать, но Федогран перебил:

— Как я тут оказался?

— Принесли. — Если бы у кромочника были плечи, то он наверняка бы ими пожал, высказав свое недоумение такой непонятливостью. Но так как у него их небыло, то он отделался поднятием подобия бровей над выпученными глазами. — Ты уснул, тебя на носилки уложили и принесли. — Весь его вид выражал: «Что тут удивительного?»

— А где все?

Вновь несуществующие плечи и брови выразили мнение своего хозяина к умственным способностям собеседника:

— Так, ушли они. Дивь и кромочники озера не жалуют друг друга. Поссорились лет сто пятьдесят назад, с тех пор не общаются. Потому задерживаться не стали. Тебя сюда доставили, костер развели и восвояси отправились. Будить не стали, больно уж ты спал крепко, что в общем-то и не удивительно, после всего того, что ты с Баш Челиком сотворил. Это же надо, на непобедимом духе зла, как на осле кататься... — Коломрак рассмеялся, и сделал это так заразительно, что Федогран улыбнулся.

— Все. Хватит. — Прервал он служителя Морены, и стал серьезен сам. — Не время сейчас для пустой болтовни. О русалке лучше расскажи. То, что я от тебя сейчас услышал, как-то не связывается у меня с тем, что о них знаю. Как может представительница богини добра, людей топить, завлекая их своим видом и песнями в воду? — Он сел у костра, скрестив ноги. — Рассказывай.

— Когда это берегини людей топили? Кто тебе подобную чушь рассказывал? Они, наоборот, спасают, особенно за детками маленькими присматривают, очень внимательно, чтобы не утопи. Тут только один раз русалка в смерти повинна была, как раз наша с тобой Сола, да и то из-за большой любви такое с ней приключилось, недоглядела, за парнишкой, вот теперь мучается на болотах, себя клянет.

— Давай поконкретнее. — Федор внимательно посмотрел на Коломрака. — Без красочных вступлений и по делу. Мне все знать надо. Говори, что знаешь.

— Было это как раз тогда, когда племя Дивь с духами озера поссорились, все в общем-то и случилось из-за их молодого воина, новика.

Рыбачил он в ту пору на лодке, да как-то так неудачно получилось, что сома в омуте зацепил, да не простого, а самого Донника, того, что за порядком на илистом дне наблюдал, проказ разных, да хулиганств, у мальков не допускал. Его на должность такую сам Хозяин озера поставил, сам дядька Водяной. И случилось же так, что в этот момент, один щуренок со вторым подрасться задумал, и повод то пустяшный был какой-то, уж и не помнит никто из-за чего у них ссора произошла. Да и не важно это. Кинулся разнимать их старый сом, а

крючок-то не заметил. Попробуй такую кроху на шкуре, поросшей вековой чешуей, почувствуй. Тому молодому рыбаку, бросить бы снасти, да он запутался в лесе ногой по неопытности. Утащила его рыбина под воду и не заметила. Что ей тот человечиска? Букашка супротив горы.

На счастье, или на беду, Сола рядом оказалась, на мелководье, на солнышке грелась, да за симпатичным пареньком тем наблюдала. Кинулась она распутала бедолагу, снасть порвала, да на берег юношу вытащила, а тот и не дышит уже. Она его и так и этак, не запускается сердце. Решила она тогда на нарушения древнего русалочьего завета, губами к его губам приложилась, да в легкие жизнь, через поцелуй человеческий, вдохнула, своей сущностью русалочьей поделилась, частичку жизни отдала. Не могла она по-другому поступить, пожалела парнишку симпатичного, вернула ему дух. Тот очнулся, в глаза ей посмотрел ну и погиб в одночасье, любовь стрелой каленой в сердце вошла.

Вот вроде эка невидаль — парню берегиня понравилась. Таких историй пруд — пруди тем более озеро. Но тут все по-другому вышло. Сола-то сама чувствами воспылала, не смогла себя сдержать. Взаимно у них все случилось. Друг без друга жить с тех пор не могли, а вместе не получалось. Разные они. Она кромчица, дух бестелесный, бессмертный, да неприкаянный, а он живой человек, из плоти и крови — племени своему верный да смертный. Что делать. Она в озере живет, он на земле. И даже после его смерти не соединить сердца. Она на кромке так и останется, а он в Навь, через Калинов Мост уйдет. В общем мука одна, а не любовь. Хотя, что тут удивительного, это чувство всегда такое, под нежностью боль скрывает, фальшь одна. Мне потому и Морене служить приятнее, там все без обмана.

Вот и совершил парень глупость. Утопился. Да так сделал это, что Сола не видела и не знала. Заплыл на лодке да с камнем на шее в озеро прыгнул. Сам решил, сам сделал. Думал, что так навеки с ней останется, а законов-то, и не знал. Осквернил озеро глупостью своей. Одно дело, когда нечаянно утоп, и совсем другое, когда добровольно себя жизни лишил.

Осерчал Водяной на них с Солой. Не за любовь осерчал, за глупость. Так осерчал, что дух парня того в гроте подводном в клетку посадил, а русалку с глаз прогнал, в болота к кикиморе отправил, в услужение. Что ему делать оставалось? Если самоубийцу Морене отдать, она его в дух мрака превратит, в какого ни будь кромчника, типа: лешака или ауки. Тогда им с Солой никогда вместе не быть. Вот и разлучил влюбленных, что бы ошибок не наделали, пока он что ни будь не придумает. Как с мореной договориться, и кем при себе парня того оставить.

— Ну ты и сказочник. — Захлюпал внезапно чавкающий смех, словно лопающиеся болотные пузыри разом взорвались со стороны озера. Федогран мгновенно вскочил, выхватив меч. — Уймись воин, никто тебя обижать не собирается. — забулькало из темноты.

На тонких ногах — сучках, опирающихся на длинные когтистые три пальца, без всякого, намек на ступню, ссутулив узкие плечи, и опираясь на покрытую ряской корягу, такими же трехпальными тонюсенькими руками, мотая огромной головой вправо и влево, после каждого, с трудом дающегося шага, на берег вышло зеленое чудо.

Пузатое, словно будущая мама на девятом месяце беременности, с вытянутым к земле, полукруглым, мощным подбородком, с толстыми губами, «пирожками», вытянутыми в сужающуюся в нитку к ушам в виде шевелящихся раковин рапана. Нижняя губа напозала на подбородок, а верхняя сливалась с размазанным по щекам носом, соединяя все в покрытый

бородавками овал лица, с бесцветными выпуклыми глазами по бокам.

Закинув рукой длинные волосы-водоросли на затылок, открыв таким образом узкий лоб с присосавшейся там пиявкой лоб, оно остановилось неподалеку от костра, не подходя ближе.

— Да. — Булькнуло оно смехом. — Вот я и говорю сказочник. Такую историю сочинил, что даже я заслушался.

— Чего же в том рассказе не правда? — Возмутился Коломрак. — Тебе, Водяной, лишь бы меня обидеть. Вот сколько тебя знаю, ты всегда недоволен. Простить меня не можешь, что я у тебя спор по загадкам выиграл?

— Глупости не говори. То давно было, да и жульничал ты, как все порождения мрака. А рассказ твой — правда истинная, просто больно ты ее красиво поведал, вот и смеюсь я.

Федогран спрятал меч в ножны и задумчиво посмотрел на гостя: «Вот он какой этот Водяной. Жуткий тип, но, судя по всему, добрый и азартный. Нужно как-то этим воспользоваться, чтобы помочь Соле. Но вот вопрос. Как?»

— Очень рад с тобой познакомится хозяин вод. — Наконец заговорил парень. — Много о тебе хорошего слышал. Говорят, ты добр чрезмерно.

— Ох и хитрец. — Захлопал губами в подобии смеха гость. — Знаю я, зачем ты сюда пришел. Морена меня посещала, она и просветила. Сказала, что оставит моего пленника в озере, и не заберет себе, если ты меня обыграть в споре сможешь. Я бы тебе, конечно, поддаться, сам его отпустить хочу, но тут дело принципа. Как не жаль мне парня с русалкой, как не хочется мне им помочь, но спор дело святое. Давай так сделаем. Удивишь меня, отпущу утопленника из клетки, и Солу верну. Нет, одного к Морене в слуги, вторую Кикиморе на вечное услужение. Устроит так?

— По рукам. Хочешь себе палец оторву, а потом назад прилеплю как было, даже следов не останется? — Федогран моментально вспомнил шутку-фокус своего отца, которую тот любил показывать ему маленькому.

— Ха. Нашёл чем удивить. — Водяной оторвал себе руку, а потом пристроил ее назад. — Так-то у нас любой может. Первая попытка не засчитана.

— Какая попытка? Небыло договора о попытках! — Возмутился несостоявшийся фокусник.

— Я разве не сказал? — Водяной почесал водоросли на макушке и погладил пальцем пиявку на лбу. — Совсем старый становлюсь. Болезнь еще такая есть? Как ее там? О вспомнил! Склероз называется.

— У тебя и склероз? — Встрял в разговор Коломрак. — Ты любого головастика в своем болоте помнишь. Специально парню про попытки не сказал, чтобы он поспешил, и ошибся? Не засчитывается.

— Поговори мне еще. Все засчитывается. Я тут правила назначаю. Давай богатырь, удивляй меня. — Он сел на корточки, и стал похож на огромную обиженную жабу. — Только думай быстрее. Скоро солнце совсем взойдет, а я жару не люблю, мне в омуте холодном приятнее.

Федогран приуныл. Ничего хоть убей на ум не шло, и чем больше он прокручивал приходившие в голову варианты, тем больше паниковал. Еще этот Водяной, будь он неладен, квакать начал.

Можно было предложить игру в загадки, и задать, например, вопрос: «Висит груша, нельзя скушать», в жизни хозяину озера не догадаться, что это такое. Парень уже было и рот

открыл, чтобы предложить, но передумал. Как потом объяснить, что такое электрическая лампочка? Ту даже кто такой Томас Эдисон не знают, он родится только через четыреста лет. Да и посчитает ли Водяной игру в загадки, даже если проиграет победой. Нет, скорее не посчитает. Судя по разговору с Коломраком, он уже проигрывал. Расстраивался при этом, но не удивлялся. Тут надо что-то другое. Тут именно удивить надо.

Хоть убей, но ничего с голову не идет. «Зачем же ты, балда, во все это залез», — хлопнул он себя по лбу и воскликнул, подпрыгнув:

— Эврика!

— Ты чего это? — У водяного даже глаза вылезли из орбит, и он перестал квакать. — На солнышке перегрелся? Так пойдем в омут вместе окунемся. Остудишься там.

Солнце уже действительно начало припекать. Федогран даже не заметил, как наступило утро.

— Что, уже удивился? — Спросил со слабой надежде в голосе.

— С чего это вдруг? За разум твой я испугался, думал голову напекло, это да, а чтобы удивится нет...

— А бегаешь ты быстро? — Перебил парень.

— Вопрос глупый. Меня еще никто обогнать не смог. — Обиделся Водяной.

— Хочешь поспорим, что ты даже червяка не обгонишь? — Парень сощурил, ставшими хитрыми глаза.

— Я! Червяка! Издеваешься! — Усмехнулся тот.

— Вовсе нет. Обгонишь червя, я признаю поражение. А если он тебя обгонит, значит удивит. Тогда победа за мной.

Глаза зеленого гостя налились азартом и хитростью.

— Другие правила. Я плыву он бежит. По-другому нечестно получится. Он живет на земле я в воде. Неравные условия. — Затараторил тот скороговоркой.

— По рукам. — Федор протянул ладонь.

— По рукам. — Три холодных зеленых пальца шлепнули по вытянутой руке. — Доставай своего червя. И пусть Коломрак командует старт.

— Ты что, ума решился. — Зашептал скороговоркой сгусток мрака. — Его невозможно обогнать, да еще в воде, а ты все на какого-то червя поставил. Откажись, скажи, что погорячился, он поймет.

— Не мешай. Лучше помоги найти червя. — Улыбнулся Федогран.

— Ой дурак! — Были бы у Коломрака руки он бы схватился за голову, а так только начал перекатываться из стороны в сторону, изображая качание. — Кого боги выбрали! Так опростоволосится! Что ждет этот мио!..

— Заткнись! — Рывкнул парень, поднимая найденного наконец земляного беспозвоночного. Командуй, а не пыхти. — Он вытянул руку по направлению к Водяному, демонстрируя находку. — Такой подойдет? Не слишком шустрый?

Хозяин озера чуть не лопнул от возмущения.

— Как ты смеешь мальчишка!..

— Ладно, прости. Вижу, что подходит тебе соперник. Давай так. Коломрак считает до трех, и вы начинаете забег, или заплыв... Ну в общем стартуете, и преодолеваете вдоль берега, три круга. Я своего бегуна... — Федор осекся, поднес к глазам находку, сделал вид что слушает, кивнул в ответ, словно соглашаясь, и повернулся к прислушивающемуся недоверчиво Водяному. — Я своего червяка, не сразу отпущу, сосчитаю до десяти, а то он

мне сказал, что не честно получится, ты слишком медленный.

— Что?!! Ну рассмешил. — Местный хозяин затряс водянистым пузом от хохота. — Можешь сейчас прямо отпускать, я еще позавтракать сплавать успею, а потом поужинать, вернуться и обогнать.

— Все, хватит ботать. Командуй Коломрак. — Хмыкнул Федор. — Времени мало.

— Одумайся, последний раз прошу. — Заскулил тот.

— Командуй я сказал. — Сверкнул гневно глазами богатырь.

— Раз, два, три. — Пробубнил тот обреченно и устался в озеро, куда нырнул Водяной. — Отпускай ты своего червяка, пусть хоть чуток проползет.

— Зачем?

— Как зачем соревнования у нас, дурья голова? — Сгусток мрака настолько разозлился, что за клубился облаком.

— Вот пусть тот дурак по кругу и побегает, а мы посидим и посмеемся.

Коломрак застыл вдруг на месте, сжавшись в небольшой черный мячик и даже выкатил непонимающие, словно он рак, глаза. Потом долго думал, усваивая то, что услышал, даже что-то бормотал неразборчивое, а потом взорвался черной, клубящейся тучей, захохотал.

— Ну учудил!!! Ай да выдумщик, ай да пройдоха! Самого водяного так обмануть! Ну он будет удивлен, когда осознает, что его провели.

Он так и катался около костра, когда на озере появился быстро приближающийся бурун воды. На берег выскочил тяжело дышащий, улыбающийся Водяной.

— Ну и где твой бегун, воин, он хотя бы метр отползти успел?

Но улыбка быстро сменилась у него на лице на удивление, когда Федор, поглаживая червя и приговаривая: «Ну не торопись ты так, не дрожи, видишь, что он только что приплыл, успеешь ты третий круг сделать», — повернулся к хозяину озера.

— Чего кричишь-то так, видишь устал он, пока ты один раз озеро обплыл, он уже два раза сподобился сбегать. Давай ныряй уже, мы тебе побольше форы дадим.

— Не может быть!!! Он что на прямки, под дном пролез?!! Ааа... У вас там ход прорыт?!! Хотя нет, когда бы вы успели?..

Он резко развернулся все еще что-то бормоча, и вновь ушел под воду.

— Вот дурак!.. — Не мог остановить смех Коломрак катаясь по траве сгустком мрака. — Он ведь снова уплыл!!! — Но его веселье длилось не долго.

Вода в озере буквально вскипела и волной выкинуло на берег взбешенного, еще больше позеленевшего Водяного. Тот одним прыжком подскочил к Федограну и выхватив у него червя, двумя пальцами поднес к глазам, долго рассматривая, а потом приложил к уху раковине.

— Он даже не запыхался. — Констатировал он результат обследования, злобным, булькающим шипением, и швырнул червя в поле.

— С чего он должен был устать? Он сидел у меня на ладошке, наблюдал и смеялся, как некий водяной плавает кругами.

— Ты меня обманул? — Хозяин озера удивленно вскинул брови и так резко, что пиявка свалилась со лба.

— Удивил. — Поправил его Федор.

— Но и обманул!!! — Взревел Водяной занося обе руки для удара.

— Успокойся ты, жаба. — Захохотал внезапно хриплый женский голос, и он как-то сразу побледнел, став светло салатного цвета и отступил назад, потупив глаза. — Богатырь

выполнил условия договора.

Федогран обернулся и обомлел. В небе говорили женские губы. Огромные, черные облака, с вылетающими языками голубоватого пламени во время произнесения каждого слова, они парили в воздухе облаками абсолютного страха.

— Морена. — Прошептал в восхищении Коломрак, сжавшись в комок. — Богиня.

— Я восхищена воин твоим подвигом богатырь, так Водяного еще не обманывали. Ты не только смел и силен, но еще и умен. Я довольна выбором Перуна. Ты достоин того подвига, который предрешен.

Условий договора выполнены, и пленник Водяного свободен, так же, как и Сола может вернуться назад в озеро из изгнания. Мокошь дает на это добро, оно прощает свою берегиню. Ты справился со всеми моими испытаниями, и можешь забрать слезу. Но не трать ее на Вула, я отозвала своих слуг, вытягивающих из него жизнь, он поправится. Слезу побереги, она пригодится тебе в дальнейшем. Я все сказала. Да будет так.

Губы растаяли в воздухе, словно их и небывало.

Глава 29 Беда Вула

— Помни! Только одно желание. Только одно будет выполнено, даже самое безумное твое желание. Просто скажи: «Морена, я требую вернуть долг», — и все будет выполнено в ту же секунду. Ты получишь, то что хотел, но и слеза исчезнет навсегда.

Навьи говорили как обычно дуэтом нежными напевными голосами. Федогран молча стоял на против, с ошарашенным, притихшим (что для него несвойственно), шишком на плече. Рядом, крутил головой, пытаюсь осознать, что происходит и где он сейчас находится — Бер. Для него, как, впрочем, и для Ильки, последних нескольких дней не существовало, последнее, что они помнили, это то, как вошли в пещеру, а дальше: зеленые, пронзающие душу, две пары глаз. Время мгновенно остановилось, и вновь набрало ход только сейчас, диким голодом скрутив живот и жаждой ободрав горло. Их словно выключили тогда, и включили только теперь.

С благоговейным блеском в глазах, навьи взяли небольшой, выполненный из единого рубина ларец, стоящий между ними, и не касаясь гранитного пола, взмахнув черными крыльями смерти, клубящимися мраком ногами, величественно пошли на встречу, неся сочащуюся кровью драгоценность на вытянутых руках.

Остановившись на против Федограна, опустили на одно колено, протянув на подрагивающими ладонями, с красными подтеками до локтей, полыхающий внутренним светом ларец.

— Прими дар богини богатырь. — Запели они дивными голосами, проникающими в самую душу, и заставляющими трепетать сердца.

Крышка беззвучно откинулась, явив взору юноши «Слезу Морены» — маленькую прозрачную капельку, с черной бусиной самой смерти, застывшей внутри.

— Коснись ее. — Внезапно прозвучал властный, хриплый голос богини, сразу со всех сторон, перекатываясь и смешиваясь в пространстве с песней, которую торжественно запели навьи:

Мара-Марушка, хозяйюшка-матушка,
Дозволь ныне тя величати
Не расточати, но собирати
Приди к нам, тя чтущим.

Федор вздрогнул от этого голоса и, не обращая ни на что больше внимания, полностью загнипнотизированный видом «слезы», протянул руку и та, сама скользнула к нему в ладонь, мгновенно впитавшись в кожу, его не трогали в этот момент ни восхищенные возгласы друзей, ни божественное пение служительниц хозяйки Нави.

— *Теперь мой дар всегда будет с тобой, до тех пор, пока ты не пожелаешь его, и не скажешь нужные слова. Я знаю, что ты не сделаешь глупость, бездарно его потратив. Я верю в твою мудрость, воин. Прощай.* — Прогремел удаляющимся эхом голос, и пещеру заволокло мраком, а когда он рассеялся ничего не осталось. Ничего кроме гранитных стен, освещаемых слабым лучом солнца, из далекого входа в пещеру, словно специального светившего так, чтобы указать дорогу богатырям. И навьи, и сундук, и факелы, все пропали. Словно их и не было никогда. Только слабое покалывание в ладони, напоминало о только что совершенном обряде, но и оно скоро прошло.

Обратный путь в Новгород занял шесть дней. Спешить теперь было некуда. Вул спасен,

Федор точно это теперь знал. За это время наш герой рассказал друзьям, о своих приключениях.

О сражении с Баш Челиком, предавшем свою хозяйку, богиню смерти, о смешных соревнованиях с Водяным.

О том, как обидевшийся и разозленный до состояния полного озверения, за обман, хозяин озера, долго «дулся» на него. Но природная «незлобивость» и веселый нрав, все же победили, и уже спустя короткое время, он хохотал над самим собой, над своей глупостью, и доверчивостью, и не прекратил этого делать, даже когда прощал жениха русалки. Того самого парня-утопленника, состоявшего теперь полностью из струящейся, переливающейся на солнце радугой воды, от ныне потерявшего свой прежний облик, и ставшего Ичетиком (духом воды). С этого момента и навеки, он теперь будет присматривать над правым тонким берегом озера.

О счастливой, белокурой, зеленоглазой красавице берегини, плачущей в объятиях будущего мужа. Горячем, благодарном поцелуе ее холодных губ на своей щеке.

О хороводе обнаженных красавиц русалок, держащихся за руки, вокруг влюбленной пары счастливо улыбающихся Берегини и Ичетика, связывающих свою судьбу единой нитью, и клянущихся в вечной любви.

Затем был недолгий поход к подножью гор. Торжественная встреча с племенем Дивь. Подземный город, удивительный, словно вырезанный волшебством из единого куска мрамора. Неоновый, голубоватый свет, освещающий пространство, огромной пещеры, льющийся из неоткуда, наследник ушедшей в никуда цивилизации Атлантов, вместе со всеми технологиями великой империи древних людей.

Хвалебные речи, восхищенные взгляды, приглашения на праздник, и вежливый отказ Федограна, спешащего на помощь друзьям. Подарок людьми гор копьа с черным, жестким и теплым на ощупь, полированным древком, сделанным неизвестно из какого материала, с прозрачным, словно стеклянным наконечником, царапающим гранит и не тупящимся при ударе об него.

Взметнувшегося с криком: «Я верну долг!» — Коломрака. — Вкатившегося по древку копьа, и нырнувшего в стекло наконечника, словно в воду, и застывшего там черной, крохотной, едва заметной, каплей мрака посередине. И снова восхищенные взоры, и прославляющее Богов и Федограна гимны. И так весь путь по выложенным гранитом, длинным, светлым коридорам, владений людей гор.

Черный провал грота, входа к ожидающими его прихода Навьями внутри. Пасущиеся, накормленные и холеные усилиями заботливых и благодарных Дивь, кони. И наконец очнувшиеся из гипнотического сна, моргающие непониманием друзья. И долгожданная награда.

За воспоминаниями и рассказами время летело быстро, и дорога не казалась такой длиной. На шестой день они въехали в ворота, и их снова встречал весь город Прославленные герои, не смотря на молодость, успели покорить сердца жителей. Алина, как обычно шла рядом, держась за стремя, гордо вскинув голову. «Это мой будущий муж!» — Кричали ее восхищенные глаза, «стреляя» по ликующей толпе ослепительной улыбкой. Не задерживаясь и не останавливаясь нигде, они сразу проехали к дому волхва.

Вул сидел на покрытой, вытертой лисьей шкурой, лавке, вытянув вдоль нее ноги и прижавшись плечами к углу избы. Он даже не заметил вошедших друзей. Оборотень держал в руках ладони, сидящей напротив него девушки, и пожирая ее глазами, слушал голос,

рассказывающий какую-то древнюю легенду.

Ее нельзя было назвать красавицей, скорее наверно — дурнушкой, но что было у не отнять, так это заплетенные в тугую косу, белокурые густые волосы, с вплетенной в них яркой лентой, и удивительной глубины лазоревые, словно два океана, глаза на пол-лица. Ее звали Дана. Младшая, дочь того самого кузнеца, что стоял насмерть с нашими героями на мосту, отражая нашествие орды, и тот, кто подарил им восхитительные мечи, в знак дружбы и уважения.

Она была полной противоположностью отцу-богатырю, унаследовав стать и черты своей миниатюрной, хрупкой матери. Ее имя: «Дана», что означало: «Большая жемчужина». Любимая дочь родителей, которые своей чрезмерной заботой и вниманием, не сумели испортить характер ребенка. Невзрачная снаружи, выглядевшая серым утенком среди подруг лебедей, она была прекрасна внутренним светом, льющимся из души, не требующими какой-либо взаимности от других. Она входила в любой дом добротой и лаской, и уходя оставляла эти чувства, надолго заполняющие после нее пространство.

Она провела у постели оборотня все время, пока тот был без сознания. Рассказывала сказки, обтирала, и поила отварами с ложечки, массировала, не давая появляться пролежням на бесчувственном теле, и не уходила, как не пытался ее прогнать волхв, и как не уговаривали родители. Упрямо сжав губы и продолжая творить нелегкое дело добра.

Только когда Вул внезапно очнулся, она прервала свой нескончаемый рассказ, покраснела и опустив голову, попыталась выскочить из избы вон. Но была остановлена сильной, не смотря на слабость, но нежной ладонью, взявшей ее за руку.

— Не уходи. Расскажи еще, что ни будь. Твой голос не дал мне поддаться слугам Морены и уйти за кромку. Останься, прошу тебя. Не уходи. Ты нужна мне.

Это была любовь. Она вспыхнула еще там в мрачном небытие, куда закинули его разум смертельные раны. В тот момент, когда он уже практически сдался, волшебный голос спел ему балладу о его отце, великом Ратмире, и о богатыре Федогране. В ту же секунду оборотень окреп, словно напившись божественной музыки этого нежного голоса. Он воспылал страстью набравшись сил, и продолжил сопротивляться до тех пор, пока сама Морена не посетила его и не сообщила, что больше не будет претендовать на его душу, и что он спасен подвигом друзей, сумевших добыть слезу, и заслужить расположение богини своими великими делами.

Когда он очнулся. То взглянул в опущенные скромностью глаза, сидящей напротив, покрывшейся румянцем девушки, и утонул в их лазоревой глубине. Первый раз и навсегда.

— Братуха! — С взерошенной шевелюрой, рыжий медведь вломился в избу, бесцеремонно оттолкнув в сторону, вошедшего первым, Федограна. — Как я рад видеть тебя живым, а не на ритуальном костре. Ты не представляешь, как бы меня расстроил, окажись ты там в виде подгорающего жаркого.

— Здоровья тебе, Дана. — Кивнул он девушке и «плюхнулся» на скамейку, отодвинув к стенке ноги оборотня, опустив с грохотом рядом с собой бочонок с хмельным медом. — Найди красавица какую-нибудь нам посуду медку разлить. Хлебнуть хмельного, за здоровье брата.

— Не хозяйка я тут воин. В гостях я у волхва. Не в праве распоряжаться. — Девушка встала, аккуратно освободив ладонь из руки Вула и залилась румянцем, опустив голову. — Пойду я. Вам поговорить надо. Не буду мешать. — И выскочила в двери, проскользнув тенью, мимо улыбающегося Федограна, и комментирующего происходящее шишка.

— Этого медведя только Морена уgomонить сможет. Непробиваемый дуболом. — Он увернулся от летевшей в него плошки, запущенной могучей рукой Бера, роющегося между склянок, расставленных на столе, в поисках подходящей посуды, и как ни в чем не бывало закончил. — Дураком родился дураком и помрет.

— Во, нашел, засмеялся медведь, выплескивая из каких-то глиняных чарок мутное содержимое прямо на пол. — Давай к столу. — Он сгреб локтем все, что было на поверхности в угол, с жутким скрипом пододвинув скамью, прямо с обалдевшим от происходящего оборотнем, и устроился рядом, «облапив» того руками. — Как я рад братуха!

Федогран уже практически сел на чурбак, выполняющий роль табурета, когда дверь с грохотом, чуть не слетев с петель открылась и в избу влетел взбешенный волхв.

— Ах вы ж дети Параскевы-Пятницы (Богиня разгула). Харчевню тут решили устроить! Мне наплевать какие вы там есть герои и непобедимые богатыри, я дом поганить пьянством не дам. — Он врезал посохом прямо в лоб Бера и махнул, целясь в голову Федора, но тот успел вовремя пригнуться и посох смел чарки с разлитым медом на пол.

— Ах вы ж паскудники!

Услышал, выскакивая из дверей, хохочущий Федогран слушая, как Щербатый гоняет, ругаясь Бера по избе. Он увидел, как выходит, держащийся за бок, морщащийся от боли, но все равно смеющийся оборотень

— Я вас научу дом волхва уважать. — Ревел взбешенный голос, а на полог выкатился красный потирающий лоб медведь, и под дружный хохот споткнулся и загремев кольчугой о деревянный помост тротуара упал.

— Вот ведь нелюдь злобная. — Встал он на «корячки» и затряс головой. — Посох дурень сломал и мне шишку набил. — Он тяжело вздохнул. — Мед жалко, не отдаст ведь.

— Я всегда говорил, что ты дурень. — Донеслось хлюпанье, катающегося на плече Федограна, шишка, мотающего в воздухе ногами. — Только что ты подтвердил это еще один раз.

Поднявшийся на ноги медведь, усмехнулся, встряхнув гривой рыжих волос:

— Пошли в харчевню оттуда не прогонят.

И вся четверка, смеясь и подшучивая друг над другом, двинулась по гулкому тротуару на встречу своему молодому аппетиту.

— Понимаешь друг, не могу я ей ничего предложить. — Говорил с болью в голосе оборотень, забыв про давно остывший взвар в деревянной кружке, которую он периодически подносил к губам, но не сделав глотка, вновь опускал на стол. — Я оборотень, а она человек, у нас не может быть одной судьбы на двоих.

— Но ты же ее любишь. — Федор был возмущен такой нерешительностью названного брата, пасовавшего перед такой вроде бы простой проблемой.

— Да и она по нему сохнет. Это сразу видно. — Поддержал разговор медведь, сделав изрядный глоток из кружки и оторвав лапу у лежащего в блюде около него запеченного гуся.

— Мякина ты, а не воин. — Как всегда вставил свое ехидное слово шишок. — Хватай ее пока тепленькая, и не одумалась. Какая еще дура на твою уродливую рожу клюнет. Сдохнешь холостым. — Он увернулся от летящего в него кулака Федора, и перескочил на другое плечо. — Можно подумать, что я не прав. Развели тут нюни. Любовь у них, видишь ли. Долгожитель он! Пережить ее не сможет! — Он сплюнул несуществующей слюной. — А она сможет, если тебя завтра убьют в драке? Ты воин, а не крестиком в светелке вышиваешь.

— Он прав брат. — Поддержал Ильку Бер. — Что с тобой? Девка тебя любит, ты тоже

от нее без ума, что за сомнения. Пойдем свататься. Кузнец не откажет. Он уважает тебя.

— А то, что детей у нас не может быть ты не подумал! — Рывкнул оборотень, и грохнул кружкой по столу так, что она разлетелась в щепу, и по скатерти растеклась красная лужа. — Захотят ее родители без внуков остаться? А она не проклянет меня через год, за свое бесплодие? — Он замолчал, сверля взглядом собеседника.

— Разные мы. Я оборотень-кромочник, а она человек. Расставаться нам надо, а как это сделать не знаю. Даже убить себя не смогу, не допустят такого боги. — Последние слова он произнес почти шепотом, опустив голову. — Будь проклята моя судьба.

— То есть самая главная причина твоего сомнения — отсутствие у вас в будущем детей? — Задумчиво посмотрел на друга Федогран, впрочем, не ожидая от того ответа. — Думаю я знаю, как тебе помочь.

— Ты что бабка повитуха? — Засмеялся шишок, но мгновенно смолк, не успев на этот раз увернуться от летящего в него кулака, и уже сползая кляксой по соседней стене, продолжил говорить, как не в чем не бывало. — Нет такого способа. Кровь у них разная.

Но его никто не слушал, Вул поднял голову, с надеждой посмотрев в глаза, а Бер даже встал из-за стола, и уперевшись в крышку кулаками-кувалдами навис над парнем:

— Говори.

— *Потом. Просто поверьте. Скажи только одно брат. На что ты готов пойти, ради любви к девушке?*

— На все. Жизнь готов отдать. Долголетие свое, вместе со здоровьем в довесок. — Оборотень вскочил из-за стола перевернув скамью.

— Тогда пошли сватов собирать.

— Что ты задумал?

— Все потом. Просто поверь.

— Да! Три свадьбы в один день. — Заорал медведь и врезал кулаком изо всех сил, в порыве вспыхнувших радостью чувств по крышке стола, от чего она с хрустом сломалась пополам.

— Ой. — Он затравленно обернулся назад, где в двери вбежал хозяин харчевни. — Я нечаянно, она просто очень слабенькая была. Видимо доски сгнили.

— Новый дубовый стол сгнил! — Вспылил тот. — Только вчера плотники принесли. Идите отсюда. Герои недоделанные. Силу им приложить некуда. Где я людей сажать теперь буду. Идите к воеводе, сами все с ним решайте, пока я не пожаловался. Что хотите делайте, но чтоб к ужину стол был.

— Да тут всего одну доску поменять. Чего ты так расстроился. — Бубнил медведь, крутя две половинки в руках словно они были сделаны из соломы.

— Я сказал к воеводе. — Рывкнул хозяин и скрылся в дверях кухни бормоча себе под нос проклятья буйным посетителям.

— *Пошли к воеводе. — Засмеялся Федогран. — Нам все равно просить его сватом быть. Да брось ты эти обломки, все равно не починишь.*

— Куда это вы собрались? — В дверях харчевни стоял, окутавшийся дымом Чашун.

Глава 30 Помолвка и снова в путь

— Ну так вы мне ответите на вопрос: «Куда собрались?», молодые люди. Или будете пожирать меня глазами в восхищенном молчании, хлопая ресницами как девки на смотринах?

Появление духа жизни в харчевне было настолько внезапным и неожиданным, что наши герои действительно застыли на месте, не зная, как реагировать на окутанного дымом старика, сверлящего их вопросительным взглядом.

— Мы к воеводе. — Ответил наконец за всех, пришедший в себя Федогран. — Нам нужен авторитетный человек для сватовства. Вул хочет жениться. Надо ему помочь.

— Вул?.. — Выражение лица старика приобрело выражение нескрываемого удивления. — Интересно на ком? Я не помню проживающей в Новограде волчицы-оборотня. Но если даже я что-то не знаю, то зачем ему свататься? Насколько я помню обычаи их хищного племени, они всегда обходились без подобных условностей. Или я что-то не знаю?

— Я хочу жениться на женщине, на человеке. — Нерешительно произнес оборотень опустив голову.

— На женщине!.. — Дед окутался клубами дыма, и его глаза выразили на столько ошарашенное удивление, что казалось вылезут из орбит. — Но такого еще никогда небыло... Ты понимаешь все возможные последствия такого поступка? Ты ведь перестанешь быть оборотнем, и потеряешь все свои способности, которыми обладаешь, включая бесконечное долголетие?.. Извини за вопрос, но: «Ты дурак?»

— Я осознаю все это и готов ко всему что меня ожидает. — Оборотень поднял гордо голову и решительно взглянул в удивленные глаза старика. — Я люблю ее.

— Не бывать такому. Я не позволю погибнуть лучшему своему воину, пусть и дураку, только потому, что он, видите ли, влюбился. — Вскипел яростью колдун. — Ты не посмеешь жениться, я запрещаю.

— Мне плевать на твои желания и запреты, старик. — Зарычал Вул. — Я не твой раб. Я служил тебе по своей воле, а не по принуждению. Ты не имеешь права распоряжаться моей судьбой. Я женюсь!

— Щенок! — Чашун начал надуваться, что не предвещало ничего хорошего для оборотня. — Ты смеешь перечить мне. — Воздух в харчевне стал сгущаться. — Я уничтожу тебя. Раздавлю.

— Тогда и меня тебе придется убить, Федогран отодвинул рукой в сторону приготовившегося к трансформации оборотня, и вышел вперед, ложа руку на рукоять меча.

— И меня. — Встал рядом, приподняв над полом половинку дубового стола усмехнулся Бер. — Я с братьями, плечом к плечу.

— И меня. — Пискнул рядом с ухом Федограна шишок. — Я тоже плечом к плечу.

Само время остановилось, чтобы с интересом понаблюдать: чем закончится противостояние совсем еще недавних союзников.

Окутавшийся дымом, раздувшийся в четыре раза от злобы, Дух Жизни сверлил жесткими глазами стоящих напротив него друзей, но и пока не делал попытки напасть. Видно, было что он думает, морща нос и пуская струи дыма из бороды. Напряжение нарастало, сгущая в харчевне воздух.

— Вы понимаете, что полностью рушите все планы богов одним глупым поступком...?

Победить в схватке с Горыном и Кацикином может только связка богатыря и оборотня. Других шансов нет. А после свадьбы оборотня больше не будет. Вы это понимаете? Вы уничтожите мир своей глупостью! Вы ввергните в хаос мирозданье какой-то сиюминутной любовью. Стоит она того?

Федор поднял руку, прерывая монолог старика, и уверенно заговорил:

— Все останется как прежде. Поверь, я знаю, что говорю, я знаю способ помочь Вулу, и не нарушить условий. Поверь мне. Прошу. И потом нас не двое, а четверо стоящих плечом к плечу, а это уже меняет правила. От этого мы только сильнее. У нас будет больше шансов справиться с врагом в схватке.

Дед как-то резко сдулся до нормального состояния, перестав пускать дым. Он задумчиво посмотрел в глаза юноши, а потом устало махнул рукой, и произнес тихим обреченным голосом.

— Глупые юные максималисты. — Он сплюнул под ноги и выпустил струю дыма. — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь богатырь. Хотел я все сделать правильно, но вижу, что действительно мир меняется, и правила перестают быть непререкаемыми. Но после помолвки вы мне будете нужны. Все! — Он посмотрел каждому стоящему напротив в глаза. — Это не обсуждается! Сразу после помолвки выезжаем.

— В чем проблема дед! — Затараторил скороговоркой заулыбавшийся шишок, сообразивший, что неминуемая гибель отложена, и скорее всего никакой кары не будет. — Мы всегда придем на помощь старому духу жизни даже...

Что он имел в виду под словом: «даже», навсегда останется тайной, потому что его грубо прервал Чацун, дав вытянувшейся «резиновой» рукой подзатыльник:

— Заткнись трепло! Лучше сбегай предупреди отца невесты, что сейчас сваты придут. Негоже без предупреждения являться, а мы пойдем к воеводе, сам попрошу его. Он не сможет мне отказать, а вас с такой просьбой пошлет к Стрибогу (бог ветра), пыли пособирать. Да и мне самому интересно стало, как этот юноша собирается сделать то, что не удавалось еще никому на земле до этого.

Кузнец стоял на крыльце своего дома растерянно смотря на подходящую, торжественную процессию. Он обязан был, как отец отказать сватам, но как это сделать друзьям?! Тому с кем умирал совсем недавно в смертельной схватке, кому был обязан жизнью, Перл не знал.

Таким же растерянным выглядел и угрюмо шедший на встречу воевода. Он тоже метался в душе между желанием и долгом. Как было можно отказать тому, кому был обязан жизнью дочери? Да и пацанам этим трудно отказать... Но в то же время сватать оборотня лучшему кузнецу княжества...? Другу? Он не знал, как и что будет говорить, глядя в глаза кузнеца.

Единственный из всех присутствующих, кто был уверен, что все идет правильно, и так как надо, был Федогран. Он в нарушение всех традиций ритуала сватовства, выбежал вперед и скороговоркой прошептал угрюмому отцу невесты:

— Не отказывай сразу, дозволю нам войти в избу. Позволь начаться таинству, а потом, после всего, что произойдет примешь решение. Поверь ты будешь приятно удивлен. Поверь мне друг, я знаю, что говорю.

Тот кивнул неуверенно головой, также растерянно и неуверенно выслушал все необходимые, скрашенные прибаутками предложения, словно во сне пробормотал ответ, и махнул рукой, приглашая в дом, где его хрупкая женушка спешно накрывала стол, смахивая с

глаз слезы.

— У вас товар у нас купец... — Начал было воевода говорить ритуальную фразу.

— Погоди. — Остановил его Федор, взяв за плечо. — Дозволь я кое-что сделаю. — Он повернулся к хозяину дома. — Я понимаю, что нарушаю обычай, но поверь мне, что это не со зла, а для блага. Позови дочь. Нам надо сначала кое-что подготовить, а только после этого, продолжим сватовство.

Кузнец задумчиво посмотрел на парня, и мотнул головой:

— Дана, выйди-ка в светелку!

С красными от слез глазами, символом того, что совсем недавно состоялся тяжелый разговор с родителями, в простом, синем домашнем платье, перетянута шнурочком-пояском в районе талии, никак своей скромностью не говорящем о приготовлении девушки стать невестой, девушка появилась в дверях.

— Да батюшка? — Прозвучал еле слышно ее голос.

— Подойди. — Буркнул недовольно кузнец.

— Иди сюда Дана, и ты Вул подойди. Возьмитесь за руки. Смелее. — Улыбнулся Федогран и накрыл их сжавшиеся, подрагивающие ладони своей. — Ответь мне только на один вопрос кузнец. — Он повернул голову к недовольному происходящим отцу девушки. Только невозможность иметь им детей не дает тебе дать согласие на свадьбу дочери с оборотнем? Или есть еще какая-то причина? Например, ты боишься сплетен? Говори сейчас. Потом будет поздно.

— Плевал я на все разговоры и сплетни. Но лишиться дочь потомства я не имею права. Прости меня Вул за эти горькие слова. Но я в первую очередь отец, и только потом друг! — Выпалил он и опустил голову.

— Я услышал все, что хотел. — Улыбнулся Федор и поднял вверх голову, прикрыв глаза.

— Морена, я требую вернуть долг! — Воскликнул он торжественно и громко. В ту же минуту, рядом с ним за клубилось облако мрака, превратившись в черные губы.

— «Слеза Морены». — Выдохнул Чащун в восторге округлив глаза, кулем падая на пол, вытягивая ноги и окутываясь дымом как одеялом. — Я старый дурак и помыслить о таком не мог. Вот же дурак...!

Черные губы мрака снисходительно улыбнулись, и в образовавшейся тишине зазвучал голос богини:

— Требуй богатырь, я слушаю. Мой долг будет отдан!

— Хочу, чтобы у этой пары были в будущем дети, и это никак не повлияло на сущность будущих родителей! — Выпалил парень скороговоркой.

В ответ гнетущая тишина И вдруг громкий хохот сразу двух божественных голосов: женского и мужского.

— Ай да плут! Восхищались губы морены.

— А я что тебе говорил! Вторил им в ответ голос Перуна из неоткуда. — А ты говорила щенок. Этот щенок вырастет в матерого волкодава. Поверь мне. Он еще заставит слагать о себе легенды.

— Умен! Это же надо все так провернуть. Сразу две просьбы в одной, и главное подкопаться не к чему. — Внезапно голос морены стал строгим и торжественным.

— Я исполняю взятый на себя долг, богатырь. Эта пара будет иметь детей. Двое из них, два мальчика, будут воинами. На старшем будет лежать печать Перуна, и он будет его покровителем, на младшем же моя печать, и о его судьбе буду заботиться я. Если кто

посмеет мешать союзу двух любящих сердец Даны и Вула будет моим личным врагом. Оборотень останется прежнем, а его будущей жене я дарую долголетие кромочницы, но при этом оставляю человеком. Да будет так!

И губы исчезли в полной тишине, а хозяева дома, и гости остались стоять, ошарашенно смотря на улыбающегося, довольного собой Федора.

— Дааа!!! — Внезапно взревел, подпрыгнув восхищенный Бер. — Три свадьбы в один день. Молодец брат. Здорово все устроил.

И в тот же момент одновременно загомонили все, глотая от возбуждения слова:

— Бегом, дуры. — Рывкнул Перл сверкая крупными зубами счастливой улыбки. — Переодеваться, мазаться, красится. Почему перед сватами «лахудрами» вышли? Совсем страх потеряли. Бегом я сказал. — Но жену с дочерью не надо было подгонять, они уже и так выскакивали вон из светелки, сияя счастьем.

— Ты видел? — Толкал Елея в плечо Митрох. — Сама богиня сосватала, нам с тобой теперь только меда выпить осталось, за здоровье, да дату свадьбы согласовать.

— Да. — Чесал затылок тот. — Будет что народу порассказать. Год теперь сказки по окрестностям гулять будут.

— Ну учудил. — Бормотал, задумчиво, покрываясь клубами дыма, сидящий на полу Чащун. — Так «Слезу Морены» использовать... Это же надо до такого додуматься. О себе ведь даже не подумал. Он тот, кто действительно нужен.

Только шишок сидел на плече недовольный:

— Все переженятся, а я как дурак один останусь. Мне к кому свататься прикажите? К Кикиморе? Вы ее рожу видели? — Разговаривал он сам с собой. — Напьюсь с горя меда хмельного и пойду искать невесту. Спьяну и Ягира покажется красавицей. Потом сорву цветок папоротника и потребую себе, чего ни будь этакого... Русалку в невесты потребую... Хотя нет, больно холодная она, словно рыбину обнимаешь...

Свадьбы решено было гулять в один день. Все три одновременно. Пока-же, судьба злодейка вновь отправила наших героев в путешествие, надолго лишив возможности видеть своих любимых. Чащун потребовал отправится с ним, в столицу княжества Ураслав, в город Уйшгород немедленно. Пора было разобраться, что стало причиной резкого изменения в характере князя Сослава. Некогда славного, честного правителя, а теперь подлого и скользкого человека.

У Духа Жизни были конечно кое какие подозрения по этому поводу, но основаны они были на догадках, и не имели подтверждений. Он задумал план, и для его осуществления понадобилась помощь верных друзей. Он сможет во всем разобраться, и они ему в этом помогут. Поэтому сразу после помолвки Вула, они отправились в путь. Выехали в ночь, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

Добрались быстро и без приключений.

Первое, что бросилось в глаза при приближении, это огромная стая ворон, кружащих над городом. Нельзя сказать, что эти птицы ранее избегали вниманием столицу княжества, совсем нет. Эти крикливые создания присутствуют везде, где можно что-то украсть и съесть, но в таком количестве их небыло тут никогда. Они словно горлопанящая туча носились над деревянными стенами, затмевая солнце и создавая настроение «погоста».

Второй неприятной неожиданностью оказались запертые ворота города, ранее всегда гостеприимно распахнутые, а также утрюмые лучники на башнях, с недовольством смотрящие на приближающихся путешественников.

— Это мне не нравится. Это уже совсем не куда не годится. — Выдохнул Чащун слова струей дыма, останавливая рысь, на которой постоянно путешествовал. — Давайте поаккуратнее. Не будем близко приближаться. Взгляды охраны в нашу сторону мне совсем не те, какими должны быть. Я пока подъеду один и поговорю. Если махну рукой, то приближайтесь, если просто подниму вверх, то скрывайтесь в лесу. И не спорте. — Остановил он пытавшихся возразить друзей. — Тут нет никакой трусости. Мне простыми стрелами они ничего не сделают, а вот вам достанется. Стойте тут, я поеду.

Он остановил своего необычное транспортное средство прямо около городских ворот и поднял голову.

— Здравия вам воины. Что такого случилось, что вы заперлись от честных людей, словно тати. Или вы боитесь, чего, или враг на подходе. Не гоже так-то путников встречать ищущих отдыха и ночлега.

— Зря ты приехал Чащун. — Голос с вершины башни прозвучал глухо и обреченно. — Уезжай лучше. Заговор у нас. Сотника в поруб посадили, вместе с тремя десятниками. Князь сказал, что они предатели, ничего не объяснив. Теперь командует у нас Сканд... Подлость у нас правит теперь. Уезжай. Тебе будут тут не рады.

— Плевать мне на радости. Мне с Сославом поговорить надо. Важно это. Открывай ворота проехать надо.

— Въехать легко, выехать будет трудно. Уезжай прощу пока не поздно...

Голос лучника осекся, а ворота внезапно начали открываться.

— Чащун. Гость дорогой. — Из ворот вышел на встречу щупленький мужичек, тридцати лет от роду, в доспехах сотника, с непокрытой черной головой, и радостной улыбкой на лице. Откинув назад, развивающуюся на сильном ветру прядь волос, мешающую горящим радостью глазам видеть гостя, он пошел на встречу.

— Здравствуй Сканд. — Буркнул дед.

— Что же ты встал. Проезжай, и друзей своих зови. У князя уже нет на них зла. Во всем разобрался мудрый правитель. Вычислил клеветника и наказал. Вы теперь желанные гости в городе. Встретим как героев. — Он многозначительно улыбнулся.

— Может быть и так, и ты говоришь правду. Но пусть они пока лучше подождут меня в другом месте.

Дух жизни трудно обмануть лживой улыбкой. Чащун чувствовал подлость, но от куда она исходит понять не мог. Он не верил новому сотнику, и потому поднял руку в верх и замер в ожидании.

— Умен. — Хмыкнул Сканд. — Я всегда это знал. Только это тебе не поможет. Поздно.

Он резко выкинул руку, и переливающийся на солнце радугой, слетевший с его ладони, порошок, с раздавшимся, противным скрипом, осыпал наездника, погасив трубку, не успевшую выпустить последнее облако дыма. Дед упал вместе с рысью тряпичной куклой.

В это же мгновение из ворот выскочили всадники и одни из них бросились вязать искрящимися, пробегающими по ним молниями веревками, старого колдуна, а другие кинулись вдогонку за нашими героями. Которым Федогран скомандовал:

— Уходим.

— Вяжите деда как следует олухи. — Ревел удаляющийся голос нового сотника. — Рысь добейте, не нужна она! И ловите этих татей, не дайте уйти в лес. Живыми ловите. Мне они живыми нужны.

Ничего не оставалось, как только скрыться. Бежать от врага было противно, но

справится с ним было нереально, в виду численного перевеса. Можно было бы, конечно, дать неравный бой, но, чтобы они добились погибнув, не освободив Чашуна и не разобравшись с больным неизвестной болезнью князем. Ничего. Они приехали сюда не умирать. Они приехали сюда побеждать, и если для этого надо на время отступить, то они сделают это.

Лес скрыл их от преследователей, закрыв огромным ветками-лапами от взоров. Теперь нужно принимать решения. Помощи ждать неоткуда.

Глава 31 Если бы не меч...

— А я говорю надо на меч город брать! — Бер врезал по дереву кулаком так, что кора брызгами разлетелась и осыпала сидящего напротив Вула. Медведь заскрежетал от скопившейся злобы зубами. — Не с теми связались, чтобы вот так вот поступать.

Друзья уже около часа обсуждали, что им делать дальше, облюбовав для этого поляну недалеко от Уйшгорода и устроившись на поваленной березе. Они долго петляли перед этим по лесу, сбивая погоню со следа, и сделав крюк практически вернулись назад к городу.

Костра не разводили, опасались быть обнаруженными, да и не видели в этом никакого смысла — не на прогулку пришли. Они уже успели и поругаться и помирится. Предложить и отбросить в сторону несколько несостоятельных абсурдных идей, но так и не решили, что делать дальше, и потому были хмурыми и злыми, как друг на друга, так и на себя лично.

— Какой меч, брат. — Горячо возразил Федор, смотря прямо в лицо медведя, развернув того к себе резким движением, схватив за плечо. — Нас трое! Понимаешь, всего трое!

— Четверо. — Пробурчал недовольно ему в ухо шишок.

— Что? — Не понял его наш герой, поворачивая голову.

— Четверо говорю нас. Вы, как всегда, меня в расчет не берете.

— Прости дружище, просто ты как воин слабоват, а мы про драку говорим...

— Так давайте Новгор поднимем. — Вскочил возбужденный Бер, яростно сверкая глазами, и перебивая Федограна. — Там, когда узнают, что творится, сразу за вилы схватятся. — Он возбужденно забегал по поляне периодически хватаясь за меч.

— И пойдут своих братьев и сестер резать? — Горько усмехнулся Вул. — В Уйшгороде половина родственников из нашего города. Прости брат, но ты говоришь глупости. Не поднимется Новгор против столицы. Тут надо что-то другое думать.

— И что, тогда, вот так вот сидеть и ничего не делать? — Развел руками от безысходности медведь, резко остановившись и губы у него задрожали, как у обиженного ребенка. — Я так не могу.

— Думать надо. — Ответил ему Федогран. — Сядь и не мельтеши, нам всем тяжело.

— Что бы вы без шишка делали дурни. — Хитро усмехнулся Илька. — Что, по-вашему, нам не достает в этот момент? — Он с превосходством повел глазами и не дожидаясь сам же ответил на свой вопрос. — Правильно! Информации. Придется опять вас выручать.

— Когда это ты нас уже выручал? — Вскинул удивленные глаза медведь.

— А кто поле позади орды запалил? Забыл уже?

— Ааа... — Точно.

— Ладно. Ждите! — Илька спрыгнул и уже из ближайших кустов донесся его удаляющий голос. — Только не уходите никуда, я быстро.

— Вот же шило. — Усмехнулся Вул. — Никогда не меняется.

Время дальше потянулось на столько медленно, на сколько Числобог (бог времени и чисел) мог затянуть его движение. Вредный этот бог. Когда человек хочет, чтобы что-то произошло побыстрее, то властитель стрелок, назло останавливает их движение, и наоборот, когда хочется продлить минуты удовольствия, все скомкивает в один единственный миг. Но уж такова его сущность. С богами не спорят. Их или принимают или нет, и только уповают на их благосклонность.

Илька отсутствовал почти сутки. Мучительные растянувшиеся резиновым жгутом —

сутки ожидания, и срывающихся в панику, натянутых в струну нервов. Он появился только на следующий день, тогда, когда солнце вышло в самую наивысшую точку небосклона, замерев в зените ярким слепящим глаза шаром. Ворвавшись ураганом на площадку, сверкая возбужденными глазами, он упал на траву, судорожно глотая воздух и выпалил скороговоркой:

— Вы не представляете, что там творится!!! Город сошел сума. Жители попрятались в домах, дружина раскололась на две части, из которых одна адекватная заперлась в караулке, а другая, словно обьевавшаяся мухоморов, пытается к ним пробиться. Встретился я там с нашим хорошим знакомым — Нафаном. Не забыли еще того домового, что вам из города бежать помогал? — И не дожидаясь ответа, дальше затараторил:

— Так вот. Говорит он, что нечисть в городе завелась, такая которую до сих пор еще и не видел никто, непонятно какому богу служащая. Она как зараза, в душу входит, и после этого не узнать человека, меняется полностью. Для такого перестают существовать все кроме него самого и владыки князя, которому он, с того момента поклоняется как божеству, и исполняет любую прихоть. Еще утверждает, что Сослава подменили, не их этот князь. Вот вроде тот же самый человек, а повадки другие. Злой стал, кровожадный и лживый. И глаза пустые, словно кукла бездушная. Такие вот дела.

Чашуна, нашего, в поруб бросили, там же и сотник с двумя десятниками своими, вроде как бучу поднять решившими, сидит. Дух жизни веревками заговоренными связан, освободиться не может, кот говорит, что они как кокон его опутывают, и выхода силе не дают, у того даже дым волшебный из трубки выпустить не получается. И самое поганое, что притронуться к ним никто не может, к веревкам этим. Тьма в них сидит, все кто пытался деду помочь на долго немел, как кукла тряпичная становился. Правда желающих в порубе немного нашлось, только три сидельца, да спустившиеся туда на время домовой. Так-то вот. Казнить их вроде завтра на рассвете хотят.

Нафан предлагает вам попробовать освободить Чашуна. Правда сам колдун против этого, говорит, что только зазря сгинете, но домовой верит, что у богатырей должно получиться, не зря же о нас уже легенды ходят. — Шишок гордо поднял подбородок, задрал нос к небу. — Главное пути с него снять, силу вернуть. Сегодня в полночь кот у частокола, с права от ворот, ждать будет. Там стража редко появляется. Он веревку сбросит и до поруба проводит. Только налегке идти надо. Нечего там доспехами железными греметь. Все тихо сделаем. И еще: рожи свои грязью намажьте, а то они белые как у приведенных. Да и одежду «извозюкать» не помешает, понеприметнее в ночи будет. Легче пробраться.

Веревка опускалась медленно и беззвучно, не касаясь бревенчатых стен, чтобы даже своим шуршанием не привлекать внимания. Четверка воинов застыла, дыша через раз, сверкая глазами в лунном свете, на измазанных лицах. И только когда нижний конец коснулся земли, первый из них, как самый ловкий, Вул, заскользил на одних только руках вверх. Ни единого шороха в кромешной тишине. Город словно вымер.

Легкое подергивание пенькового шнура, как сигнал, и вот уже следующий, Федогран с шишком на плече, взлетает на стену, и тоже дергает за кончик, сигнализируя Бери. Вся четверка наверху. Огромный кот, стоя на задних лапах, с человеческими глазами, молча кивает головой, приглашая следовать за ним, и растворяется в мраке, увлекая за собой друзей. Миг и стена пуста, словно и не было тут никого и никогда. Только бледный свет

половинки луны, свидетель, но он ничего и никому не расскажет.

Шли медленно, скольльзящим движением переставляя ноги и замирая после каждого шага. Долго прислушивались, и только после этого двигались дальше, укрываясь в тени зданий. Домовой вел, уверенно выбирая самые темные, заброшенные уголки города. Его бесшумную фигуру выдавали только сверкающие зеленью, настороженные глаза.

Самый сложный участок пути был перед порубом. Лаз в него находился на открытом участке, хорошо просматриваемом со всех сторон, и любой любопытный взгляд, мог нарушить все планы друзей, подняв тревогу. Это только, кажется, что никого вокруг нет. Злодейка Судьба она такая, она женщина подлая и непредсказуемая, в любой момент может изменить своему избраннику просто ради потехи. Почему бы ей не подкинуть гадость, и не подослать какого ни будь, неспящего горожанина, проветриться, и полюбоваться на ночное небо. Нервы у всех в столице княжества сейчас напряжены, заметит такой чужаков и разбираться вряд ли будет: «Что и почему», сначала орать начнет: «Караул!», а потом думать начнет, но будет уже будет поздно.

Кот дождался, когда облако закроет серп луны, покрыв мраком площадку перед порубом. Махнув когтистой лапой, он быстро пробежал опасный участок, и скрылся, скользнув черной тенью в лаз, друзья бросились за ним, прыгая по очереди в мрак узилища. Никто даже не подумал о том, как потом выбраться наружу. Молодость импульсивна и нелогична, она часто совершает такие вот глупые ошибки.

Они попадали чуть ли не на головы сидящих в яме людей, только чудом не поломав им шеи.

— Сдурели совсем. — Выдохнул от неожиданности связанный Чашун. — Я же приказывал уходить. Зачем явились?!!

— Что-то меня гложет изнутри. Что-то такое знакомое. — Словно не замечая связанного деда заговорил шишок, ехидно окинул взглядом всех присутствующих. — О! Понял! Это ностальгия. Давненько я тут небыл, видимо соскучился. — Он задумался и затем ошарашил всех неожиданным вопросом. — Вы дурни веревку взяли? Как теперь отсюда выбираться будем?

— Хм. — Многозначительно почесал голову Бер. — Что-то как-то и не подумали.

— Олухи! — Негодовал дед, сверкая гневными глазами. — Куда вы влезли? О чем думали? А ты вшивый? — Он перевел глаза на вжавшего голову в плечи кота. — Ты, дурак, зачем их сюда притащил. Теперь вместо одного меня их всех на костре спалят. — Он попытался выпустить изо рта дым, но только закашлялся. — Тупицы. Дети Параскевы Пятницы. — Рыкнул и отвернулся к глиняной стене.

— Злая гусеница вот-вот превратится в бабочку. — Хмыкнул, спрятав в кулак губы шишок.

— Что? — Не понял дед, и повернул к нему голову.

— Говорю забавно ты старый смотришься, словно кокон насекомого со злобными и выпученными глазами. Надо будет запомнить.

— Да я тебя... — Дед заворочался, извиваясь змеей.

— Ой напугал, болезный. Ты сначала вылез, а потом надуваться. Лежи спокойно и жди, когда тебя распеленают.

— Хватит. — Рывкнул сотник. — Дед дело говорит. Зачем пришли? И нам не поможете и себя сгубите. — Но внезапно прервался заметив, что Федогран ведет себя странно

Не обращая на перепалку, и не отвечая на вопросы, Федогран молча присел около

Чащуна. Рядом с ним встал Вул, они принялись разглядывать переливающиеся радужным колдовством веревки. Дед внимательно и настороженно из подлобья за ним наблюдал.

— Только не трогай их. Онемеешь. — Предупредил он грозно.

— Ты знаешь, что это такое? Я имею в виду что за заклятие на них лежит? — Парень не делал никаких попыток прикоснуться, а только сощурившись присматривался к магическим путам.

— Нет. Не наше это что-то. Новое. Невиданное досель. Темным духом от всего этого за километр несет. Всю душу мне выело. Божественное что-то. Только я не знаю такого бога. Это что-то новорожденное незнакомое.

— Божество темное... — Бормотал задумчивый Федогран, рассматривая отсутствующим взором веревки старика, словно смотря сквозь них. — Боги, свет, тьма. Свет побеждает мрак. Боги равны по силам, и они не могут вмешиваться в дела Яви. — Не останавливал он бессмысленный поток слов.

Стоящий рядом Вул кивал головой соглашаясь с этой бессмыслицей, и так же не сводя глаз с искрящихся веревок. Остальные молчали, в оцепенении застыв с выпученными на друзей глазами, не понимая, что за напасть вселилась в них, всегда разумных и рассудительных людей, но на данный момент выгладивших потерявшими рассудок.

Все поменялось мгновенно. Федогран резко выпрямился, и резко выдохнул:

— Помогай Ярило! — Молниеносным движением, выхватил полыхнувший пламенем меч, и рубанул, как показалось, по вжавшему голову в плечи, как-то вдруг сразу сморщившемуся Чащуну. Но клинок не задел тела, он со скрежетом металла о металл скользнул по тут же начавшим рассыпаться и задымившимся мгновенно черным маревом тумана веревкам, но сам при этом потек каплями раскаленной лавы к ногам Федора.

— Спасибо владыка светила. — Зашептали губы парня. — Твоя помощь бесценна. Один бы я не справился. Ты очень помог.

Меч растаял как мороженное на солнце, и шипящая лужица метала у ног воина впиталась в сырую глину, как вода в песок. Веревки темным облаком поднялись вверх, и их сдул внезапный порыв ветра. Ошарашенный Чащун, выпучив глаза выпустил наконец струю дыма, и не вставая с земли глухим голосом произнес:

— Во истину избранник богов. Истинный богатырь, бога ведающий. — Но быстро придя в себя вскочил на ноги, и уже совсем другим голосом, выпустив еще одну порцию дыма заорал: — Но дурак. Где теперь такой меч возьмешь? А вы чего истуканами застыли? Колдовства никогда не видели? — Повернулся он к остальным.

— Такого? Нет. Не видели. — Голос Бера, не отрываясь смотрящего на место куда стек в лужицу меч выразил общее мнение остальных, так же уставившихся в одну точку. — Я думал он тебя зарубит. — Добавил медведь.

— Тьфу дурак. Давайте выбираться отсюда, нужно закончить с гадостью, что поселилась в городе. Долго вы еще в землю пялится собрались?!! Ау! Воины. — Он окинул взглядом медленно приходящих в себя людей. — Очнитесь вы наконец, Моренины дети?

— Да! — Встрепенулся наконец сотник, и с нескрываемым уважением посмотрел на Федора. — Нужно уносить отсюда ноги.

— И оставить город на растерзание этой напасти? — Поднял тот глаза. — Нет уж, кто-то должен за все это ответить. Я просто так уходить не собираюсь.

— Ага. — Хлопнул Бер его по плечу. — Только вот как выбраться отсюда? Веревку-то не взяли.

— Дед вытащит на своих руках волшебных. — Хмыкнул и посмотрел на колдуна парень. — Ты как? Дедушка? Сдюжишь?

— Вот так всегда. Набедокурят, а потом Духа Жизни о помощи просят. — Беззлобно пробурчал дед, и пустив струю дыма вытянул резиновую руку, ухватившись за край лаза в поруб. — Выползайте на волю, пока я добрый, только аккуратно, не поцарапайте.

К терему князя шли также осторожно, как и к порубу, прячась в тени домов и замирая на каждом шагу. Все также их уверенно вел кот-домовой, пролагая самый безопасный маршрут. Вход в обитель хозяина города охранял одинокий стражник, клюющий носом в борьбе с наваливающейся дремой, под светом едва тлеющего факела. Бер сделал предупреждающий жест рукой: «Я сам с ним разберусь», на что получил в ответ вытянувшийся под самый нос кулак Чащуна: «Только посмей покалечить. Прибью.»

Заговорщики заранее договорились никого не убивать и не уродовать, ведь не гоже такое с больными людьми делать, они ведь не ведают, что творят, под напастью неведомого морока. Одурманены они злым духом.

Скользнув пригнувшийся к земле тенью, медведь материализовался прямо напротив дремлющего воина, ухватив того одной рукой за копьё, а второй, сграбастав кольчугу, словно тряпку, у на груди.

— Не бузи — Улыбнулся он милой улыбкой людоеда, отрывая того от земли и передавая назад, за спину отобранное копьё, подбежавшему сотнику. — Ты ведь не скажешь никому, что нас видел? Правда? — Он сорвал с пояса болтающей в воздухе ногами жертвы меч. — Вот и умница. — Удар кулака отключил сознание стражника. — Держи Федогран тебе на замену пока, а то твой совсем растаял. — Ткнул он оружие в руки пробегающего мимо него в двери терема Федора.

— Спасибо брат. — улыбнулся тот выхватывая на ходу клинок из ножен, и врываясь в распахнутые двери.

В помещении уже перекинувшийся в волка Вул, нависал над валяющимся на полу с выпученными глазами дружинником а Чащун, резиновой рукой, держал за горло другого, третьего же прижимал к стене сотник, и все это без единого звука.

— Контролируй вход в горницу. — Одними губами произнес колдун. Федогран кивнул в ответ и прыгнул вперед, встав напротив дверей.

Но как не старались друзья, совсем бесшумно связать пленников у них не получилось. Возня с одним из них, решившим посопротивляться, привлекла внимание. Послышались шаги. Дверь распахнулась и на пороге показался князь, в шелковом домашнем красном халате, и искаженным злобой лицом.

Недолго думая, Федор ударил рукоятью меча его в лоб, и перепрыгнув через падающее тело, ворвался внутрь, выставив клинок впереди себя, для отражения атаки.

Глава 32 Экзорцизм

— Быстро ребяташки, быстро! — Командовал Чащун покрываясь клубами дыма, и азартно сверкая глазами.

В помещении, куда ворвался Федогран, перепрыгнув через бесчувственное тело, больше никого не было. Быстро скрутив руки за спиной князю, его же поясным шнурком, он оттащил того внутрь комнаты, прислонил спиной к стене и вернулся к друзьям. У тех то же все прошло как надо и трое захваченных внезапным нападением пленников, молчаливо стреляли испуганными глазами, рядком уложенные на полу, с засунутыми в рот кляпами, а сотник объяснял им, что все будет хорошо, и никто никого убивать не собирается, пусть не волнуются, он свое слово всегда держит.

Как всегда, в любом, даже в самом идеальном, просчитанном до мелочей, плане, все идет наперекосяк. Слабым звеном в их задумке, оказался первый нейтрализованный Бером стражник. Он, забытый в спешке на крыльце терема, придя в себя, после оглушающего удара кулаком Бера, поднял тревогу, истерически-громко, заорав на весь город.

Надо отдать ему должное, он не струсил, и кинулся внутрь дома, в атаку воя сиреной, за что и получил еще один удар медведя по голове, поэтому снова отключился, под недовольное брюзжание гиганта. Но свое черное дело успел сделать. Та, большая, часть дружины, что поражена была странным недугом, уже во всю мчалась по направлению к терему князя, гремя оружием, и подбадривая себя криками.

Собрав трофейное оружие, наши с вами друзья-захватчики оставили связанных стражников валяться на полу там, где они и были, и поспешили забаррикадироваться в покоях князя. Пришлось укреплять дверь, в которую уже колотили подоспевшие воины, подтаскивая к воздвигаемой баррикаде всю тяжелую мебель что только они могли найти, максимально заваливая вход.

— Быстрее! — Командовал Чащун, толкая перед собой княжеское кресло-трон, и пыхтя дымом как паровоз. — Нам надо задержать их до тех по, пока не разберемся с Сославом.

— Ты бы лучше им и занялся, чем командовать тут и мешать. — Шишок не мог сдержаться от очередной колкости. — Приведи его в чувства и поговори, а мы уж тут как ни будь сами справимся, да и дыму от тебя будет поменьше, а значит и дышать полегче. — Вещал он с плеча Федограна, вцепившись пальцами в рубаху, чтобы не упасть.

Входная дверь содрогнулась от сильнейшего удара.

— Ого! Чем это они так? — Удивленно произнес Бер, садясь в кресло, которое всё-таки дотолкал колдун до дверей, прислонив спинкой к стоящему там комоду, не давая тому упасть, и вытягивая гудящие от напряжения ноги. — Не люблю, когда шумят.

— Лавкой видимо. — Сотник, устроился на полу, вытянувшись рядом с медведем, и прижавшись спиной к стене. — Долго им колотить придется. Дверь крепкая, дубовая. Что там у нас с князем? Не зашиб его наш богатырь насмерть? — повернул он голову к сидящему напротив бесчувственного тела колдуну.

— Сейчас очухается. — Окутался дымом Чащун.

Еще один мощный удар сотряс дверь.

— Это, что-то потяжелее. — Улыбнулся Бер. — Вот же неугомонные.

— Не. — Мотнул головой Ермох. Той же лавкой ударили. Народу видимо побольше стало, или разогнались посильнее.

— Хорошо, что тут окон нет как в той харчевне с упырями. — Вул ходил по помещению с любопытством разглядывая висящее на стенах оружие и доспехи. — А богато у нас князь живет. Смотрите какой меч. — Он снял со стены клинок и примерился к нему, сделав несколько взмахов. — Хороший. — Констатировал он улыбнувшись. — В руке как влитой сидит. Тебе будет самый раз. — Повернулся он к стоящему в задумчивости Федограну. — О чем думаешь, брат?

Тот повернул голову и посмотрел оборотню в глаза.

— Не из-за меня ли все это происходит? Ведь раньше все тут нормально было. Теперь же сплошные беды. Вот я и думаю, что связан со всем этим. Не я ли причина всего?

— Не бери в голову. — Усмехнулся на плече шишок. — Тем более, что тебе не идет на пользу напрягать мозг, слабенький он еще у тебя, нетренированный.

— Ты можешь, хоть иногда быть серьезным? — Повернул к нему голову Федор. — Твои шутки, конечно, забавные, но сейчас совсем не к месту. И так тяжело на душе, еще ты со своими вечными издевками.

— Могу. — Тот уверенно кивнул головой. — И вот что я тебе скажу, брат, если серьезно. Все что сейчас происходит началось очень давно, еще за долго до тебя, и нарастало медленно, как наполняющаяся водой плотина. Но когда-то она должна была прорваться, и хорошо, что это не понесло все одним мощным потоком, а началось вот так, как сейчас, с ручейка.

То, что ты видишь это только самое начало. Основное действие еще впереди. Решающее и жуткое. А твое участие сейчас, это скорее легкий прокол швейной иглой в раздувшемся пузыре грядущих событий, для спуска лишних мелких неприятностей, медленно и аккуратно, так что бы не рвануло во всю силу, и не смело нас всех в небытие. Так что принимай гадости, сыплющиеся на нас сейчас, как благо. Ты еще будишь их вспоминать как отдых перед главной дорогой. — Он замолчал, угрюмо опустив голову, а потом тихо добавил. — Еще знать бы куда она нас заведет.

— Да ты оказывается философ. — Усмехнулся Чащун, повернув голову. — Вот никогда бы не подумал.

— А я вообще ничего не понял. — Сказал, словно обиделся медведь. — Слишком запутанно ты все говоришь, мог бы и попроще сказать.

— Тебе и не надо. — Усмехнулся шишок. — Принимай жизнь такой какая она есть и не напрягайся. Мы тебя и таким любим.

Довольную улыбку Бера от слов Ильки, смысл еще один, очередной удар, сотрясший дверь, что-то противно хрустнуло.

— Может он претворяется? — Встал с пола и подошел, склонившись к князю сотник. — Он может. Он теперь не тот, честный воин, каким был. Надо ему на голову воды вылить, там на столе стоит кувшин?

Очередной удар и снова хруст треснувших досок.

— Не лезь. — Рывкнул Чащун. — Лучше двери держи. Не одна сволочь сюда ворваться не должна, пока я с ним не разберусь.

— Как скажешь. Я просто помочь хотел.

Снова удар, и одна из досок ломается, осколками и пылью влетев в комнату.

— Вы бы не лезли сюда ребята. — Кричит в появившуюся дыру Ермох. — Я не хочу никого из вас убивать, но если вы сюда сунетесь, то мне придется это сделать, и многие жены не дождутся тогда своих мужей. Вы меня знаете. Я слов на ветер не бросаю. Со мной,

кстати, еще тут богатыри прославленные, которыми вы, совсем недавно, в караулке восхищались. Или вы уже не помните таких?

Еще один удар в двери, и еще одна треснувшая доска, вместо ответа сотнику.

— Федогран! Подай мне кинжал попроще, что на стенках найдешь. Особо не выбирай, его вид мне не важен. — Чашун обратился к парню не отрывая взгляда, от начинающего шевелиться князя, и протянув требовательно руку себе за спину.

Искать долго не пришлось, оружия развешано было много и разного, нужная вещь нашлась сразу. Получив кинжал, колдун резким движением вогнал его над готовой Сослава в стену. Затем зажмурил глаза, поднял лицо и руки в верх, и запел громким, торжественным голосом, четко выделяя слова:

Духи-дивии, духи-навии,

Словом Вещего заклинаемы!

Вы слетайтесь, собирайтесь,

Коло посолонь направляйтесь!

Чистые духи земли!

Чистые духи воды!

Чистые духи огня!

Чистые духи воздуха!

Собирайтесь на место на красное,

Охраняйте нас, помогайте нам!

Воздух вокруг его поднятых в молитве рук сгустился и заструился седым туманом, начиная разрастаться в стороны, словно расцветая лепестками разноцветного сияния радуги. В мерцающих светом, раскрывающихся бутонах неестественных цветов, вспыхивающих прямо из пространства, выплывали полупрозрачные фигуры разнообразных существ, и вставали у колдуна за спиной, своеобразным, готовым бросится в смертельную атаку отрядом. Молнии пробивали между ними свои кривые, мерцающие электричеством стрелы, прямо из клубившегося облаками потолка, наполняя помещение озоном.

Князь открыл глаза. Поначалу бессмысленное, безумное их выражение, наконец приобрело частичку разума, потом узнавания. Внезапно ужас вспыхнул в них, выплеснувшись двумя облачками мрака, и потек по бледным щекам, черными слезами.

— А иншие, духи беспутные, прочь пойдите-

Туда, где Солнце не светит,

Где Мать-Земля не родит,

Где, слав Богам не поют,

Где правых слов не рекут!

Из нашего кола изыдите,

Пел, не останавливаясь Чашун, и голос его звучал все торжественнее и громче, и на последних словах сорвался в грозный, требовательный крик.

— Яко пропадом пропадите!

Да будет по слову сему! Гой!

Князь мелко задрожал всем телом и покрылся потом. Из его тела потянулись полупрозрачные щупальца, и начали сливаться в темную бесформенную, полупрозрачную тучу, словно одеялом укрывая тело правителя княжества.

— Гойда! — Рывкнул колдун, и стоящие за его спиной светлые фигуры, бросились в атаку, рвя на куски мрак, укрывающий князя и швыряя его вверх в заполненный облаками и туманом потолок. Грохот сотряс пространство, и тройная молния пробила в грудь Сослава, разорвав пелену белого, божественного пространства скрытого до этого момента потолка, открыв чистое утреннее небо, над головой, в котором в панике, роняя перья улетали прочь вороны, ставя точку во всем этом жутком действии. Все стало как прежде, и тишина опустилась на Мир.

Чашун взял за плечи мотающего головой, словно после сильного удара, князя, поставил того на колени и заглянув в наливающиеся мыслью глаза, улыбнувшись, торжественно произнес:

— Род Всевышний! Великий! Боже наш! Ты — единый и многопроявный, Ты — наш Свет и справедливость, Ты есть кладезь Жизни Вечной, Родник Любви безбрежной, Той, что исцеляет Душу и Тело. Славим Тебя, Боже Прави, Яви и Нави. И каждый день трудимся на Душами своими, чтобы быть Мудрыми и Сильными. Слава Тебе, Род Всевышний! Слава всем Родным Богам в тебе сущим!

Вставай княже. Буде с тебя на коленях стоять. Люди ждут. Вернись к ним во славе своей и мудрости.

— Чашун. — Сослав с удивлением посмотрел на колдуна. — Что тут происходит?

— Вселень в тебе сидел. Чужого бога, незнакомого до сего момента посланник. Крепко сидел. Пришлось всех светлых духов в помощь звать, вытаскивать этого клещца.

— Ничего не помню. — Князь смазал ладонью лицо, словно стирая напасть. — А вы почему тут забаррикадировались? — Он, пошатываясь встал на ноги. — Говори Ермох. — Его глаза воткнулись двумя копиями в сотника.

— Так ты нас княже сегодня спалить на костре обещал, вот мы и сбежали из поруба, да к тебе наведались. Узнать, что, да почему. — Улыбнулся тот.

— Я? Спалить? Вас?!! Что за бред. Открывайте двери, хочу народ свой видеть. И порядок тут наведи сотник, а то моя горница на хлев похожа.

— Ну вот. — Засмеялся тот. — Узнаю князя. Все исполню.

Сослав, стоял на крыльце терема, сверкая гневом в глазах, и держа за шкурку, как шкодливого котенка, трепыхающегося Сканда.

— Говори, выкормыш кикиморы, кто надоумил на сотника кляузы писать?

— Все скажу княже, жизнь только оставь.

— Слушаю. — Тело рухнуло к ногам правителя, и заползло по деревянному настилу пытаясь поцеловать сапог, но получило пинок в плече. — Прекрати унижаться, противно смотреть. Рассказывай:

— Черный человек приходил. Сказал, что он пророк нового бога. Его небесный покровитель, рожденный недавно и быстро набирающий силу — Чернобог, собирает свою паству. Старые боги, говорил он умирают, а с ними уходят и духи. Их время прошло. Пришло время новой реальности, и тот, кто последует за ним, тот будет править миром.

Он все красиво говорил. Слова все правильные. Ни капли лжи. Приводил примеры из реальной жизни, о свободе рассказывал, все так у него красиво получалось, потом пригласил на новое капище, посмотреть на службу. Сказал, что можно не участвовать, достаточно просто посмотреть. Ведь в том греха нет? Я же не буду славить нового идола и поносить светлое имя своих богов. Я согласился.

Очень торжественное было действие. Шесть жрецов в черных хитонах совершали обряд. Зарезали барашка жертвенного, такого-то у нас никогда небывало, мы все больше хлебушек да молочко на требы оставляем, а тут кровью идол сбрызнули. Жутко все и ново. Гимны пропели, молитвы закли, и вдруг из идола, сам Чернобог вышел. Красивый, высокий, черным мраком тело окутано, а на плечах алый плащ развивается, кровью капает, на голове рогатый шлем с птичьими перьями, а на плече ворона, с глазами красными-искрящимися. Жрецы на колени упали, лбами в землю уткнулись, а я оцепенел. Смотрю на него, от восхищения сам не свой. Заговорил он со мной. Голос ласковый:

— Молодец, что пришел не побоялся. Я уважаю смелых и решительных. Присоединяйся к моей пастве, и станешь великим правителем. Города и княжества отдам тебе под руку, ибо наступает мое время — время нового бога, и новой правды. Теперь будет править хитрость. Ведь ты хитер? Будет править расчетливость. Ведь ты умен, и знаешь где выгода. Будет править золото. Я тебе его дам!

Согласился я, слишком сильно было искушение. Коснулся тогда бог моего чела и поставил печать свою. Пал я ниц перед ним. Великая страсть вселилась мне в душу.

Он велел мне подняться и сказал:

— Вернешься в столицу княжества и рассыпь вот этот порошок по терему князя. — У меня сам собой в руках мешочек кожаный оказался. — Когда он себя начнет вести не так как обычно, напишешь на сотника донос и станешь на его место. Любого светлого или темного духа, которого сможешь поймать, попробуй для начала на свою сторону переманить. Если же не получится, то оболги перед князем и жги на костре, того же самого порошка в огонь подкинув.

В скором времени мое войско неисчислимое, во владенья эти войдет. Встретишь его подобающе, ворота крепости откроешь Сослава казнишь и княжество во владения примешь. Веру в меня установишь, как закон неукоснительный. Идолов поставишь. Всех, кто против пойдет, так же на костер, без сожаления.

Исполнишь волю мою — миром править будешь. Не исполнишь, смерти лютой, мучительной предам. Велика сила моя, а будет еще больше.

Сказал и назад в идол свой ушел. Вот так я и стал его рабом беспрекословным, все что он велел выполнил. Еще он сказал, что смерть — это дорога к нему в чертоги, где воины пируют за столом, а им прислуживают прекрасные девы. Скоро войско его будет здесь. — Сканд начал медленно подниматься на ноги и глаза его стали наливаться кровью. — Твое время уходит Сослав, твоим богам приходит конец, твое княжество перестанет существовать, придет царство богатства и истинной правды, но ты этого не увидишь. — Он засмеялся, выплюнув последнее слово звериным оскалом. — Сдохни!!! — В руках сверкнул черный кинжал, но нанести вред князю не успел.

Молниеносным движением, Федогран снес мечем безумцу голову, которая, гулко ударившись о доски настила скатилась, подпрыгивая, по ступеням крыльца в песок, а тело, все еще живое, сделав шаг назад упало к ногам князя, залив ему сапоги пульсирующей струей темной крови. Черное облачко, отделившись от тела, взлетело в воздух, и превратившись в ворону умчалось с истерическим карканьем в небо, где нырнуло в открывшийся, полыхнувший пламенем проем другой реальности.

В полной, наступившей от растерянности присутствующих, тишине прозвучал неестественно громко голос шишка:

— Ох не зря я пристал к этой компании, ну до чего же с ними весело.

Конец первой книги